

ISSN 3033-8751 (Online)

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2026, том 9, № 1

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2026, volume 9, No. 1

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2026, том 9, № 1

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации: Эл № ФС77–911102, дата регистрации: 10.03.2026.

Форма распространения: электронное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Редакция: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3/45, каб. 245

Сайт: <https://kljournal.ru/>

Телефон: +7 (843) 206-52-36 (доб. 36-73)

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирьянов Альфат Массумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2026, volume 9, No. 1

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: El № FS77–911102, registration date: 10.03. 2026

The shape of the distribution: online (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Founder and publisher: Kazan (Volga region) federal university

Address: 18, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Editorial office: room 245, 3/45 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Website: <https://kljournal.ru/>

Phone: +7 (843) 206-52-36 (доб. 36-73)

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Researcher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatullina Fluza Gabdullinova – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Педагогика. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)	
Астафьева А.Д., Степашкина О.И. Семантизация многозначной лексики на уроках английского языка в старшей школе	7
• Филология. Русская литература и литература народов Российской Федерации	
Шаховцев Д.А., Нагина К.А. Влияние личности Л.Н. Толстого на Л. Витгенштейна. Этический аспект	20
• Филология. Литературы народов мира	
Стогний Д.А., Алташина В.Д. Метатеатральная рефлексия в пьесе «Побочный сын, или Испытания добродетели» Дени Дидро	31
• Филология. Языки народов зарубежных стран	
Дечева С.В., Гашек А.И. Территориальная вариативность современной английской речи как проблема риторики	42
Кириченко А.С., Пронина Е.Е. Пространственные концепты в семантике английского существительного <i>bottom</i>	52
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	
Аль-Судани М.А.Д., Томберг О.В. Влияние тональных моделей первого языка на ударение в словах английского языка: фонетическая интерференция у носителей арабского языка, изучающих английский язык	63
Бобырева Н.Н. Итальянские вкрапления в англоязычном туристическом дискурсе (на материале путеводителя “Experience Florence”)	73
Долганина А.А. Не все коту масленица: репрезентация лингвокультурного концепта в нейротекстах (в сопоставлении с народной речевой культурой)	83
Мамедова Л.Э. Терминологизация критерия «качество» в академическом дискурсе оценки	94
Сакаева Л.Р., Базарова Л.В. Нозологические термины: механизмы создания и семантические особенности	106
Семушина Е.Ю., Абдрахманова А.А. Особенности формирования окказионального фразеологического повтора в контексте (на материале английского и русского языков)	116
Уткина О.Л. Репрезентация искусственного интеллекта в публицистическом тексте	127
Фаткуллина Ф.Г., Чжан Сяоюй. Концепт радость / 高兴 в русских и китайских лингвокультурах	140
Khorosheva E.A., Savina E.V. Caractéristiques Linguistiques du Lexique Émotionnellement Coloré au Discours Politique Russe	150

CONTENT

- **Pedagogy. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)**

Astafieva A.D., Stepashkina O.I. Semantization of Polysemantic Vocabulary in English Lessons in High School 7

- **Philology. Russian literature and literature of the Peoples of the Russian Federation**

Shakhovtsev D.A., Nagina K.A. Influence of Leo Tolstoy's personality on L. Wittgenstein, Ethical aspect 20

Philology. Literature of the peoples of the world

Stognii D.A., Altashina V.D. Metatheatrical reflection in the play "Le Fils naturel, ou les épreuves de la vertu" by Denis Diderot 31

- **Philology. Languages of peoples of foreign countries**

Decheva S.V., Gashek A.I. Territorial Variability of Modern English as a rhetorical proposition 42

Kirichenko A.S., Pronina E.E. Spatial Concepts in the Semantics of the English Noun *Bottom* 52

- **Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics**

Al-Sudani M.A.J., Tomberg O.V. The Influence of L1 Tonal Patterns on English Word Stress: Phonetic Interference in Arabic-Speaking EFL Learners 63

Bobyreva N.N. Bobbyreva N.N. Italian insertions in the English tourism discourse (based on the guidebook "Experience Florence" 73

Dolganina A.A. Representation of the Linguistic and Cultural Concept of Maslenitsa in Neurotexts: a Contrastive Study with Language in Traditional Cultural Contexts 83

Mamedova L.E. Terminologization of the Criterion of «Quality» in the Academic Discourse of Assessment 94

Sakaeva L.R., Bazarova L.V. Nosological Terms: Formation Mechanisms and Semantic Features 106

Semushina E.Yu., Abdrakhmanova A.A. Formation of Occasional Phraseological Repetition in Context (based on English and Russian) 116

Utkina O.L. The Representation of Artificial Intelligence in a Publicistic Text 127

Fatkullina F.G., Zhang Xiaoyu. The Concept Joy / 高兴 in Russian and Chinese Linguocultures 140

Khorosheva E.A., Savina E.V. Linguistic Characteristics of Emotionally Colored Lexicon in Russian Political Discourse 150

**ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И
ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)
PEDAGOGY. THEORY AND METHODOLOGY OF TRAINING AND
EDUCATION (BY AREAS AND LEVELS OF EDUCATION)**

Научная статья
УДК 372.881.1

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.7-19>

**СЕМАНТИЗАЦИЯ МНОГОЗНАЧНОЙ ЛЕКСИКИ НА УРОКАХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ**

А.Д. Астафьева¹, О.И. Степашкина²

*Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

¹lusla48@yandex.ru , <https://orcid.org/0000-0002-9379-3104>

²stepaschkina.oxana@yandex.ru , <https://orcid.org/0000-0003-3355-810X>

Аннотация. Статья вносит вклад в решение проблемы снятия трудностей при обучении английскому языку, обусловленных такой особенностью английской лексики, как большое количество многозначных слов. В статье описывается методически целесообразный подход к этапу семантизации при организации овладения многозначными лексемами английского языка на старшей ступени общеобразовательной школы. Авторы анализируют трудности, с которыми учитель сталкивается в процессе осуществления обучающей деятельности, и обосновывают необходимость корректировки организации урока с учетом специфики работы с многозначной лексикой в случае наличия в списке усваиваемых слов помимо моносемичных лексических единиц также многозначных. При разработке подхода к специальной организации процесса семантизации полисемантических лексем авторы опираются на сущность лингвистического явления многозначности. В статье приводятся свойства явления многозначности, которые имеют принципиальное значение для разработки технологического аспекта данного подхода. Авторы корректируют в соответствии с потребностями разрабатываемого подхода перечень способов, традиционно предлагаемых для семантизации лексики на уроках иностранного языка, аргументируя производимые изменения характеристиками многозначных слов. Теоретические положения исследования иллюстрируются в статье примерами семантизации многозначных лексических единиц, предлагаемых к усвоению в УМК для старшей школы.

Ключевые слова: многозначность; семантизация; обучение многозначной лексике; иноязычное образование; контекст

Для цитирования: Астафьева А.Д., Степашкина О.И. Семантизация многозначной лексики на уроках английского языка в старшей школе. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 7–19. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.7-19>

Original article

Pedagogy studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.7-19>

SEMANTIZATION OF POLYSEMANTIC VOCABULARY IN ENGLISH LESSONS IN HIGH SCHOOL

A.D. Astafieva¹, O.I. Stepashkina²

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation

¹lusla48@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9379-3104>

²stepaschkina.oxana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3355-810X>

Abstract. The article contributes to solving the problem of removing difficulties in teaching English, caused by such a feature of English vocabulary as a large number of polysemantic words. The article describes a methodologically appropriate approach to the semantization stage in organizing the mastery of polysemantic lexemes of the English language at high stage of comprehensive school. The authors analyze the difficulties that a teacher faces in the process of implementing educational activities and substantiate the need to adjust the organization of the lesson taking into account the specifics of working with polysemantic vocabulary in the case of the presence of polysemantic lexical units in the list of words to be learned in addition to monosemic ones. As a basis for developing an approach to the special organization of the process of semantization of polysemantic lexemes, the authors consider the essence of the linguistic phenomenon of polysemy. The article presents the features of the phenomenon of polysemy, which are of fundamental importance for the development of the technological aspect of this approach. The authors adjust the list of methods traditionally proposed for semantization of vocabulary in foreign language lessons in accordance with the needs of the approach being developed, arguing the changes made with the characteristics of polysemantic words. The theoretical provisions of the study are illustrated in the article with examples of semantization of polysemantic lexical units proposed for assimilation in the teaching and methodological kit for senior school.

Keywords: polysemy; semantization; teaching polysemantic vocabulary; foreign language education; context

For citation: Astafieva A.D., Stepashkina O.I. Semantization of Polysemantic Vocabulary in English Lessons in High School. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 7–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.7-19>

В настоящее время в нашей стране и в мире английский язык является лидером по количеству изучающих. Поэтому рассмотрение вопросов, связанных с выявлением трудностей в процессе овладения им как иностранным и с разработкой вариантов преодоления этих трудностей, не теряет своей актуальности. Одной из серьезных проблем в обучении иностранному языку является обучение лексике. Важность проблемы объясняется не только большой ролью, которую играет знание словаря в становлении речевых умений обучающихся, но и сложностью самого процесса, обусловленной разнообразными свойствами

лексических единиц.

Одним из таких свойств является многозначность – явление, характерное для английского языка. В 2017 году турецкий университет Улудага в своём исследовании показал, что в английском языке 64% многозначных слов, при этом высокочастотная лексика в 95% случаев является многозначной, а среднечастотная в 48% [1, с. 2]. Данная характеристика английской лексики является причиной большого количества трудностей, возникающих, как у учителя при организации ее усвоения, так и у обучающихся при овладении полисемантическими лексемами. Так, учитель сталкивается в процессе выполнения своей деятельности с трудностями отбора значений для усвоения (количества и конкретных значений); определения последовательности представления значений для усвоения; отбора источников, содержащих значения для усвоения. Данные трудности возникают из-за того, что наполнение лексической единицы новыми смыслами является длительным процессом, протекающим, как правило, в определенных кругах, и не быстро и зачастую не единообразно находящим отражение в различных структурированных источниках данных, в силу того, что количество значений слова обуславливается экстралингвистическими факторами и особенностями национального внеязыкового мышления [2, с. 64].

Рассмотрению вопроса обучения лексической стороне иноязычной речи уделяли внимание многие выдающиеся российские и зарубежные методисты (И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, Г.Э. Палмер, Е.И. Пассов, Г.В. Рогова, И.В. Рахманов, Е.Н. Соловова, М. Уэст, Е.А. Хамраева и др.). Лингвистическое явление многозначности применительно к разным языкам также активно рассматривалось / рассматривается исследователями. Среди российских ученых большой вклад в развитие проблемы полисемии внесли Н.Н. Амосова, Ю.Д. Апресян, В.В. Виноградов, С.О. Карцевский, А.Б. Костромин, Д.Н. Шмелев, в зарубежной лингвистике необходимо отметить вклад Дж. Лакоффа, Р.У. Лангакера, И. Робертсона. Исследованием вопросов обучения многозначной лексике иностранного языка занимались британские ученые Н. Шмитт и Дж. Милтон,

П. Нейшн (Новая Зеландия), российские исследователи Н.А. Барышникова, О.С. Иванова, С.В. Петрова, Е.Н. Соловьева и др. О неиссякаемом интересе к данной проблематике свидетельствует наличие современных исследований, например, [3; 4; 5; 6; 7] и др.

При этом нельзя сказать, что вопрос организации обучения многозначной лексике английского языка является исследованным на достаточном теоретическом и практическом уровне. Данная статья описывает результаты проведенного исследования, направленного на разработку научно-обоснованного подхода к специальной организации овладения многозначными лексемами английского языка на старшей ступени обучения общеобразовательной школы. Ступень образования для рассмотрения проблемы выбрана по причине того, что именно в старших классах учащиеся наиболее активно проходят такой этап работы в освоении иноязычной лексики, как уточнение словаря (классификация М.Р. Львова) [8, с. 158].

Специальная организация процесса обучения англоязычной многозначной лексике включает содержание и последовательность работы, затрагивающие 3 этапа означенного процесса: 1) этап предварительной работы учителя с многозначной лексикой; 2) этап введения многозначной лексики на уроке / семантизация; 3) этап автоматизации многозначной лексики (Этапы приводятся в соответствии с традиционной нефункциональной стратегией обучения иноязычной лексике). В данной статье мы сосредоточим внимание на этапе семантизации и предшествующей ему подготовке учителя.

Подготовка учителя предполагает следующие виды работ с многозначной лексикой: вычленение многозначных лексем (предпочтительно путем использования только одного определённого источника данных); отбор для усвоения наиболее частотных значений полисемантических лексем, соответствующих изучаемой теме; отбор контекстов, в которых содержится полисемантическое слово в его различных значениях, в том источнике данных, который использовался для определения многозначности и отбора определённых значений (рекомендуе-

мым вариантом источников для отбора контекстов являются электронные переводчики, содержащие много примеров употребления многозначного слова).

Нецелесообразно отводить отдельный урок для овладения многозначными лексемами, можно включить этот процесс в обычный урок, на котором введение различных значений полисемантических слов будет проходить наряду с усвоением моносемичных лексических единиц. Однако наличие многозначных лексем в лексике, подлежащей усвоению на уроке, требует корректировки урока с учетом специфики работы с многозначной лексикой.

Традиционно предлагается проводить семантизацию с использованием конкретных переводных или беспереводных способов, выбор которых определяется целым рядом факторов, в числе которых есть такой, как качественные характеристики самой лексической единицы. Поскольку мы рассматриваем особенности семантизации многозначной лексики – группы лексем, выделяемой на основе общности определенного признака (в упрощенном понимании: наличия нескольких значений), правильным будет предположить, что именно этот фактор будет определять специфику исследуемого процесса. Таким образом, сущность лингвистического явления многозначности является основой для разработки подхода к специальной организации овладения полисемантическими лексемами.

Есть основания предполагать, что следующие особенности явления многозначности могут иметь принципиальное значение для технологического аспекта данного подхода:

- необходимость наличия контекста (лексического, грамматического, лексико-грамматического или экстралингвистического) для актуализации значений многозначной лексемы;
- сходство принципиального устройства множества значений многозначного слова с устройством синонимического ряда;
- близость явлений полисемии и омонимии.

Исходя из сказанного, на этапе введения многозначной лексики можно

порекомендовать определенные особенности организации работы. Представим их ниже.

1. Семантизация многозначной лексики путем ее употребления в контексте.
2. Введение первым значением для усвоения стержневого.
3. Активизация знаний об уже знакомых учащимся значениях многозначных слов, предваряющая введение новых значений. Данная рекомендация может быть особенно актуальной для старшей школы, где основным направлением работы с лексикой является уточнение словаря.

4. Семантизация новых значений полисемантических лексем с помощью построения логико-семантических связей между ними и стержневым или уже знакомым значением (в форме самостоятельной работы учащихся или с помощью учителя). Данная рекомендация не только логически вытекает из лингвистической природы явления многозначности, но и является экспериментально доказанной. Т. Вардидзе на примере обучения английскому языку грузинских школьников показала, что учащиеся, которым различные значения полисемантических слов были предложены для усвоения через запоминание их перевода, демонстрируют результаты хуже тех учеников, которые усваивали новые значения, опираясь на одно стержневое и ассоциации с ним [9, с. 124–125].

5. Использование синонимов и антонимов при введении различных значений полисемантического слова в случае, если невозможно или затруднительно построение логико-семантических связей, основанных на понимании экстралингвистических факторов – источников возникновения того или иного значения.

6. Использование наглядного материала при введении многозначных слов, значения которых возникли на основе явления метонимии.

Проиллюстрируем теоретические положения примерами семантизации многозначных лексических единиц, подлежащих усвоению на уроке «Personal Identification» по УМК «Rainbow English» для 10-го класса авторов О.В. Афанасьевой, И.В. Михеевой и К.М. Барановой.

При введении многозначной лексемы *stubborn* наличие логико-

семантических связей между двумя значениями данной лексемы можно показать с помощью наглядного материала. На слайде или в раздаточном материале предъявляются два изображения с подписями, в которых значения реализуются в определённом контексте. Подписи переводятся учащимися самостоятельно. Первая картинка относится к значению *describes someone who is determined to do what they want and refuses to do anything else* (Здесь и далее значения многозначных лексем приводятся по источнику [10]). На этой картинке изображён человек, который пытается сдвинуть с места осла. Картинка имеет подпись: «stubborn mule» ('упрямый осёл'). У учащихся при виде картинки должна выработаться ассоциация с русским эквивалентом данного выражения «упрямый, как осёл». К значению *difficult to move, change, or deal with* предлагается картинка, на которой изображена дорога, перекрытая высокой кирпичной стеной, по одну сторону которой стоят люди, не знающие, как обойти стену. Картинка имеет подпись: «stubborn obstacle» ('непреодолимое препятствие'). Данная картинка должна помочь учащимся определить второе значение лексемы *stubborn*.

Введение многозначной лексемы *blue* также возможно осуществить с помощью наглядного материала. Однако есть разница между способами представления лексем *blue* и *stubborn*. Значение *of the colour of the sky without clouds on a bright day, or a darker or lighter type of this* прилагательного *blue* уже известно учащимся. Поэтому для начала его необходимо активизировать, например, посредством простого перевода. После активизации уже знакомого значения представляется новое значение. Для этого используется наглядный материал и контексты употребления. Для значения *feeling or showing sadness* предлагается картинка, изображающая грустное лицо на синем фоне. Синий цвет является хорошей ассоциацией, которая помогает учащимся связать два значения: *синий* и *грустный*. Данное изображение предъявляется с подписью «blue face on the blue screen» ('грустное лицо на синем экране'). Перевод осуществляется учащимися самостоятельно.

Введение таких многозначных лексем как *to trust* и *to appreciate* является примером реализации другой формы семантизации, так как эти глаголы обозначают мыслительные и психические процессы, с трудом поддающиеся передаче в наглядной форме. В данном случае учащимся можно предложить построить логико-семантические связи между стержневым и другими значениями на основании контекстов употребления. Так, учащимся сначала предлагаются контексты, в которых слова употребляются в знакомых значениях. После перевода предложений учащиеся должны прочитать контексты употребления других значений и догадаться, какие русские эквиваленты можно подобрать к данным значениям. Языковая догадка, «способствующая активизации цепочки мыслительных операций, которые, в конечном счете, приводят учащегося к семантизации незнакомой лексической единицы», взаимосвязана с контекстом [11]. Контексты употребления различных значений могут быть представлены на слайде. Многозначную лексему в контексте и её русский эквивалент в переводе предпочтительно графически выделять. Так, для лексемы *to trust*, предлагаем следующие контексты и варианты их перевода: в значении *to believe that someone is good and honest and will not harm you, or that something is safe and reliable* контекстом будет «**Trust** your instincts and do what you think is right», а вариантом перевода – 'Доверяй своим инстинктам и делай, что считаешь нужным'; для значения *to hope and expect that something is true* мы выбрали контекст «I **trust** that you slept well?» и его перевод – 'Я **надеюсь**, вы спали хорошо?' Для глагола *to appreciate* в значении *to recognize how good someone or something is and to value them* мы выбрали контекст «I **appreciate** your honesty» и его перевод – 'Я **ценю** твою честность'. Для значения *to understand a situation and realize that it is important* мы будем использовать предложение «I don't think you quite **appreciate** the delicacy of the situation» с переводом 'Я не думаю, что ты **осознаёшь** всю серьёзность ситуации'.

Многозначные однокоренные лексемы *familiar* и *familiarity* имеют для одного из своих значений эквиваленты в русском языке, которые являются за-

имствованиями. Эти лексические единицы можно предъявить через связь с русскими эквивалентами и контекстами употребления в различных значениях. Для начала необходимо попросить учащихся назвать слова в русском языке, похожие по звучанию на эти английские слова («фамильярность» и «фамильярный»). Далее ученикам предлагается перевести предложения, в которых лексемы *familiar* и *familiarity* реализуются в значениях: *informal and friendly, sometimes in a way that does not show respect to someone who is not a relation or close friend* и *friendly and informal behaviour*. Для проверки на слайде демонстрируются предложения и подготовленные учителем переводы с графическим выделением многозначных лексем и их эквивалентов: «He doesn't like to be too **familiar** with his staff» – 'Он не любит быть слишком **фамильярным** со своими сотрудниками'; «His excessive **familiarity** offended her» – 'Его чрезмерная **фамильярность** оскорбила ее'. Далее учащимся необходимо догадаться о других значениях лексем, однако вначале стоит помочь выстроить логико-семантические связи между значениями с помощью уточняющих вопросов. Для проверки понимания новых значений учитель демонстрирует слайд, где представлены предложения вместе с вариантами переводов. Многозначные лексемы и их русские эквиваленты выделяются графически. Для значения *easy to recognize because of being seen, met, heard, etc. before* лексемы *familiar* и значения *a good knowledge of something, or the fact that you know it so well* лексемы *familiarity* предлагаются следующие контексты с соответствующими переводами: «The house looked strangely **familiar**, though she knew she'd never been there before» – 'Дом казался странно **знакомым**, хотя она знала, что никогда не была здесь раньше'; «Ellen's **familiarity** with pop music is astonishing» – 'Познания Эллен о поп-музыке поразительны'.

На примере введения многозначного глагола *to beat* покажем, что способы семантизации можно комбинировать. В отобранных нами значениях глагола *to beat* есть, во-первых, значение, которое реализуется в русском языке с помощью заимствования, во-вторых, значения можно продемонстрировать как с по-

мощью наглядного материала, так и с помощью контекста. Для значения *to defeat or to do better than* предлагается картинка, на которой изображена футбольная команда с кубком. Для значения *to hit repeatedly* представлено изображение с сидящим человеком, который бьёт по столу. Для значения *to (cause to) make a regular movement or sound* предлагается картинка, с изображённым на ней человеком за барабанами. Данное изображение должно натолкнуть учащихся на мысль о том, что барабанщик отбивает ритм. Также для данного значения необходимо вначале построить логико-семантические связи с его русским эквивалентом, который является транскрибированным заимствованием. Мы предлагаем сделать это с помощью наводящего вопроса «What does the word “beat” means in Russian?» В данном примере мы не будем предлагать контекст употребления того или иного значения для каждой картинки, потому что в учебнике уже предлагается стержневое значение глагола *to beat* – *бить*. Единственная надпись на слайде – это сам глагол *to beat* в инфинитиве.

На примере глагола *to admit* рассмотрим, как можно представить многозначное слово, используя синонимы, относящиеся к каждому из его значений. Для значения *to agree that something is true, especially unwillingly* мы выбрали следующие синонимы: *to accept, to concede, to acquiesce, to grant, to recognize*. Значение *to allow someone to enter a place* может быть представлено через синонимы: *to let in, to allow to enter, to receive*. Данные синонимические ряды, в каждом из которых будет содержаться слово *to admit*, могут быть предложены, например, на слайде для того, чтобы учащиеся подобрали один общий, наиболее подходящий перевод для каждого ряда слов, который также появится на слайде. Стоит обратить внимание школьников на то, что в обоих случаях перевода мы можем использовать английское слово *to admit*.

Прилагательное *precious* предлагаем семантизировать с помощью антонимов. Учащимся будут предложены два антонимических ряда для каждого из значений данной лексемы на слайде. Предварительно, необходимо обозначить, что на доске написаны антонимы к слову *precious*, например через подпись

«Precious is not...». Далее мы попросим учащихся перевести лексему *precious* относительно каждого антонимического ряда через фразу «Precious is...». Для значения *of great value because of being rare, expensive, or important* мы отобрали антонимы: *worthless, cheap, valueless, disliked*. Значение *behaving in a very formal and unnatural way by giving too much attention to details that are not important and trying too hard to be perfect* можно представить через следующие антонимы: *unsophisticated, simple, plain, guileless*.

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить следующее.

Наличие большого количества многозначных лексем в английском языке создает определенные трудности как для учителя, организующего процесс усвоения иноязычной лексики, так и для обучающихся.

Данные трудности могут быть нивелированы путем организации урока с учетом специфики работы с многозначной лексикой.

Изменения в организации процесса обучения многозначной лексике затрагивают содержание и последовательность работы на всех этапах означенного процесса.

Для этапа семантизации рекомендуемыми являются определенные особенности организации этого процесса, научная обоснованность и, соответственно, методическая целесообразность которых вытекает из лингвистической сущности явления многозначности.

Список литературы

1. Ozturk M. Multiple Meanings in the EFL Lexicon. *International Journal of Curriculum and Instruction*. 2017; 9 (2): 1–10.
2. Зимовая М.В. *Многозначность в терминологии*. Орел; 2011.
3. Casas B., Català N., Ferrer-i-Cancho R. и др. *The Polysemy of the Words that Children Learn over Time*. Barcelona; 2016. DOI: [10.48550/arXiv.1611.08807](https://doi.org/10.48550/arXiv.1611.08807)
4. Makni F. Applying Cognitive Linguistics to Teaching Polysemous Vocabulary. *Arab World English Journal*. 2014; 5 (1): 4–20. URL: <https://awej.org/images/AllIssues/Volume5/Volume5Number1March2014/1.pdf> (дата обращения: 07.03.2026).
5. Veliz L. A Route to the Teaching of Polysemous Lexicon: Benefits from Cognitive Linguistics and Conceptual Metaphor Theory. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. 2017; 7 (211). DOI: [10.7575/aiac.ijalel.v.7n.1p.211](https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.7n.1p.211)
6. Атаджанова Д., Билишова О. Практические методы преподавания многозначных слов английского языка. *Мировая наука*. 2024; 10 (91). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskie-metody-prepodavaniya-mnogoznachnyh-slov-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 07.03.2026).

7. Аверьянова В.В. Методика работы с многозначными словами на занятиях по английскому языку. *Евразийский научный журнал*. 2022; 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-raboty-s-mnogoznachnymi-slovami-na-zanyatiyah-po-angliyskomu-yazyku> (дата обращения: 07.03.2026).

8. Львов М.Р., Рамзаева Т.Г., Светловская Н.Н. *Методика обучения русскому языку в начальных классах*. М.: Просвещение; 1987.

9. Vardidze T. The Impact of Teaching English Polysemy through Similarity-Based Approach. *Journal of Education in Black Sea Region*. 2020; 5(2): 112–125.

10. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge University Press; 2013. 4th Edition.

11. Заболотская А.Р., Мадякина Н.Ю. Языковая догадка и ее формирование у студентов неязыковых специальностей. *Казанский лингвистический журнал*. 2018. 1 (2): 99–109.

References

1. Ozturk M. Multiple Meanings in the EFL Lexicon. *International Journal of Curriculum and Instruction*. 2017; 9 (2): 1–10.

2. Zimovaya M.V. *Polysemy in Terminology*. Orel; 2011. (In Russ.)

3. Casas B., Català N., Ferrer-i-Cancho R. et al. *The Polysemy of the Words that Children Learn over Time*. Barcelona; 2016. DOI: [10.48550/arXiv.1611.08807](https://doi.org/10.48550/arXiv.1611.08807)

4. Makni F. Applying Cognitive Linguistics to Teaching Polysemous Vocabulary. *Arab World English Journal*. 2014; 5 (1): 4–20. Available from: <https://awej.org/images/AllIssues/Volume5/Volume5Number1March2014/1.pdf> (accessed 07.03.2026).

5. Veliz L. A Route to the Teaching of Polysemous Lexicon: Benefits from Cognitive Linguistics and Conceptual Metaphor Theory. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. 2017; 7 (211). DOI: [10.7575/aiac.ijalel.v.7n.1p.211](https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.7n.1p.211)

6. Atajanova D., Bilishova O. Practical methods of teaching polysemantic words in English. *World Science*. 2024; 10 (91). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskie-metody-prepodavaniya-mnogoznachnyh-slov-angliyskogo-yazyka> (accessed 07.03.2026). (In Russ.)

7. Averianova V.V. Methods of working with polysemantic words in English classes. *Eurasian Scientific Journal*. 2022; 11. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-raboty-s-mnogoznachnymi-slovami-na-zanyatiyah-po-angliyskomu-yazyku> (accessed 07.03.2026). (In Russ.)

8. Lvov M.R., Ramzaeva T.G., Svetlovskaya N.N. *Methods of Teaching Russian in Primary Schools*. Moscow: Prosveshchenie; 1987. (In Russ.)

9. Vardidze T. The Impact of Teaching English Polysemy through Similarity-Based Approach. *Journal of Education in Black Sea Region*. 2020; 5 (2): 112–125.

10. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge University Press; 2013. 4th Edition.

11. Zabolotskaya A.R., Madyakina N.Yu. Language guess and its formation in students of non-linguistic specialties. *Kazan Linguistic Journal*. 2018;1 (2): 99–109. (In Russ.)

Авторы публикации

Астафьева Алла Демьяновна –

Преподаватель СПО

ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия

Email: lusla48@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9379-3104>

Степашкина Оксана Ивановна –

Authors of the publication

Astafeva Alla Demyanovna –

Lecturer

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky
University

Lipetsk, Russia

Email: lusla48@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9379-3104>

Stepashkina Oksana Ivanovna –

*кандидат педагогических наук, доцент
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия*

Email: stepaschkina.oxana@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3355-810X>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.04.2025

Одобрена после рецензирования: 25.11.2025

Принята к публикации: 27.11.2025

*Автор прочитал и одобрил окончательный ва-
риант рукописи.*

Информация о рецензировании

*«Казанский лингвистический журнал» благода-
рит анонимного рецензента (рецензентов) за их
вклад в рецензирование этой работы.*

*Candidate of Pedagogy, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky
University*

Lipetsk, Russia

Email: stepaschkina.oxana@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3355-810X>

Conflicts of Interest Disclosure

*The author declares that there is no conflict of in-
terest.*

Article info

Submitted: 10.04.2025

Approved after peer reviewing: 25.11.2025

Accepted for publication: 27.11.2025

*The author has read and approved the final manu-
script.*

Peer review info

*Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous re-
viewer(s) for their contribution to the peer review of
this work.*

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья

Филологические науки

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.20-30>

**ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО НА Л. ВИТГЕНШТЕЙНА.
ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Д.А. Шаховцев¹, К.А. Нагина²

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

¹dancebaka@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4703-4481>

²k-nagina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7676-9228>

Аннотация. Статья посвящена исследованию этического влияния Льва Толстого на философские взгляды Людвиг Витгенштейна. Основное внимание уделено анализу идей, изложенных в «Кратком Евангелии» Толстого, где формулируется особая концепция нравственного совершенствования личности и понимание Евангелия как практического руководства к жизни. В статье прослеживаются биографические и интеллектуальные связи между мыслителями, включая их обращение к проблемам веры, внутреннего возрождения и ответственности перед другими людьми. Показано, что обращение Витгенштейна к Толстому во время Первой мировой войны стало важным этапом в его духовных поисках и оказало влияние на формирование его представлений о совести, вине и подлинной жизни. Особое внимание уделено сопоставлению их взглядов на смысл жизни, возможность обретения гармонии с миром и роль искусства как средства духовного очищения и самоограничения. Исследуется, каким образом идеи Толстого о непротивлении злу, необходимости самодисциплины и радикальной требовательности к себе были восприняты Витгенштейном и повлияли на его этические и философские построения, несмотря на культурные и исторические различия между ними, а также различие их интеллектуальных традиций и различного философского и культурного контекста эпохи.

Ключевые слова: Толстой; Витгенштейн; этика; религия

Для цитирования: Шаховцев Д.А., Нагина К.А. Влияние личности Л.Н. Толстого на Л. Витгенштейна. Этический аспект. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 20–30. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.20-30>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.20-30>

**INFLUENCE OF LEO TOLSTOY'S PERSONALITY ON
L. WITTGENSTEIN. ETHICAL ASPECT**

D.A. Shakhovtsev¹, K.A. Nagina²

Voronezh state university, Voronezh, Russia

¹dancebaka@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4703-4481>

²k-nagina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7676-9228>

Abstract. The article examines the ethical influence of Leo Tolstoy on the philosophical views of Ludwig Wittgenstein. It focuses on an analysis of the ideas set out in Tolstoy's The Gospel in Brief, where a distinctive conception of the moral perfection of the person is formulated and the Gospel is understood as a practical guide to life. The article traces the biographical and intellectual

connections between the two thinkers, including their engagement with the problems of faith, inner rebirth, and responsibility toward other people. It is shown that Wittgenstein's turn to Tolstoy during the First World War became an important stage in his spiritual quest and influenced the formation of his views on conscience, guilt, and authentic life. Special attention is paid to comparing their views on the meaning of life, the possibility of attaining harmony with the world, and the role of art as a means of spiritual purification and self-restraint. The article explores how Tolstoy's ideas of non-resistance to evil, the necessity of self-discipline, and radical stringency toward oneself were received by Wittgenstein and shaped his ethical and philosophical constructions, despite the cultural and historical distance between them, as well as the divergences in their intellectual traditions and in the philosophical and cultural context of their respective epochs.

Keywords: Tolstoy; Wittgenstein; ethics, religion

For citation: Shakhovtsev D.A., Nagina K.A. Influence of Leo Tolstoy's personality on L. Wittgenstein, Ethical aspect. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 20–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.20-30>

В личном письме, направленном в 1919-ом году своему товарищу Людвигу фон Фикеру, Витгенштейн пишет об этическом характере «Логико-философского трактата». Этическое в «Трактате» выражается категорией мистического, которая также касается эстетики, области божественного, рассуждений о смысле и ценности жизни.

Чтобы лучше понять стратегии взаимодействия Витгенштейна с «мистическим», было бы полезно рассмотреть две нити влияния, связывающие его с творчеством Льва Николаевича Толстого. Первая из этих нитей – биографическая. Образ жизни Толстого, особенно в последние три десятилетия его жизни в определённом смысле стал для Витгенштейна воплощением того, что значит для человека «жить счастливо». Вторая же нить связана с философией Толстого в узком смысле: его трактатами и прочими нехудожественными произведениями.

Очевидно, что из толстовских работ наиболее значительное влияние на Витгенштейна оказал текст «Краткого Евангелия», прочитанный им в период службы на фронте. Важно отметить, что для Европы Толстой, оказавший влияние на многих деятелей мировой культуры в последние десятилетия XIX века и первые десятилетия XX, в первую очередь был не романистом, написавшим «Войну и мир» и «Анну Каренину», а скорее, светским философом-моралистом, исследовавшим и мучительно переживающим своей «Исповеди» группу сложных этических вопросов, остававшихся в центре его интеллекту-

альной и духовной жизни вплоть до смерти в 1910 году [1, с. 47]. Проблемы, ставшие для Толстого позднего периода главной заботой, можно было бы для удобства свести к единственному вопросу: почему человек должен отказаться от самоубийства и предпочесть жить в мире, который кажется любому рефлексующему человеку бессмысленной чередой неизбежных страданий? Этот вопрос позднее заинтересует и молодого Витгенштейна. Подобно Толстому, он станет размышлять о сущности мистического и религиозного, роли искусства и художника, осуществлении нравственного возрождения и преображения. Как пишет сам Толстой в своей «Исповеди», его экзистенциальное беспокойство было вызвано внезапным и мучительным откровением, что ничто из его заслуг – ни титул, ни имения, ни литературные достижения, ни слава, ни даже любовь жены и детей – не имеет никакого значения. Прежние жизненные ориентиры: слава, богатство и семейная любовь, ранее определявшие положение Толстого в мире и указывавшие ему путь к благополучию и жизненному счастью, теперь, казалось, полностью утратили своё значение. Единственными истинами оставались несчастье и смерть. То, что жизнь, когда-то столь желанная, теперь казалась не более чем чередой мрачных дней, «преследующих и ведущих» человечество к неизбежной смерти, составляло правду, открывшуюся ему в попытках решения одного вопроса: «Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, — что выйдет из всей моей жизни?» [2, с. 26]. Ответ на свой вопрос Толстой искал, обращаясь к обеим главенствующим сферам человеческого познания: науке и метафизике. Однако в науках, этом «царстве экспериментального знания», он разочаровался, поскольку их точность и ясность показались ему обратно пропорциональными их применимости к реальным вопросам жизни. Обратившись за ответом на «вопросы жизни» к метафизике, «сфере умозрительной философии», Толстой был не менее разочарован. [3, с. 215] Он видел в европейской философии нездоровую склонность к постановке пустых вопросов и механистичности рассуждений. Толстой писал, что подобного рода подход

бесплоден сам по себе, так как предполагает не решение насущных проблем, а их маскировку [2, с. 50].

Для позднего Толстого наука просто не имеет отношения к поставленному им вопросу, а философия только переформулирует его, подобно математическим тождествам, только в более сложной форме. Убедившись в этом, Толстой приходит к парадоксальному выводу: «Разум есть плод жизни, и разум этот отрицает самую жизнь» [2, с. 49]. Абсурд, в который человека втягивает собственный разум, заставил Толстого с подозрением отнестись к умозрительным рациональным системам, претендующим на объяснение действительности и поиск ответов на «жизненные вопросы». Более того, Толстой стал подозревать сам разум: можно сказать, что он осознал неспособность разума исследовать самого себя.

Так Толстой смог совершенно по-новому взглянуть на проблему разума и познания. Существенно, что он не считал неизбежным выбор: либо принять разум и отвергнуть жизнь, либо принять жизнь и отвергнуть разум. В этом смысле он пошёл по пути компромисса, установив, что принять жизнь – это значит не отвергнуть разум, но лишь ограничить его применение теми сферами, которые ему присущи, – наукой и философией. Если «человечество в целом обладает каким-то пониманием смысла жизни», то его знание должно отличаться от «рационального знания» науки и философии. Оно должно лежать в «иррациональном знании» или «вере». Как рациональное знание даёт возможность науки и философии, так вера, по Толстому, «даёт возможность жить» и истинно познавать жизнь [2, с. 49].

Сформулировать вопрос о смысле или ценности жизни по-новому значит осознать, что все это время вопрос был по своей сути не рациональным, но мистическим, религиозным. Толстой понимает, что раньше он жил в отрыве от источника жизни, что этот источник – Бог, и что, только вновь связав себя с этим источником, он может вновь утвердить и принять свою жизнь.

Переформулирование Толстым своего вопроса о смысле жизни в религиозном ключе — знак того, что он начал «выздоровливать от болезни разума». «Итак, — признается он, — сила жизни возобновилась во мне, и я опять начал жить» [2, с. 49]. Но Толстому не сразу удалось определить, какая именно традиция должна стать его «направлением» к «берегу Божию».

Мы уже упоминали, что Толстой не отказывал человечеству в общем понимании смысла жизни. Здесь следует быть особенно осторожным, поскольку Толстой в первую очередь имеет в виду именно ту часть человечества, к которой относился простой русский крестьянин, которого он был склонен воспринимать в определённом смысле идиллически, как трудолюбивого, смиренного, молчаливого и милосердного. Именно эти черты Толстой принимал за надёжные признаки подлинно религиозной формы жизни.

Эти черты Толстой связывает в первую очередь с христианской этикой. Именно христианская традиция представлялась ему наиболее достойной пристального изучения. Такое изучение поставило Толстого перед определенной проблемой. Тщательный анализ, начавшийся во второй половине 1870-х годов, привёл Толстого к горькому выводу о том, что доктринальные интерпретации этих заповедей и все богословие, в котором они содержатся, совершенно ложны.

Иррациональное знание или вера простого русского человека, его, свободное от институтов, понимание смысла и ценности жизни — вот что вдохновило Толстого взяться за амбициозный проект по переводу и объяснению Евангелий. С марта 1889 года по июль следующего года он подготовил толкование этих писаний, которое было опубликовано в трёх томах в Женеве в 1892 году под названием «Собрание, перевод и исследование четырех Евангелий».

Самое важное в этом переводе Евангелий — то, что Толстой приложил к каждому из них личное толкование и, кроме того, оставил во многих местах глубокомысленный анализ и комментарий. Объем этого произведения был очень велик, и Толстой понимал, что оно попросту может отпугнуть многих из той аудитории, для которой он его предназначал. Поэтому он решил написать

одновременно и более сжатый сборник, содержащий лишь избранные, наиболее существенные места христианского учения. Являясь чем-то вроде введения к более крупному произведению, оно появилось в 1890 году под названием «Сокращение Евангелия»

Уже через год после этого в одном берлинском издательстве появился немецкий перевод «Сокращения» под названием «Kurze Auslegung des Evangeliums» (Краткое толкование Евангелия). Позднее в том же году в издательстве в Лейпциге вышло еще одно издание этого перевода под названием «Краткое объяснение Евангелия» («Kurze Darlegung des Evangeliums») [4, с. 79].

Витгенштейн первоначально познакомился с этой книгой через второе, лейпцигское издание. Мы знаем это потому, что в 1923 году он подарил свой экземпляр этого издания одному из своих друзей. Почти наверняка этот же самый том Витгенштейн упоминал в разговорах с Бертраном Расселом в 1915 году, когда рассказывал о своей службе на фронтах Первой мировой войны.

В письме, которое Рассел написал одной из своих близких знакомых в конце декабря 1919 года, он говорит о том, какое неожиданно большое влияние эта книга оказала на Витгенштейна. Он не прекращая читал её, и с тех пор она всегда была с ним.

Рассел и позже не забывал о глубине влияния Толстого на фигуру Витгенштейна. Более тридцати лет спустя он напомнил об этом в некрологе, посвященном его бывшему ученику, другу и, в конечном счете, учителю.

Кажется, что это влияние было спонтанным. В дни до 1914 года Людвиг Витгенштейн занимался почти исключительно логикой. Существуют свидетельства, что до этого он был догматически антихристианином, но в этом отношении он полностью изменился. Уже во время Первой мировой войны или, возможно, незадолго до неё он изменил своё мировоззрение и стал в большей или меньшей степени мистиком.

В первый месяц своего пребывания в Галиции Витгенштейн зашел в небольшой книжный магазин, где смог найти только одну книгу: «Краткое Еван-

гелие» Толстого. Эта книга по-настоящему захватила его. Она стала для него своего рода талисманом: он носил ее с собой, куда бы ни пошел, и читал так часто, что знал наизусть целые отрывки. Среди военных товарищей он даже стал известен как «человек с Евангелием».

Итак, до того как Витгенштейн прочитал «Евангелие в кратком изложении» Толстого, он был «догматически антихристианином». После знакомства с толстовским текстом он изменился до такой степени, что производил на окружающих впечатление человека с глубоко религиозным складом ума. В перерывах между сражениями на Восточном фронте книга Толстого смогла помочь Витгенштейну ответить на вопрос о том, как возможно «жить счастливо».

Здесь могут возникнуть вопросы: какие именно толстовские идеи сумели сохранить жизнь Витгенштейну на фронте? Для ответа на этот вопрос необходимо более внимательно рассмотреть связь между идеей Толстого о «жизни вне времени» и идеей Витгенштейна о «жизни знания».

Обе упомянутые идеи связаны с определённой позицией к себе, миру и своему отношению к происходящим в мире событиям, маркирующей её обладателя качеством, подобным отрешённости и невозмутимости. Оба мыслителя считают это качество важным условием жизненного благополучия. Кроме того, они также согласны в том, что такое это качество является следствием свободного восприятия, при котором человек воспринимает мир в аспекте вечности, с точки зрения, находящейся вне физического пространства, времени и причинности. Мысль Толстого об отношении человека, увидевшего мир с точки зрения вечности, особенно ярко проявляется в главах с седьмой по десятую «Краткого Евангелия». Когда через «иррациональное знание» или веру человек соединяет свою волю с божественной и тем самым приходит к жизни в согласии с первоосновой своего бытия, он приходит к жизни «истинной», которая находится в вечном настоящем.

Итак, время для Толстого – условие возможности истории; история – условие любой биографии; а биография – условие возможности любой индиви-

дуальности. Уничтожение частного в такой парадигме может восприниматься как гармонизация собственной воли с волей мировой. В такой гармонизации индивид не желает изменить происходящее в мире. Подобное же настроение считается в записных книжках Витгенштейна от шестого, восьмого и четырнадцатого июля 1916 года [5, с. 89], а также в высказываниях 6.4311 и 6.4312 «Трактата». 6/7/16 Витгенштейн спрашивает: «Но возможно ли так жить, чтобы жизнь перестала быть проблематичной? Чтобы человек жил в вечности, а не во времени?» [6, с. 26]. Через два дня после этого он возвращается к этой теме: «Что делает жизнь «проблематичной», так это то, что она проживается «перед лицом смерти». Жить так – значит жить в страхе и надежде, которые исключают возможность жить без возмущений» [5, с. 100].

Для Толстого истинная жизнь начинается с трансформации своих представлений о мире. Из успешного отражения мира в индивиде и возникает гармония индивидуальной воли с мировой. В «Записных книжках» мы видим, что витгенштейновское представление о «счастливой жизни» включает в себя мысль о том, что обретение гармонии человека и мира вокруг него является важнейшим моментом способа бытия в мире: счастливая жизнь представляется в некотором смысле более гармоничной, чем несчастливая.

Для Толстого гармония между конечным существом и Бесконечным, обуславливающая истинную жизнь настоящего, закрыта для того, кто ведёт «жизнь во времени». «Жить во времени – значит переживать свою жизнь как простое стечение мгновений, соединяющих случайность рождения с неизбежностью смерти.

Для обоих мыслителей условием получения «высшего» знания является признание того, что истории естественных наук лишь ставят загадку ценности жизни, оставаясь немymi в отношении ее решения. Именно это имеет в виду Витгенштейн, когда говорит, что проблема придания ценности или смысла жизни перед лицом смерти «лежит вне пространства и времени». И для Толстого, и для Витгенштейна загадка решена, проблема решена тогда и только тогда,

когда божественность человека соприкасается с личностью божественного в пограничной области между временем и вечностью. Там, где соприкасаются конечное и Высшее, встречаются жизненный факт и ценность; где встречаются жизненный факт и ценность, там гармонируют воля и мир; а где гармонируют воля и мир, там есть «истинная жизнь» Толстого и «жизнь знания» Витгенштейна.

В этих размышлениях Витгенштейна заметен след этико-религиозной мысли Толстого из «Краткого Евангелия». Само Евангелие свидетельствует об убежденности Толстого в том, что жизнь и учение Иисуса наиболее полно воплощают решение человеческой проблемы придания смысла жизни, прожитой перед лицом смерти. Это решение лучше всего проявляется в жизни, которую вёл сам Иисус. Жизненные принципы Толстого происходили из подражания Толстого жизни и учению Иисуса, на которые он опирался как на идеал для исправления и совершенствования собственного характера и поведения.

Если мы допустим, что Евангелие Толстого отражает его собственный идеал добродетельного характера почти в той же степени, в какой оно представляет жизнь и учение Иисуса как образец этого идеала, будет правильно рассматривать экзистенциальную реакцию Витгенштейна на его «Исповедь» как подражание Толстому. Эта реакция проявляется в жизни и мышлении Витгенштейна с момента его знакомства с книгой Толстого вплоть до его смерти в 1951 году, хотя формирующее влияние Евангелия на Витгенштейна наиболее очевидно в некоторых решениях, принятых им в молодом возрасте: в отказе от наследства и шестилетнем затворничестве в Нижней Австрии для обучения деревенских детей. Стоит, однако, признать, что ни Толстой, ни Витгенштейн не были радикально последовательны в своём движении по намеченному нравственному пути. Даже после нравственного кризиса, разделившего жизнь на две непохожие половины, Толстой продолжал жить в Ясной Поляне, а Витгенштейн вернулся к философии и Кембриджу после того, как обнаружил, что его пассионарность и перфекционизм не подходят для роли сельского школьного учителя. Но все это не отменяет того, что каждый из них попытался воплотить

в своей жизни идеал служения Христу. В мировоззрениях обоих мыслителей важнейшую роль играла аскеза, отказ от привычных жизненных удобств ради служения бедным, неправым и обездоленным. Оба мыслителя имели сходное представление об этике и её отношении к благополучной, счастливой жизни, понимая её не как рациональную систему обязательств или принципов, а как практику, действие в соответствии с определенным нравственным идеалом.

Список литературы

1. Woodruff D. Tolstoy and Wittgenstein: The Life Outside of Time. *The Southern Journal of Philosophy*. 2002; LX: 421–434.
2. Толстой Л.Н. *Исповедь*. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва: Худож. лит.; 1928–1958. Т. 23. С.1–60.
3. Асмус В. Ф. Мировоззрение Л.Н. Толстого. Москва: Логос; 1969. 320 с.
4. Пикфорд Г. Мыслить, как Толстой и Витгенштейн: искусство, эмоции и выражение. Санкт-Петербург: Academic Studies Press. Библиороссика; 2021. 303 с.
5. Витгенштейн Л. Тайные дневники 1914 – 1916 гг. Москва: Логос; 2004. 115 с.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Москва: Гнозис; 1994. 405 с.

References

1. Woodruff D. Tolstoy and Wittgenstein: The Life Outside of Time. *The Southern Journal of Philosophy*. 2002; LX: 421–434.
2. Tolstoy L.N. *Confession*. Poln. sobr. soch. v 90 t. Moscow: Khudozh. lit.; 1928–1958. V. 23. Pp. 1–60.
3. Asmus V. F. *L.N. Tolstoy's worldview*. Moscow: Logos; 1969. 320 p.
4. Pickford G. Thinking like Tolstoy and Wittgenstein: art, emotion and expression. Saint Petersburg: Academic Studies Press /Bibliorossika; 2021. 303 p.
5. Wittgenstein L. The Secret Diaries 1914–1916 gg. Moskva: Logos; 2004. 115 p.
6. Wittgenstein L. Philosophical works. Moskva: Gnosis; 1994. 405 p.

Авторы публикации

Шаховцев Данил Андреевич –
аспирант филологического факультета
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
Email: dancebaka@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4703-4481>

Нагина Ксения Алексеевна
доктор филологических наук, профессор
Воронежский государственный университет
Email: k-nagina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7676-9228>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Authors of the publication

Shakhovtsev Danil Andreevich –
PhD Student
Voronezh State University
Voronezh, Russia
Email: dancebaka@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4703-4481>

– **Nagina Ksenia Alekseevna** –
Doctor of Philology, Professor
Voronezh State University
Email: k-nagina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7676-9228>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Поступила в редакцию: 02.02.2025

Одобрена после рецензирования: 25.09.2025

Принята к публикации: 28.10.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Submitted: 02.02.2025

Approved after peer reviewing: 25.09.2025

Accepted for publication: 28.10.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья
УДК 82.2, 821.133.1.0

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.31-41>

МЕТАТЕАТРАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ПЬЕСЕ «ПОБОЧНЫЙ СЫН, ИЛИ ИСПЫТАНИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ» ДЕНИ ДИДРО

Д.А. Стогний¹, В.Д. Алташина²

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹*avglin777@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-1265-6564>*

²*v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>*

Аннотация. В статье проанализирована метатеатральная рефлексия в пьесе Дени Дидро «Побочный сын, или Испытания добродетели» как один из результатов осуществления театральных реформ французским просветителем. Авторы исследования характеризуют признаки новаторства комедии, которое заключается в том, что персонажи осознают исполнение своей роли, являясь при этом симулякрами – художественными образами, существующими между реальностью и вымыслом. В статье поднимается вопрос о способах достижения правдоподобия в фикциональном тексте на метатеатральном уровне. Основная цель состоит в выявлении зон двойного кодирования и описании их функций в пьесе. Авторы приходят к выводу, что высказывания персонажей, содержащие двойной код, могут быть одновременно адресованы автору, читателю или зрителю и истолкованы ими соответственно. Проанализирована роль паратекстуальных элементов, включая предисловие и режиссерские указания, формирующие восприятие реципиента и усиливающие иллюзию аутентичности. Метатеатральность в пьесе реализуется через замедление драматического действия, позволяющее актеру рефлексировать над созданным им образом. Сочетание правдоподобного изображения с элементами метатеатральной рефлексии свидетельствует о наличии в пьесе «Побочный сын, или Испытания добродетели» особой формы интеллектуального дискурса, в котором стирается граница между фикциональным и реальным.

Ключевые слова: буржуазная драма; симулякр; метатеатральность; паратекст; двойное кодирование

Для цитирования: Стогний Д.А., Алташина В.Д. Метатеатральная рефлексия в пьесе «Побочный сын, или Испытания добродетели» Дени Дидро. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 31–41. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.31-41>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.31-41>

METATHEATRICAL REFLECTION IN THE PLAY “LE FILS NATUREL, OU LES ÉPREUVES DE LA VERTU” BY DENIS DIDEROT

D.A. Stognii¹, V.D. Altashina²

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹*avglin777@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-1265-6564>*

²*v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>*

Abstract. The article analyzes metatheatrical reflection in Denis Diderot’s play “Le Fils naturel, ou les épreuves de la vertu” as one of the results of the French Enlightenment thinker’s theatrical reforms. The authors of the study characterize the innovative features of the comedy, which consist in the fact that the characters are aware of the performance of their roles, while being simu-

lacræ – artistic images that exist between reality and fiction. The article raises the question of how to achieve plausibility in a fictional text at the metatheatrical level. The main goal is to identify areas of double coding and describe their functions in the play. The authors conclude that the characters' statements containing double codes can be addressed simultaneously to the author, reader, or viewer and interpreted by them accordingly. The role of paratextual elements, including the preface and director's notes, which shape the recipient's perception and reinforce the illusion of authenticity, is analyzed. Metatheatricality in the play is realized through the slowing down of the dramatic action, allowing the actor to reflect on the image he has created. The combination of a plausible image with elements of metatheatrical reflection indicates the presence in the play "Le Fils naturel, ou les épreuves de la vertu" of a special form of intellectual discourse in which the boundary between the fictional and the real is blurred.

Keywords: bourgeois drama; simulacrum; metatheatricality; paratext; double coding

For citation: Stognii D.A., Altashina V.D. Metatheatrical reflection in the play "Le Fils naturel, ou les épreuves de la vertu" by Denis Diderot. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 31–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.31-41>

Выявлению принципов новаторского подхода к реформированию театра, разработанного Дени Дидро (1713–1784) в XVIII веке, посвящено немало работ отечественных (Д.И. Гачев [1], Т.Б. Длугач [2], В.Д. Алташина [3], М.Р. Алташина [4]) и зарубежных (А. Мениль [5], К. Аббт и С. Шмиден [6], Г. Арман [7], С. Ложкин [8]) ученых. Поскольку драматургическую концепцию французского мыслителя необходимо рассматривать в совокупности с другими его статьями об искусстве, представить целостную эстетико-философскую теорию, обобщающую единые принципы создания художественного целого, весьма затруднительно. Эта проблема побудила нас обратиться к рассмотрению первой экспериментальной пьесы Дидро «Побочный сын, или испытания добродетели» (1757) (далее – «Побочный сын») с точки зрения применения идей, которые философ излагает в своих критических эссе, посвященных эстетике, и трактатах о театре.

В данной статье мы попытаемся определить, в чем заключается новаторство пьесы и охарактеризовать его признаки. Французский исследователь А. Мениль утверждает, что просветитель создал буржуазную драму как «срединный жанр»: «Sa force vient moins de ce qu'il constitue un moyen terme entre les deux extrêmes de la composition dramaturgique que sont le genre comique et le genre tragique, qu'il ne représente par rapport à eux une alternative. Car l'erreur de ces

derniers est de ne considérer la vie que sous un seul angle»¹ [5, с. 78]. По нашему мнению, «срединность» проявляется не только в создании альтернативы оппозиции «трагическое – комическое», но и в соединении правдоподобного изображения жизни буржуа с элементами метатеатральной рефлексии, а именно осознанием персонажами фикциональности текста.

Дидро указывает на фикциональный характер «Побочного сына» в предисловии как паратекстуальном элементе (по Ж. Женетту [9]). Будучи инициатором написания пьесы, в которой изложены ключевые события из жизни домашнего круга, отец семейства Лизимон предлагает ее разыгрывать ежегодно: «Nous le renouvellerions nous-même tous les ans dans cette maison, dans ce salon. Les choses que nous avons dites, nous les redirions»² [10, с. 43]. Его мотив состоит в желании вступить в коммуникацию с реципиентом через воплощение в образе: «Et je me survivrais à moi-même, et j'irais converser ainsi, d'âge en âge, avec tous mes neveux...»³ [10, с. 43]. Актерами должны стать члены семьи, играя на сцене самих себя. Превращая персонажей в комедиантов, которые копируют собственные жизни, Дидро удаляет границу между реальностью и ее репрезентацией, что приводит к их неразличимости. Так, читатель воспринимает персонажей пьесы как фантомы, которые, с одной стороны, дублируют себя, с другой стороны, себя же превосходят, потому что правдоподобный образ не обязан соответствовать действительности.

Это побуждает нас рассматривать героев пьесы и актеров как симулякры вслед за литературоведом Г. Арманом. Исследователь рассматривает образ, создаваемый актером, как симулякр в русле теории воображения, противопоставленной платоновскому мимесису. Он утверждает, что в своих трактатах о театре французский просветитель излагает комплексную теорию актерской игры,

¹ Здесь и далее, если не указано иначе, *перевод наш* – Д.С., В.А.: «Его сила заключается не столько в том, что он представляет собой среднее звено между двумя крайностями драматургического жанра – комедией и трагедией, – сколько в том, что он является альтернативой им. Ведь ошибка последних заключается в том, что они рассматривают жизнь только с одной стороны».

² «Мы повторяли бы это каждый год в этом доме, в этой гостиной. Сказанное нами мы повторили бы снова».

³ «И я пережил бы самого себя и продолжал бы беседовать таким образом из века в век со всеми своими племянниками...»

отличительной чертой которой становится не подражание истине (*mimésis*), а постепенное формирование иллюзии (*phantastiké*), то есть образа, не имеющего референта в природе. Цель такого скрупулезного фикционального построения – «открывать» истину в сознании актера и зрителя. Благодаря этому заведомо известному обману, как утверждает Г.Арман, достижение эффекта правдоподобия более вероятно, чем при создании копии, отсылающей к оригиналу. В связи с этим Дидро выстраивает сложную систему репрезентации, выделяя, по нашему мнению, два вида реального: «лживое» и «правдивое».

«Лживое» реальное – это искусственные копии природы, например, предметы быта, формирующие иллюзию присутствия в гостинной. С этой точки зрения, по Т.Б. Длугач, Дидро стремится к материалистическому изображению мира: «Дидро остается материалистом, для которого предмет искусства не только повод для развертывания свободной игры воображения, но и реальная действительность, остающаяся всегда шире того идеального образа, который создается художником в процессе эстетического освоения мира» [2, с. 173]. «Лживое» реальное воплощается в создании иллюзии буржуазного быта, соответствующей критериям правдоподобия: простота, взаимообусловленность событий, условность, дистанцированность от норм приличия, естественность, актуальность, изображение общественного положения [11, с. 392–393]. Так, описание в начале пьесы внешнего вида Дорваля формирует правдоподобную иллюзию: «Il est en habit de campagne, en cheveux négligés, assis dans un fauteuil, à côté d'une table sur laquelle il y a des brochures. Il paraît agité. Après quelques mouvements violents, il s'appuie sur un des bras de son fauteuil, comme pour dormir. Il quitte bientôt cette situation»⁴ [10, с. 46]. Внимание читателя сфокусировано именно на домашней атмосфере, поэтому в 1 сцене 1 акта у Дорваля слегка небрежный, повседневный наряд. В предисловии сообщается, что он позволяет своему собеседнику «Я», как затем подтверждается в «Беседах о „Побочном

⁴ «Он в деревенской одежде, с растрепанными волосами, сидит в кресле рядом со столом, на котором лежат брошюры. Он выглядит взволнованным. После нескольких резких движений он откидывается на одну из ручек кресла, как бы засыпая. Вскоре он меняет положение».

сыне“» (далее – «Беседы»), втайне наблюдать за происходящим. Это «вуайеристическое» внимание к «нутру» дома свидетельствует не только о невидимой четвертой стене, разделяющей зрительный зал и сцену [8], по С. Ложкину, но и о буржуазной закрытости семейного мира. История, написанная Дорвалем, – это личное повествование, доступ к которому запрещен для постороннего, поэтому для Дидро особенно важно преодолеть этот запрет, создав тем самым достоверный характер изображаемых событий.

Под «правдивым» реальным мы подразумеваем персонажей и предметы, воспринимаемые зрителем как подлинные, существующие одновременно в сценической и исторической реальности. Например, спектакль должен быть поставлен в том же доме, в котором разыгрываемые события из прошлого происходили на самом деле. В списке персонажей Дидро намеренно указывает на «правдивость» истории с помощью прилагательного «réel»: «Voici les noms des personnages réels de la pièce»⁵ [10, с. 45] – побуждая зрителя рассматривать героев пьесы как реальных людей, играющих самих себя в прошлом.

Особое внимание следует обратить на монологи персонажей, в которых мы обнаруживаем двойной код как признак метатеатральности. Рассмотрим несколько примеров. В 5 сцене 2 акта Дорваль остается один и сокрушается о том, что он своим присутствием внес в дом Клервиля смятение. Дочь Лизимона Розалия испытывает чувства к Дорвалю, а тот к ней, при этом сестра друга Констанция проявляет интерес к Дорвалю, на что он не отвечает взаимностью. От безответности же Розалии страдает Клервиль. Сложная интрига, которая впоследствии обсуждается в «Беседах», необходима для развития действия, и задача драматурга состоит в том, чтобы оправдать сложившуюся ситуацию, сделать ее правдоподобной, даже если в действительности она невозможна. В конце монолога Дорваль восклицает: «Ô toi qui conduis tout, qui m’as conduit ici, te chargerai-tu de te justifier?.. Je ne sais où j’en suis»⁶ [10, с. 62]. По нашему мнению, это ключевое предложение, содержащее двойной код. С одной стороны,

⁵ «Вот список реальных персонажей пьесы».

⁶ «О ты, кто всем управляет, кто привел меня сюда, возьмешься ли ты оправдать меня? Я не знаю, что со мной».

очевидно, что Дорваль как персонаж обращается к Богу с отчаянной мольбой. С другой стороны, ясно, что он в этот момент осознает себя как актер, потому что играет на сцене обстоятельства из собственного прошлого. С данной точки зрения, это уже не столько театральный монолог, сколько пересказ событий, во время которого Дорваль-актер разрывает фикциональный мир пьесы и адресует вопрос о трудности интриги автору. Как же все это объяснить, как оправдать? В пьесе этот вопрос остается без ответа, но оказывается разрешенным в «Беседах» (перевод 1935 года): «Искусство интриги состоит в связывании событий таким образом, чтобы здравомыслящий зритель всегда находил при этом удовлетворяющие его мотивы. И чем необычнее события, тем более вескими должны быть эти мотивы» [12, с. 88].

В 9 сцене 3 акта также представлен монолог Дорваля, в котором он тяжело переживает происходящие события и рефлексиирует над собственным выбором, пытаясь найти выход из положения. В его речи присутствуют высказывание, содержащее двойной код: «Le mensonge, la dissimulation me sont en horreur; et dans un instant, j'en impose à mon ami, à sa soeur, à Rosalie...»⁷ [10, с. 78]. Вновь непонятно, кому именно принадлежит голос: Дорвалю-персонажу или Дорвалю-актеру? Первого удручает то, что ему приходится лицемерить перед людьми, которые ему дороги, скрывать свои истинные чувства и мысли. Второй же «утаивает правду» иначе: поскольку Клервиль, Констанция и Розалия тоже являются симулякрами самих себя, сокрытие истины в данном контексте относится к процессу создания правдоподобного образа с помощью воображения. Мы неслучайно перевели слово «dissimulation» как «утаивание» в отличие от русского перевода 1935 года, в котором находим «притворство» [12, с. 50]. По данным словаря Французской академии (3-е издание, 1740), dissimulation – «déguisement. Art, soin de cacher ses sentiments, ses desseins»⁸ [13]. С точки зрения Дорваля-актера, он демонстрирует искусство сокрытия истины перед другими действующими лицами несмотря на то, что он является по сути всезнающим

⁷ «Я ненавижу ложь и утаивание правды; но уже через мгновение я лгу своему другу, его сестре, Розалии...»

⁸ «Маскировка. Искусство скрывать свои чувства, намерения».

рассказчиком в своем драматическом *повествовании*. Таким образом, одна из новаторских особенностей пьесы – использование монолога как средства авторефлексии, что в большей степени характерно для драматургии XX века (см. статью А.Ю. Курмелева [14] о роли монологов в театре абсурда).

Особого внимания заслуживает 3 сцена 4 акта, в которой представлен диалог между Дорвалем и Констанцией, напоминающий в большей степени философскую дискуссию в рамках повествования, чем живую речь на сцене. В течение беседы Констанция избавляет Дорваля от тревог, порожденными мыслями о будущем и о долге перед любимым человеком. Утешение перемежается с рассуждениями Констанции о просвещенном, свободном веке и порицанием предрассудков⁹, сохраняющихся в современном обществе.

Существует скрытый уровень этого диалога, на котором реализуется метатеатральная рефлексия. 3 сцена начинается после того, как Розалия покидает Констанцию в расстроенных чувствах. Желая ее успокоить, она просит Дорваля вернуть девушку, но он отвечает: «Madame, laissons-lui le triste plaisir de s'affliger sans témoins»¹⁰ [10, с. 83]. Кто и о каких свидетелях говорит? Дорваль-персонаж имеет в виду себя и Констанцию-персонажа, но для Дорваля-актера свидетелем может быть не только он сам, но и Констанция-актриса, прячущийся Дидро, о котором никто не знает, а также зритель. Быть лицедеем, поддерживая на сцене с помощью воображения образ-симулякр, – это вызов для человека, рефлексиирующего о прошлом, поэтому Констанция возражает Дорвалю: «C'est à vous à changer son sort»¹¹ [10, с. 83]. На фикциональном уровне речь идет об утешении Розалии, но эту фразу можно прочесть и как обращение к автору пьесы, который может изменить придуманную историю. В «Беседах» Дидро замечает, что Дорваль передал в пьесе события не в полном соответствии с действительностью, – это свидетельствует о субъективном отношении автора к изображаемому: «...вы не стремились точно выполнить намерение вашего по-

⁹ Поначалу Дорваль боится признаться Констанции, что он внебрачный сын, не желая быть отвергнутым.

¹⁰ «Мадам, оставим ей печальное утешение погоревать без свидетелей».

¹¹ «Только от вас зависит, как изменится ее судьба».

ченного отца. Он просил вас, мне кажется, восстановить события так, как они происходили. У вас же некоторые из них носят, по-моему, характер вымысла, допустимого лишь в театре, где как бы существуют иллюзия и условные рукоплескания» [12, с. 87].

Упоминание себя в 3 лице обоими персонажами является маркером метатеатральной рефлексии: актеры как будто анализируют на репетиции созданные ими симулякры. Когда Констанция просит Дорваля рассказать о своих переживаниях («Quoi, Dorval! Mais parlez»¹² [10, с. 84]), он выражает свою готовность фразой: «Je vais parler»¹³ [10, с. 84]. Из-за использования ближайшего будущего времени открывается зона двусмысленности, потому что точный момент ожидаемого Констанцией говорения в речи Дорваля не обозначен. Высказывание «Я буду говорить» на просьбу «Говорите» является предупреждением о будущем объяснении, а не его началом. Подтверждение этому – ремарка «пауза», после которой Дорваль-персонаж повествует о своей судьбе. Кто же говорил до этого? На наш взгляд, слова от предупреждения до паузы принадлежат Дорвалю-актеру, рассуждающему о своем персонаже и персонаже Констанции: «Vous voulez le bonheur de Dorval; mais connaissez-vous bien Dorval?...»¹⁴, «Constance doit porter de moi d'autres jugements»¹⁵ [10, с. 84]. Констанция-актриса также рассуждает о себе в 3 лице, описывая какими чертами характера должна быть наделена ее героиня: «C'est à une femme qui vous aime à vous arrêter parmi les hommes; c'est à Constance à conserver à la vertu opprimée un appui; au vice arrogant, un fléau; un frère à tous les gens de bien; à tant de malheureux, un père qu'ils attendent; au genre humain, son ami; à mille projets honnêtes, utiles et grands, cet esprit libre de préjugés et cette âme forte qu'ils exigent et que vous avez...»¹⁶ [10, с. 85]. А. Мениль справедливо замечает, что буржуаз-

¹² «Что такое, Дорваль? Говорите».

¹³ «Я буду говорить».

¹⁴ «Вы хотите, чтобы Дорваль был счастлив, но насколько хорошо вы знаете Дорваля?...»

¹⁵ «Констанция должна судить обо мне по-другому».

¹⁶ «И дело любящей женщины – удержать вас среди людей. Констанция должна сохранить опору угнетенной добродетели, бич – высокомерному пороку, брата – всем честным людям, отца – стольким несчастным, которым он нужен, роду человеческому – друга, тысяче честных, полезных и великих стремлений – ум, свободный от

ная драма как серьезный жанр – это прежде всего нейтральный жанр, в котором отсутствуют явно выраженные боль, слезы, смех как крайности [5, с. 80]. Тем не менее Дидро называет пьесу именно комедией. Почему? Прочтение высказываний, содержащих двойной код, делает видимым совпадение двух типов рефлексий – фикциональной и метатеатральной. В этом сочетании мы усматриваем истинную – ироническую – природу «Побочного сына» как комедии, в которой персонажи размышляют о своих ролях во время действия. Из этого следует, что метатеатральная рефлексия искусственно замедляет драматический сюжет. Цель этой ретардации – реализовать акт выбора для актера как субъекта действительности, корректирующего или оценивающего созданный им симулякр. С этой точки зрения, образ обладает ореолом серьезности, потому что обрамлен повествованием о себе.

Анализ «лживого» и «правдивого» реального позволяет предложить новую интерпретацию «Побочного сына» как философского эксперимента по созданию художественной реальности. Новаторство пьесы заключается, во-первых, в проведении метатеатральной рефлексии, которая проявляется в том, что сначала автор, а затем актеры конструируют фантомные образы, во-вторых, в использовании драматургом двойного кодирования, обуславливающего множество вариантов интерпретации. Возможность с позиции отстранения проанализировать себя, сначала создав собственный симулякр, затем поместив его в драматическое повествование и впоследствии пронаблюдав за его «жизнью», позволяет установить связь между миром реальным (действительностью) и миром возможным (авторским текстом). Задача актера – осмыслить возможный мир, созданный драматургом, сопоставить его с собственным восприятием и синтезировать образ, который зритель сможет наблюдать на сцене. Отсюда вытекает характерный для творческого мышления Дидро парадокс: воссоздавая истину, актер одновременно является и подлинным *субъектом*, совершающим

мыслительный оценивающий акт, и обманывающим *объектом*, симулякром, создающим эффект правдоподобия.

Список литературы

1. Гачев Д.И. *Эстетические взгляды Дидро*. Москва: Государственное издательство художественной литературы; 1961.
2. Длугач Т.Б. *Дени Дидро*. Москва: Мысль; 1986.
3. Алташина В.Д. Театральная эстетика Дидро в России. *Научная мысль Кавказа*. 2013;(4):164–168.
4. Алташина М.Р. Дидро как персонаж Дидро-драматурга: роль паратекста в пьесе «Побочный сын». *Личность в истории и художественной литературе: Межвузовский сборник*. 2022;(4):24–32.
5. Menil A. *Diderot et le drame: Théâtre et politique*. Paris: Presses Universitaires de France; 1995. (На фр. яз.)
6. Abbt C., Shmieden S. “Simulacra and the concept of authenticity in Diderot’s *Salon de 1765* and *Paradoxe sur le comédien*”. *Lumières*. 2018;31(1):51–66. (На фр. яз.)
7. Armand G. “De la *mimésis* théâtrale à l’acteur-simulacre”. *Lumières*. 2018;31(1):67–82. (На фр. яз.)
8. Lojkin S. “La scène au salon: Le Fils naturel”. *L’Œil révolté, J*. 2007;(3):241–255. URL: <https://utpictura18.univ-amu.fr/rubriques/archives/diderot/scene-salon-fils-naturel> [дата обращения: 13.06.2025]. (На фр. яз.)
9. Genette G. *Seuils*. Paris: Éditions du Seuil; 1987. (На фр.)
10. Diderot D. *Le Fils naturel. Le père de famille. Est-il bon? Est-il méchant?* Paris: Flammarion; 2005.
11. Стогний Д.А. Изображение реальности в эстетико-философской системе Дени Дидро. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2024;(4): 386–394.
12. Дидро Д. Беседы о «Побочном сыне». *Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 5. Театр и драматургия*. Москва: Academia; 1935.
13. *Dictionnaire de l’Académie française*, 3e édition; 1740. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A3D1085> [дата обращения: 13.06.2025].
14. Курмелев А.Ю. Философия и традиции театра абсурда в поздних пьесах Теннесси Уильямса. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3):313–323.

References

1. Gachev D.I. *Diderot’s aesthetic views*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury; 1961. (In Russ.)
2. Dlugach T.B. *Denis Diderot*. Moskva: Mysl’; 1986. (In Russ.)
3. Altashina V.D. Diderot’s theatre aesthetics in Russia. *Scientific thought in the Caucasus*. 2013;(4):164–168. (In Russ.)
4. Altashina M.R. Diderot as a character of Diderot the playwright: the role of paratext in the play “Le Fils naturel”. *Personality in History and Fiction: Interuniversity Collection*. 2022;(4):24–32. (In Russ.)
5. Menil A. *Diderot et le drame: Théâtre et politique*. Paris: Presses Universitaires de France; 1995. (In French)
6. Abbt C., Shmieden S. Simulacra and the concept of authenticity in Diderot’s “*Salon de 1765*” and “*Paradoxe sur le comédien*”. *Lumières*. 2018;31(1):51–66. (In French)
7. Armand G. De la *mimésis* théâtrale à l’acteur-simulacre. *Lumières*. 2018;31(1):67–82. (In French)

8. Lojkin S. La scène au salon: "Le Fils naturel". *L'Œil révolté*, J. 2007;(3): 241–255. Available from: <https://utpictura18.univ-amu.fr/rubriques/archives/diderot/scene-salon-fils-naturel> [accessed: 13.06.2025]. (In French)
9. Diderot D. *Le Fils naturel. Le père de famille. Est-il bon? Est-il méchant?* Paris: Flammarion; 2005. (In French)
10. Genette G. *Seuils*. Paris: Éditions du Seuil; 1987. (In French)
11. Stognii D.A. Representation of reality in the aesthetic-philosophical system of Denis Diderot. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*. 2024;(4): 386–394. (In Russ.)
12. Diderot D. Entretiens sur "Le Fils naturel". *Collected Works: in 10 volumes. T. 5. Theatre and Dramaturgy*. Moskva: Academia; 1935. (In Russ.)
13. *Dictionnaire de l'Académie française*, 3e édition; 1740. Available from: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A3D1085> [accessed: 13.06.2025]. (In French)
14. Kurmelev A.Y. Philosophy and traditions of the theatre of the absurd in the late plays of Tennessee Williams. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3):313–323. (In Russ.)

Автор публикации

Стогний Даниил Александрович –
аспирант
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: avglin777@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-1265-6564>

Алташина Вероника Дмитриевна –
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: v.altashina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26.06.2025
Одобрена после рецензирования: 20.09.2025
Принята к публикации: 25.10.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Stognii Daniil Alexandrovich –
PhD student
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
Email: avglin777@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-1265-6564>

Altashina Veronika Dmitrievna –
PhD in philology,
Professor Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
Email: v.altashina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 26.06.2025
Approved after peer reviewing: 20.09.2025
Accepted for publication: 25.10.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья
УДК 81

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.42-51>

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ КАК ПРОБЛЕМА РИТОРИКИ

С.В. Дечева¹, А.И. Гашек²

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹<https://orcid.org/0000-0001-5100-582X>

²gashek.pecheneg@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9336-9611>

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы заострить внимание на риторических особенностях публичного выступления в поликультурном англоязычном сообществе. За исходное принимается положение о том, что для представителей различных национальных коллективов характерны свои, прочно укоренившиеся в их сознании, лингвокультурные, а также этические и эстетические стереотипы речевой коммуникации. Так, публичное выступление в Китае отличается логикой, опорой на факты и статистические данные, нейтральной и преимущественно свободной от экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов тональностью, что подтверждается в ходе анализа фоностилистического оформления речи китайских экспертов, которые принимают участие в международных форумах. Более того, говорящий, как правило, читает заранее подготовленный текст, что положительно воспринимается целевой (китайской) аудиторией и соответствует их коммуникативным ожиданиям. Это объясняется целым рядом географических, исторических, философских и религиозных составляющих китайского мировоззрения, такими как конфуцианство, которые диктуют свои правила речевого поведения и взаимодействия с аудиторией. В статье подчеркивается, что сегодня максимальная эффективность публичного выступления в глобальном англоязычном пространстве обеспечивается глубоким пониманием особенностей интеллективного общения в западных и восточных сообществах.

Ключевые слова: поликультурное англоязычное сообщество; лингвокультурные стереотипы речевой коммуникации; фоностилистическое оформление речи; целевая аудитория; интеллективное общение

Для цитирования: Дечева С.В., Гашек А.И. Территориальная вариативность современной английской речи как проблема риторики. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 42–51. (In Eng.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.42-51>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.42-51>

TERRITORIAL VARIABILITY OF MODERN ENGLISH AS A RHETORICAL PROPOSITION

S.V. Decheva¹, A.I. Gashek²

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹<https://orcid.org/0000-0001-5100-582X>

²gashek.pecheneg@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9336-9611>

Abstract. This article is meant to outline the rhetorical specificities of public speaking in the multicultural Global English space. We come from the premise that there are some deeply-rooted linguacultural, ethical and aesthetic stereotypes of addressing the audience, typical of the representatives of different national communities. Thus, a public performance in China

is mostly logical, laconic and data-bound, which can be proved by analyzing the phonostylistic peculiarities of presentations delivered by Chinese experts at various international public speaking events. The text, as a rule, is just read and is mostly devoid of any expressive-emotional-evaluative overtones. It is neutral, serious and unmarked enunciation, which satisfies the demands of the target audience (i.e. the Chinese addressees). This can be accounted for by a number of geographical, historical, philosophical and religious components of Chinese worldview, such as Confucianism, that dictate their own rules of both speech behavior and communication with the audience. The article is, therefore, meant to highlight that today the rhetorical efficacy in a multicultural English-speaking space in can hardly be achieved without a thorough understanding of the specificities typical of both the Eastern and the Western traditions of intellectual communication.

Keywords: multicultural Global English space; linguocultural stereotypes of public speech; phonostylistic peculiarities; target audience; intellectual communication

For citation: Decheva S.V., Gashek A.I. Territorial Variability of Modern English as a rhetorical proposition. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 42–51. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.42-51>

Introduction

This article is meant to highlight the underlying mechanisms, or more specifically, phonetic peculiarities of rhetorical efficacy in a multicultural English-speaking space. Very briefly and generally, what we are after is the phonostylistic acceptability of public speaking through the prism of ethical and aesthetic peculiarities of communication, typical of the representatives of Global English with their own speech production and speech perception characteristics. Besides, the ever-changing speech actualities and the new requisites for optimization of people's interaction by means of natural human language are also taken into account.

The fact is that the rhetoric of intellectual communication may vary [1, c. 3] with respect to the tastes and demands of the target audience and their speaking stereotypes. To put it in a nutshell, very much depends on the socio-cultural-educational, historic, psychological and philosophic views of the participants of the speech act. Moreover, there may be all kind of segmental and suprasegmental properties in one's delivery, that are occasion- or situation-bound.

The material, that has been chosen for closer inspection in this article [2], demonstrates conclusively that the age-old properties of public speaking appear to be extremely diverse insofar as their rhetorical characteristics are concerned. Of special interest is the fact that the rhetoric of public speakers in the East and the West is far

from being identical. To be more exact, their rhetoric has its own national, cultural, historical and philosophical principles regulating one's language behavior in front of the target audience.

What we are driving at is that side by side with intelligibility and lucidity of presentation, which is easy to follow and pleasant to listen to, a further discrimination between the so-called Western spirit of competitiveness or agon (from Greek *ἀγών*, rivalry or competition) [3], on the one hand, and the Eastern communicative culture with its tendency towards mediation and compromise [4, с. 27], on the other, proves to be highly essential. For example, if what one is after is Chinese public speaking skills, the Confucian ideology should necessarily be taken into account. To be more exact, according to the main postulates of Confucianism [5], public speakers will avoid confrontation of any kind and foster a climate of harmony and mutual respect with their addressees. As a result, their performances will mostly be calm and anti-militant both in terms of their phonetic and rhetorical organization.

It should be noted here, that until quite recently it has been invariably Western – or, more specifically, American – communicative efficacy, which attracted elocutionists' attention the world over. There are quite a few publications, both in this country and abroad, where it is described in minute detail from different angles, including the latest psychological and neurolinguistic peculiarities of speech [6; 7; 8]. At the same time, the rhetorical properties of other English-speaking communities have almost remained uncovered. This being the case, it is high time that the focus of attention should be shifted from the predominantly West-oriented public performances to the rhetorical specificities of the East, and China with her number of people and her growing economic and military power is of special interest in this respect.

The specificities of Chinese speaking culture

In this part of our work a brief survey of China's rhetoric and its present-day linguocultural realia is carried out, because without it some of the fundamental properties of Chinese people's speaking strategies will largely remain uncovered.

It should be pointed out, first and foremost, that Chinese rhetoric in its current shape is deeply rooted in the country's geography and history of more than 3000 years ago [9, c. 90]. This, in turn, led to the formation of the Chinese national character and their style of speech communication.

In other words, over the centuries, harmony, dignity, respect for the past and authority, as well as pragmatism [10], were of special value in China and took precedence over people's personal attitudes and judgements. It is only natural, therefore, that they should have formed the basic properties of speaking techniques, as well as Chinese people's views of the underlying requisites for elocution.

Let us look more closely at what they actually are. People's love for harmony seems to be one of the basic factors, which affects the rhetorical preferences and predilections of the Chinese. This being the case, in front of a big and competent audience they are usually formal and quite ritualistic. Besides, any heated discussion is carefully avoided, giving way to cool reasoning and a very polite, civilized manner of communication by means of natural human language.

Moreover, the state of communicative harmony in speech is usually achieved via the so-called 'saving face' strategy [9, c. 97-98] and a strict social hierarchy. In rhetorical terms, it means logic and credibility in any public address. Otherwise stated, the most significant arguments are supported either by citing one's authoritative contemporaries or philosophers of the past. This seems to be an effective means of persuading one's interlocutors, which does not require any additional argumentation on the speaker's part.

It follows that adhering to the rules of Confucianism is still considered to be one of the priorities of communicative efficacy. Thus, while taking the floor, the Chinese speakers will usually not only preserve their own dignity, but also demonstrate respect to their addressees, avoiding any manifestation of aggression in speech carefully. Citing authoritative sources, especially philosophical works of the past, is another pragmatic tool for maintaining a balanced and harmonious speech interaction.

To this we have to add that Chinese rhetoric is primarily oriented towards passing on special message (or information). It is generally believed that this brings credibility to public performances, whereas captivating people's attention through an extensive use of speech ornamentation appears to be a minor matter. Hence, Chinese people's distaste for wordy and emotional performances and their aspiring for plain, clear and discreet manner of speech [11, с. 31].

Cognitive processing of Chinese English public speaking

It goes without saying that rhetoric in general and the peculiarities of Chinese speaking image in particular require a deeper insight into the pronunciation properties behind people's public performances. Therefore, this part of our work is meant primarily to highlight some of the pivotal points of Chinese English segmental and suprasegmental characteristics. At the same time, in strict accordance with the latest trends in phonetic studies, and especially cognitive syllabics [12, с. 96], side by side with the in-depth analysis of the sound form, all the other socio-cultural-historical-psychological and philosophical antecedents of public speaking are to be necessarily taken into account.

The material that we have chosen for closer inspection, demonstrates Chinese English for professional purposes. Otherwise stated, it is the English language for journalists, educationalists, politicians and others, who usually participate in all kind of public-speaking activities (international conferences, forums, debates, etc) or, as the case may be, express their ideas in articles, books and special publications on the subject of their immediate interest. What we are after, however, is something which is generally described as rhetorical phonetics [6]. Therefore, it is the oral form of speech, which first and foremost we are going to focus upon.

Here comes an extract from one of the Chinese speakers' public performances in English, presented at an international forum [13]:

I'd like to thank Intelligence Squared for inviting me to participate in this Debate, addressing the motion that "Western liberal democracy would be bad for China". I think the selection of today's date could not be more apt, neatly sandwiched between

yesterday's U.S. presidential election and tomorrow's opening of the 18th National Congress of the Communist Party of China that will usher in the next generation of Chinese leadership. The contrast between the nail-biting finish of one with the carefully choreographed outcome of the other, could hardly be more stark. I'd like to begin by addressing the subtext to the motion, namely that the Chinese model of government has done more for the Chinese, than the Western model of government ever could.

It does not require a close examination to see that this speaker demonstrates a faithful command of the English language and almost all the core features of classical RP are observed, especially insofar as the pronunciation of separate vowel and consonant phonemes is concerned. They are as follows:

- the opposition of tense and lax vowel phonemes: *room* [ru:m] and *Communist* ['kɒmjʊnɪst], *Chinese* [tʃaɪ'ni:z] and *liberal* ['lɪbərəl], etc;
- relying on consonants: *Squared* [skweəd], *democracy* [dɪ'mɒkrəsi], etc.;
- silent [r]: *more* [mɔ:], *government* ['gʌvənmənt], etc.;
- two allophones of the lateral [l] – dark [ɫ] and clear [ɹ]: *large* [lɑ:dʒ], *believe* [brɪ'fi:v], etc.

As for the non-core features, they are very few and boil down to the following:

- monophthongization of British English diphthongs: *hopeless* ['hɒpləs], *China* ['tʃanə].

As for the deviations from the core features, they are mostly observed on the suprasegmental level:

- the Descending Scale is interrupted by a mid-fall at the end of each syntagm:
To be frank, | this kind of { \state { cannot \afford { one person-one vote { multiparty system.
- instead of a high fall, it is usually a mid-fall on the words, which are accentually highlighted, and both falling-rising and/or low-rising tones are just missing:

'And after three \decades § of misplaced predictions about \China | it is time
now | to think § outside the \box,| to consider \seriously | the theme of our de-
bate to\day:| 'Western § 'liberal § de•mocracy | would be \wrong | for § \China.

- tempo is relatively slow (≈ 100 words per minute or $\approx 2,9$ syllables per second, which is a little slower, than average in British English):
It's a product of hundreds of Roman states amalgamated into one with its long
history. *The inaccurate analogy would be something like the Ancient Roman*
Empire continuing to this day as a centralized government, modern economy
or its diverse traditions and cultures and huge population that all speak Latin.
- there are numerous pauses of almost equal length in the speaker's delivery, that do not only accompany syntagms, but are also widely used within them: *It's a forever § pessimistic forecast | about China, | China's § collapse | tends to be always | wrong.|| And § after three § decades | of misplaced predictions | about China | it is time § now | to think § outside the box, | to consider seri-ously | the theme of our debate today: | Western § liberal democracy | would be wrong | for China.||*

This makes us believe that Chinese delivery in English is generally formal, un-emotional, business-like and monotonous. This can be accounted for by the fact that in Chinese culture any expressive-emotional-evaluative overtones can be associated with one's ideological weakness [14]. Hence, the predominantly neutral prosody of their public performances.

As for cessation of phonation and an excessive use of low falls within the utterance, they also make for a special coloring of Chinese speaking voice that may seem to be rather straightforward and categorical to the British [15]. What lies behind

is typically Chinese rather didactic manner of interaction with the public, when every element of the utterance is pronounced very clearly and distinctly, and the tempo is generally slowed down. It is meant to express respect for the addressee and public speech at large, which is regarded as the embodiment of Celestial Wisdom.

Conclusions

To conclude: these days Chinese rhetorical specificities (as well as those of so many other territorial variants of the English language) seem to be a highly promising field of philological knowledge. This can be accounted for by the fact that on the whole, it is typical of the Chinese to preserve their public speaking stereotypes, despite all kind of globalization tendencies that take place the world over.

In other words, their rhetoric of public speaking is largely conditioned by their own, as well as their Chinese addressees' ethical, aesthetic, historical and philosophical traditions of moulding their public performances in such a way that it is not their personal judgments and attitudes towards the subject matter of their speech, but facts, figures and statistical data that come to the fore. This being the case, relying mostly on the pre-written text (or actually reading it) is highly welcome by the people and considered to be a demonstration of the speaker's presentation literacy or rhetorical proficiency. To be more exact, Chinese public speaking seems to be almost free from external influence and the innovative tendencies to entertain, inspire and involve people emotionally [16]. It follows, that communicative efficacy in a multicultural English-speaking world can hardly be achieved without a deeper insight into the properties of public address in the East and the West.

References

1. Decheva S.V., Maguidova I. M. Learning to communicate in English: a methodological guide. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta; 2005. p. 3.
2. Western Liberal Democracy would be Wrong for China [Electronic resource]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=EwM9CuGcBgI> [accessed: 05.09.2024].
3. Drach G.V. Agonality is a determining factor of the civilizational development of the West. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2022;1(109): 17–26. DOI 10.18522/2072-0181-2022-109-16-26. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/agonalnost-opredelyayuschiy-faktor-tsivilizatsionnogo-razvitiya-zapada> [accessed: 05.01.2025]. (In Russ.)
4. Karaev E.T. Category “Zhang” (讓) in Confucian philosophical system. *Universum: obshchestvennye nauki*. 2025;1(116): 27. Available from: <https://doi.org/10.32743/unisoc.2025.116.1.19223> [accessed: 04.11.2024]. (In Russ.)

5. Perelomov L.S. Confucius: Lun Yu. Translated by Perelomov L.S. Moscow: Vostochnaya literatura; 1998. 588 с. (In Russ.)
6. Decheva. S.V., Aristova D.D. Phonostylistic originality of lecturing in British and American English-speaking community. Moscow: Izdatelstvo Nauka; 2024. 244 с. (In Russ.)
7. Aristova D.D. (2023). Phonostylistic originality of the lecture genre in the light of modern rhetoric of intellectual communication: diss... cand. Philol. Sciences. Moscow; 2024. 256 с. (In Russ.)
8. Decheva. S.V., Kopaneva A.V. Accentuation in English: research priorities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filologiya*. 2021;9(1214): 208–219. (In Russ.)
9. Bih-Shia Huang. A Comparison of Greek and Chinese Rhetoric and Their Influence on Later Rhetoric: dissertation... Doctor of Philosophy. Texas Tech University; 2002. p. 90; pp. 97–98.
10. Chinese Personality Traits: Indirectness, Pragmatism, Competition and Face. [Electronic resource] Available from: <https://factsanddetails.com/china/cat4/sub18/item116.html#:~:text=Chinese%20go%20out%20of%20their,keeping%20one's%20word%20and%20discretion> [accessed: 04.12.2024].
11. Kirkpatrick A., Zhichang Xu. Chinese Rhetoric and Writing: an Introduction for Language Teachers. Fort Collins: WAC Clearinghouse; 2012. p. 31.
12. Decheva. S.V. Cognitive Syllabics. *Folianglistika. Language and structure variation*. 1992; 2. p. 96.
13. Engaging with the Most Brilliant Minds in the World [Electronic resource]. Available from: <https://www.intelligencesquared.com/about/> [accessed: 11.09.2024].
14. In Chinese Politics, it Pays to be a Boring Speaker. [Electronic resource]. Available from: <https://qz.com/979891/in-chinese-politics-it-pays-to-be-a-boring-speaker>. [accessed: 23.12.2024].
15. Abuzyarova D.L., Kochetova L.A. Mitigation in British parliamentary discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2024; 7(2):169–180. Available from: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.169-179> [accessed: 14.03.2025]. (In Russ.)
16. Kim M.N. Infotainment as a method of drawing audience attention. *Sovremennye smi v kontekste informacionnykh tekhnologiy*. Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promyshlennykh tekhnologij i dizajna; 2024. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75059797> [accessed: 10.11.2024]. (In Russ.)

Автор публикации

Author of the publication

Дечева Светлана Владимировна –
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5100-582X>

Decheva Svetlana Vladimirovna –
Doctor of Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5100-582X>

Гашек Александра Игоревна –
аспирант
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
Email: gashek.pecheneg@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-9336-9611>

Gashek Aleksandra Igorevna –
Postgraduate student
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
Email: gashek.pecheneg@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-9336-9611>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Conflicts of Interest Disclosure

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Article info

Поступила в редакцию: 09.09.2025

Одобрена после рецензирования: 20.11.2025

Принята к публикации: 25.12.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Submitted: 09.09.2025

Approved after peer reviewing: 20.11.2025

Accepted for publication: 25.12.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья

УДК 811.111

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.52-62>

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *BOTTOM*

А.С. Кириченко¹, Е.Е. Пронина²

¹Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Россия

kirichalex@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-2145-2514>

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e_e_pronina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8715-830X>

Аннотация. В настоящей статье исследуется пространственное значение существительного *bottom*, являющееся базовым компонентом его семантической структуры. Наша трактовка значения основывается на понятии концепта как способа языковой репрезентации графического образа, являющегося схематическим отображением реальной конфигурации объектов. Проблема употребления предлогов в словосочетаниях с *bottom*, с которой сталкиваются изучающие английский язык, связана с тем, что способы концептуализации пространства, свойственные русскому языковому сознанию, отличаются от тех моделей, которые используются носителями английского языка и которые, соответственно, отражены в семантике английских слов. Целью данного исследования было выявить эти различия и предложить такое описание концептов, которое бы объясняло закономерности употребления *bottom* в речи и обладало прогностической способностью. Как показал анализ, особенностью значения данной лексемы является совмещение концептов «дна» и «низа», что играет ключевую роль в семантической дифференциации таких словосочетаний, как *at the bottom of the lake* и *at the bottom of the page*. Результаты исследования также дают основание полагать, что в отличие от словосочетаний с предлогом *on*, словосочетания с *at* – *at the bottom* – описывают местоположение объекта не как плоскую поверхность дна, а как пространство, к нему прилегающее. Сходную картинку передает предлог *in* – *in the bottom*, когда в сознании субъекта дно достраивается до сферы, имеющей нижнюю и боковые поверхности. Данные настоящего исследования говорят о том, что пространственная семантика языка во многом обусловлена антропоцентрической моделью концептуализации реальности, что лишний раз подтверждает мысль о том, что язык отражает не столько реальное положение вещей в мире, сколько то, как этот мир воспринимается человеком.

Ключевые слова: семантическая структура; концепт; пространство; предлог; английский язык

Для цитирования: Кириченко А.С., Пронина Е.Е. Пространственные концепты в семантике английского существительного *bottom*. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 52–62. (In Eng.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.52-62>

SPATIAL CONCEPTS IN THE SEMANTICS OF THE ENGLISH NOUN *BOTTOM*

A.S. Kirichenko¹, E.E. Pronina²

¹Moscow University named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

kirichalex@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-2145-2514>

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

e_e_pronina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8715-830X>

Abstract. This article examines the spatial meaning of the noun *bottom*, which is the basic component of its semantic structure. In our understanding, linguistic meaning as such is based on the idea of concept as a way of linguistic representation of a graphic image, which is a schematic reflection of the actual configuration of objects. The problem of using prepositions in phrases with *bottom*, which English language learners face, is related to the fact that the ways of conceptualizing space, peculiar to the Russian language consciousness, differ from those models used by native English speakers and which, accordingly, are reflected in the semantics of English words. The purpose of this study was to identify these differences and propose a description of concepts that would explain the patterns of using *bottom* in speech and have a predictive ability. As the analysis showed, the characteristic feature of this lexeme is a combination of two concepts: "the lower surface of a container" and "the lower part of any solid object as opposed to its upper part", which is of key importance for the semantic differentiation of phrases such as *at the bottom of the lake* and *at the bottom of the page*. The results of the study also suggest that, unlike phrases with the preposition *on*, phrases with *at* – *at the bottom* – describe the location of an object not as a flat surface of the bottom, but as a space adjacent to it. A similar picture is conveyed by the preposition *in* – *in the bottom*, when in the mind of the speaker the bottom is completed to a sphere with lower and lateral surfaces. The data of this study suggest that the spatial semantics of language is largely determined by the anthropocentric model of conceptualization of reality, which once again confirms the idea that language reflects not so much the real state of things in the world as how this world is perceived by humans.

Keywords: semantic structure; concept; space; preposition; English

For citation: Kirichenko A.S., Pronina E.E. Spatial Concepts in the Semantics of the English Noun *Bottom*. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 52–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.52-62>

Можно с уверенностью сказать, что с появлением цифровых технологий лингвистика и смежные науки вступили в новую историческую фазу своего развития: современные «большие языковые модели» (large language model, LLM) типа ChatGPT, способны понимать и генерировать речь, и даже, как утверждают создатели этих систем, выявлять сложные взаимосвязи данных и получать результат, который отсутствовал в обучающей выборке [1, 2]. Все это заставляет думать, что вероятностные математические модели, на которых ос-

нована работа нейросетей, дают, вопреки ожиданиям, весьма качественное приближение к языковой реальности. Такая впечатляющая результативность не может не потрясать воображение. Однако означает ли это, что отныне работа лингвистов в плане изучения семантики языка не столь востребована, поскольку самообучающиеся модели сами раскроют все ее секреты? Практика показывает, что это далеко не так. Во-первых, как отмечают сами разработчики нейросетей, самостоятельно обучаясь на языковом материале, «нейросети» одновременно «наследуют неточности и предвзятости из обучающих данных». То есть автоматически собранный корпусный материал содержит много «шума», неправильных, небрежных или нерелевантных исследуемому контексту речевых примеров. Во-вторых, опираясь на частотность тех или иных конструкций, искусственный интеллект не всегда может обосновать механизм, отвечающий за распределение частот между вариантами употребления, в сложных случаях лишь ограничиваясь констатацией стилистических характеристик контекстов: «чаще используется в официальных документах», «устаревший или поэтический вариант, встречается реже», «подходит для технических описаний», «типично для разговорной речи», «чаще встречается в художественной литературе», «используется для создания атмосферы», «звучит более поэтично и образно» (из диалога с ChatGPT и Deepseek).

Чтобы выявить закономерности употребления той или иной структуры недостаточно лишь статистического анализа. Понимание глубинной семантики языковых единиц и речевых моделей, как мы показали ранее [3, 4], требует привлечения знаний в области психологии человека, механизмов работы психики и ее эволюции. Эта скрупулезная работа нужна сегодня не в последнюю очередь и для того, чтобы вовремя «поправить» генеративный интеллект, снизить влияние возмущающих факторов случайности и углубить его знания, необходимые, в том числе, для адекватного перевода человеческой речи.

Наряду с работами других авторов [5, 6] данная работа продолжает исследования в области перцептивных механизмов детерминации языковых зна-

чений на материале предложных конструкций, связанных с описанием различных пространственных отношений.

Методология данного исследования включает концептуальный анализ, дистрибутивный анализ, контекстный анализ и элементы гипотетико-дедуктивного метода. Материалом для исследования послужили данные Британского национального корпуса (British National Corpus) [7].

Предметом настоящего исследования является пространственное значение существительного *bottom*, которое образует базовое звено его семантической структуры и которое мы анализируем в рамках трех-актантной сентенциальной формы *X (be) prep the bottom of Y*. Как показало исследование, геометрические и функциональные особенности актантов, а также характер связей между ними обуславливают концептуальную вариативность данного значения, следствием чего является появление в данной синтаксической структуре различных предлогов – *on*, *in*, *at*. Под языковым значением мы понимаем типичный для носителей данного языка и закреплённый за соответствующим языковым знаком способ осмысления и вербальной репрезентации денотата. В когнитивной терминологии такой трактовке значения соответствует понятие концепта – ментального конструкта, содержащего информацию об «объекте, «пропущенном» через восприятие говорящего» [8]. В русле такого понимания значения «денотатом знака является не внешний объект, а образ этого объекта, довербальное представление о нём, в сознании субъекта» [9]. Ведь «именно познанный, а иногда и сконструированный человеком мир является объектом описания и сообщения в актах речи, он должен рассматриваться в качестве денотата языковых знаков» [8]. В данном случае в качестве денотата выступает графический образ, который включает нижнюю поверхность объекта-ориентира (Y) и объект-референт (X), местоположение которого определяется относительно нижней поверхности Y-ка. В ходе исследования стало понятно, что содержание концепта обусловлено физическими характеристиками X-а и Y-

а, функциональным наполнением графического образа и, в отдельных случаях, позицией экспериенцера.

Явление концептуальной вариативности в восприятии таких трехмерных объектов, как стол, ящик и т.д., имеет широкое распространение в языке. Так, фраза *книга на столе* содержит информацию о том, что книга лежит на поверхности стола, а фраза *книга в столе* означает, что книга находится во внутреннем пространстве стола, по-видимому, в одном из его ящиков. В основе описания местоположения книги лежит соответствующий способ концептуализации визуального образа, который закреплен за означающим предлогов *на* и *в*. Иными словами, употребляя тот или иной пространственный предлог, мы «активируем» определенный функциональный аспект графического образа объекта-ориентира, на который направлено наше восприятие. Поскольку точно такая же модель концептуализации объектов данного типа существует в английском языке, у нас нет трудностей с дифференциацией фраз типа *The book is on the desk* и *The book is in the desk*. Иначе обстоит дело с существительным *bottom*. Здесь уже нет прямой аналогии с русским языком хотя бы потому, что в русском языке ему соответствует как понятие «дна», так и понятие «низа». Но главное, что и в том, и в другом случае осмысление графического образа происходит через концепты, не совпадающие с теми, что используются русским языковым сознанием, а как справедливо полагают А.А. Гимадеева, Д.Б. Гарифуллина, М.Р. Гараева, именно сопоставление концептов в языковых картинах мира и «позволяет раскрыть их национально-культурные особенности» [10]. В нашем случае для описания пространственных сцен, в которых фигурирует *bottom*, хорошо знакомые нам предлоги *in*, *on*, *at* используются довольно непривычным для нас образом. Об этом и пойдет речь в данной статье.

Очевидно, что понятие верха и низа применимо к объектам, имеющим в нашем восприятии вертикальную ориентацию. Таковыми являются объекты, типа *гора*, *дерево*, *лестница*. Однако если перед нами на столе лежит открытая книга, то по отношению к земле она находится в параллельной плоскости. Тем

не менее это не мешает нам говорить *at the bottom of the page*. Получается, что вертикальное положение объекта по отношению к земной поверхности не является необходимым условием выделения в этом объекте верха и низа. Что же тогда является этим значимым фактором? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо признать, что осмысление и описание форм объектов, их функций и расположения в пространстве (иначе говоря, концептуализация сцены) обусловлены не только объективными характеристиками внешней ситуации, но и субъективными особенностями человеческого восприятия. И в этом смысле, язык отражает не столько саму реальность, сколько наше представление о ней, которое может быть максимально приближено к ней, но никогда не будет ее точной копией или слепком.

Заметим, что все вертикально стоящие объекты, включая и самого человека, расположены в условно параллельных плоскостях. И когда человек смотрит на такой объект, то его глаза совершают движения, в физиологии определяемые как супрадукция (движение глаза вверх) и инфрадукция (движение глаза вниз). Гипотетически можно предположить, что именно данный характер движения глаз является тем фактором, который помогает человеку определить, где у объекта верх, а где низ. Таким образом, не важно, занимает ли объект вертикальное или горизонтальное положение относительно земли, а важно, в каком направлении скользит взгляд человека – супрадуктивным или инфрадуктивным. Именно так человек определяет, где у страницы верх, а где низ. Нам могут возразить, что человек знает, что всякий текст читается сверху вниз, а не наоборот, и поэтому верх там, где начало текста. Ну что ж, давайте положим чистый лист бумаги, картона или фанеры и предложим испытуемому сказать, где у листа верх, а где низ. Очевидно, что результат будет тот же. Мы полагаем, что строение тела, его физиологические особенности во многом определяют способность человека ориентироваться в пространстве, структурировать его и создавать устойчивые образ-схемы в сознании, что далее находит отражение в семантике языка.

Из трех упомянутых выше предлогов – *in*, *on*, *at* – последний является, пожалуй, наиболее частотным, что подтверждается данными Британского национального корпуса: число контекстов с *at the bottom of* – 1028, *in the bottom of* – 167, *on the bottom of* – 94. Рассмотрим две типовые ситуации, в описании которых может использоваться предлог *at*. В одной из них исследуемая сентенциальная форма *X (be) at the bottom of Y* описывает такую конфигурацию, в которой *X* является внешним по отношению к *Y*-у объектом и располагается в области, прилегающей к его нижней части. Другими словами, в осмыслении и вербальной репрезентации сцены участвует концепт «низа», о котором говорилось выше.

Пр. *At the bottom of the hill, six poplar trees swayed, graceful as girls with their hair long.*

В качестве *Y*-ориентира могут фигурировать такие объекты, как *column*, *slope*, *steps*, *staircase*, *mountain*, *wall* и др. Их всех объединяет то, что они не являются полыми, что исключает возможность нахождения референта внутри них.

Другой тип денотативной ситуации, в описании которого может участвовать предлог *at*, представляет собой контейнер, на или у нижней внутренней поверхности которого находится некий предмет. В этом случае осмысление сцены происходит через концепт «дна».

Пр. *If you are lucky, on a clear day you might just be able to see the spring bubbling up at the bottom of the pond.*

Другие похожие объекты, которые могут выступать в роли *Y*-ориентира – *lake*, *bottle*, *pool*, *cup*, *glass*, *pit*, *well*, т.е. любой полый объект, который может функционировать как контейнер для *X*-референта.

Во всех этих контекстах англичане употребляют предлог *at*, хотя, казалось бы, во всяком случае для нашего языкового сознания, более естественным было бы поставить *on*, поскольку дно моря/озера/стакана – это условно плоская поверхность, которая к тому же в ряде случаев выполняет функцию опоры. Не

случайно, в русском языке мы используем предлог *на*: *на дне моря/озера/стакана*. Все дело в том, что под «дном» англичане понимают не только нижнюю внутреннюю поверхность контейнера, но и пространство к ней прилегающее. На возможность такого способа концептуализации, когда денотат одного и того же объекта может иметь разные способы осмысления, и наше восприятие плоской поверхности может расширяться за счет мысленного присоединения к ней прилегающего пространства, неоднократно указывала О.Н. Селиверстова, в частности, исследуя семантику русских предлогов *на* и *в* [11]: *на небе, но в дымном небе, на картофельном поле, но в чистом поле*. Однако в нашем случае ситуация еще усложняется и тем, что наряду с *at* в одном и том же контексте может альтернативно употребляться и предлог *in* (хотя и гораздо реже).

Пр. *There are some tea leaves at / in the bottom of the glass.*

В качестве гипотезы, можно предположить, что в случае с *at* концептуальному взору носителя языка предстает не объемный образ стакана с чайными листьями на дне, а вертикальная проекция всей этой конфигурации на плоскость. В случае же с *in* дно Y-ориентира мысленно достраивается до сферы, имеющей нижнюю и боковые поверхности. Это всего лишь предположение, которое нуждается в экспериментальной проверке и может стать предметом дальнейшего исследования.

Следует отметить, что механизм концептуальной метафоры – одно из основополагающих понятий когнитивной семантики, введенное Лакоффом и Джонсоном [12], – позволяет распространить описанные нами схемы на другие виды семантических пространств, т.е. на ситуации, в которых актанты X и Y не являются геометрически соположенными объектами. Например, *She graduated at the bottom of her class* или *He started at the bottom and worked his way up to become president of the company*. В обоих случаях, как нам представляется, референт X помещается в область, прилегающую к основанию вертикальной проекции иерархической пирамиды, которая является графическим образом ориентира Y.

Что же касается предлога *on*, то, используй мы его вместо *at* или *in* в предложении *There are some tea leaves ... the bottom of the glass*, он кардинальным образом изменил бы всю сцену: смысл предложения заключался бы в том, что чайные листья прилипли ко дну стакана снаружи. Ситуация не совсем типичная, гораздо чаще мы сталкиваемся с тем, что на внешней стороне дна чашки, блюдца и т.д. ставится клеймо производителя. Для описания такой ситуации как раз и нужен предлог *on*: *There is a pottery mark on the bottom of the cup*. Или другой пример: *a piece of chewing gum on the bottom of the chair*, что означает, что жевательная резинка приклеена к сиденью стула снизу. Если бы она лежала на сиденье стула, то использовалась бы фраза *a piece of chewing gum on the chair seat*.

Зададимся вопросом: всегда ли предлог *on* в исследуемой сентенциальной форме *X (be) on the bottom of Y* будет означать, что *X* находится на внешней стороне дна? Похоже, что нет. Например, *We were walking around on the bottom of the lake*. Хотя озеро – это тоже своего рода контейнер, но водолазы, перемещавшиеся по его дну, не могли видеть боковые границы озера. Поэтому в их восприятии дно – это плоскость, используемая ими как опора, а не нижняя часть контейнера, внутри которого они находятся. Соответственно, они не могут сказать *in the bottom of the lake*. Таким образом, мы видим, что в данном случае употребление предлога *on* обусловлено помимо всего прочего позицией экспериенцера.

А вот при описании местоположения рыбы, плавающей на дне пруда, будет использован предлог *at*: *There are a lot of fish at the bottom of the pond*, поскольку, с одной стороны, в окоем наблюдателя не попадают боковые поверхности «контейнера», и поэтому нельзя сказать *in the bottom*, а с другой, *on* не годится, так как рыба не использует дно как опору, а плавает в прилегающем ко дну пространстве. Предлог *on* во фразе *fish on the bottom of*, скорее всего, означал бы, что рыба мертвая. Поэтому наиболее вероятный способ графического

изображения данной конфигурации – представить ее в виде вертикальной проекции, как это было показано на примере с чайными листьями.

Проведенный анализ показал, что существительное *bottom* применимо для концептуализации сцены, имеющей как вертикальную, так и горизонтальную ориентацию. Наличие концептов «дна» и «низа» позволяет использовать данную лексему в описании соответствующей части как полых, так и сплошных объектов. Для описания местоположения референта относительно нижней части ориентира, *bottom* образует словосочетания с предлогами *at*, *in*, *on*. Выбор предлога обусловлен не только объективными параметрами ситуации, но и особенностями зрительной перцепции, а также позицией экспериенцера. Полагаем, что материалы данного исследования могут оказаться полезными в дальнейшей разработке теории значения, изучении вопросов соотношения языка и мышления, а также создании более адекватной и дифференцированной модели языковой картины мира, присущей носителям английской культуры.

Список литературы

1. Лекун Я. *Как учится машина. Революция в области нейронных сетей и глубокого обучения*. М.: Альпина нон-фикшн; 2021.
2. Николенко С., Кадури А., Архангельская Е. *Глубокое обучение*. СПб.: Питер; 2018.
3. Кириченко А.С., Пронина Е.Е. *Предлоги, концепты, кванты смысла. К вопросу о природе языкового значения*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing; 2011.
4. Кириченко А.С. Проблема дифференциации предлогов ‘by’ и ‘with’ в сочетаниях с причастием ‘surrounded’. *Вестник Московского городского педагогического университета*. 2010; 2 (6): 40–45.
5. Хрисонопуло Е.Ю. Факторы вариативности английских предлогов при обозначении локативного отношения. М.: *Наука без границ. Англистика в XXI веке*. 2021: 164–169.
6. Жукова А.О. Пространственная семантика английских предлогов, обозначающих близкое расположение. *Вестник Минского государственного лингвистического университета*. 2022; 4(119): 56–68.
7. *British National Corpus (BNC)*. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> [дата обращения: 04.04.2025].
8. Маляр Т.Н., О.Н. Селиверстова. *Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках*. München: Slavistische Beiträge; 1998.
9. Кириченко А.С. *Сопоставительная семантика русских предлогов среди, между и их английских эквивалентов among, between*. Дис... канд. филолог. наук. М.: 2002.
10. Гимадеева А.А., Гарифуллина Д.Б., Гараева М.Р. Лексико-семантическая репрезентация концепта «страх» (на материале английских и татарских фразеологических единиц с компонентом-зоономом). *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2(1): 11–17.
11. Селиверстова О.Н. Семантическая структура предлога ‘на’. *Исследования по семантике предлогов*. под ред. Д. Пайар, О.Н. Селиверстовой. М.: Русские словари; 2000. С. 189–242.
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press; 1980.

References

1. Lecun Y. *How the machine learns. A revolution in neural networks and deep learning*. M.: Alpina non-fikshn; 2021.
2. Nikolenko S., Kadurin A., Arkhangelskaya E. *Deep learning*. SPb.: Peter; 2018.
3. Kirichenko A.S., Pronina E.E. *Prepositions, concepts, quanta of meaning. On the question of the nature of linguistic meaning*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing; 2011.
4. Kirichenko A.S. The problem of differentiation of the prepositions 'by' and 'with' in combinations with the participle 'surrounded'. *Vestnik Moskovskogo pedagogicheskogo universiteta*. 2010; 2 (6): 40–45.
5. Hrisonopulo E.Yu. Factors of variability of English prepositions in the designation of a locative relation. M.: *Science without borders. English studies in the 21st century*. 2021: 164–169.
6. Zhukova A.O. Spatial semantics of English prepositions denoting proximity. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022; 4(119): 56–68.
7. *British National Corpus (BNC)*. Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> [accessed: 04.04.2025].
8. Malyar T.N., Seliverstova O.N. *Spatial-distance prepositions and adverbs in Russian and English*. München: Slavistische Beiträge; 1998.
9. Kirichenko A.S. *Comparative semantics of the Russian prepositions 'sredi', 'mezhdue' and their English equivalents 'among', 'between'*. Dis... Candidate of Philological Sciences. M.: 2002.
10. Gimadeeva A.A., Garifullina D.B., Garayeva M.R. Lexico-semantic representation of the concept of "fear" (based on the material of English and Tatar phraseological units with a zoonym component). *Kazanskiy Lingvisticheskiy Zhurnal*. 2019; 2(1): 11–17.
11. Seliverstova O.N. The semantic structure of the preposition 'on'. *Research on the semantics of prepositions*. edited by D. Payar, O.N. Seliverstova. M.: Russkiye slovari; 2000. p. 189–242.
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press; 1980.

Автор публикации

Author of the publication

Кириченко Александр Семёнович –
доцент
Московский университет им. А.С. Грибоедова
Москва, Россия
Email: kirichalex@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-2145-2514>

Kirichenko Aleksandr Semyonovich–
Associate Professor
Moscow University named after A.S. Griboyedov
Moscow, Russia
Email: kirichalex@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-2145-2514>

Пронина Елена Евгеньевна –
профессор
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
Email: e_e_pronina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8715-830X>

Pronina Elena Evgenevna –
Full Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
Email: e_e_pronina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8715-830X>

Поступила в редакцию: 19.05.2025
Одобрена после рецензирования: 25.09.2025
Принята к публикации: 25.12.2025

Submitted: 19.05.2025
Approved after peer reviewing: 25.09.2025
Accepted for publication: 25.12.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

Peer review info

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'33

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.63-72>

**ВЛИЯНИЕ ТОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ПЕРВОГО ЯЗЫКА НА
УДАРЕНИЕ В СЛОВАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ У НОСИТЕЛЕЙ АРАБСКОГО ЯЗЫКА,
ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

М.А.Д. Аль-Судани¹, О.В. Томберг²

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

¹mohammedamer9555@gmail.com, 0009-0008-2512-9819

²olgatomberg@yandex.ru, 0000-0003-4979-1782

Аннотация. В настоящем исследовании изучается влияние тональных/просодических свойств арабского языка как родного на постановку ударения в английском языке как иностранном. Из-за нефиксированной системы ударения и зависимости от тональных изменений и высоты тона распределение ударения в английских словах может вызвать трудности у носителей арабского языка, когда они начинают изучать английский язык, поскольку английское ударение фиксировано и играет важную роль как в скрытом значении, так и в структуре предложения. Это означает, что если не все ударение поставлено в правильной части слова при смещении ударения, смысл теряется или непоправимо изменяется. Исследование выявило систематические ошибки в постановке ударения в английских словах, особенно многосложных, и рассмотрело, как происходит интерференция первого языка в английском произношении этих учащихся. Исследование иллюстрирует проблемы, связанные с разборчивостью и беглостью речи носителей арабского языка, изучающих английский язык, путем анализа передачи арабских тональных моделей (например, ровные контуры высоты тона, равномерное распределение ударения). Основные выводы подчеркивают необходимость целенаправленного обучения для выявления и исправления помех на языке первого языка (особенно в ударении гласных и высоте тона), а также предоставляют информацию о лучших методах обучения английскому языку как иностранному для этой группы учащихся.

Ключевые слова: просодическая система языка; просодическая корректность; тональные паттерны; высота тона; фонетическая интерференция; исправление просодических ошибок

Для цитирования: Аль-Судани М.А.Д., Томберг О.В. Влияние тональных моделей первого языка на ударение в словах английского языка: фонетическая интерференция у носителей арабского языка, изучающих английский язык. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 63–72. (In Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.63-72>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.63-72>

THE INFLUENCE OF L1 TONAL PATTERNS ON ENGLISH WORD STRESS: PHONETIC INTERFERENCE IN ARABIC-SPEAKING EFL LEARNERS

M.A. J. Al-Sudani¹, O.V. Tomberg²

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterin-
burg, Russia

¹mohammedamer9555@gmail.com, 0009-0008-2512-9819

²olgatomberg@yandex.ru, 0000-0003-4979-1782

Abstract. The present study explores the effects of Arabic L1 tonal/prosodic properties on the production of English word stress produced by speakers of English as a foreign language (hereafter, EFL) with Arabic as L1. Due to its non-fixed stress system and dependency on tonal variation and pitch, the allocation of stress on English words can cause difficulty for Arabic speakers when they become English learners as English stress is fixed and has a major role both in hidden meaning and structure of a sentence, meaning that if not all stress is put in the correct part of a word, the meaning becomes lost or irreparably changed. The study indicates systematic errors in stress placement for English words – especially multisyllabic – and investigates how L1 interference occurs in the English pronunciation of these learners. The study illustrates the challenges to intelligibility and fluency in the speech of Arabic speakers learning English, by analyzing the transfer of Arabic tonal patterns (e.g., flat pitch contours, even stress distribution). The major conclusions highlight the needs for targeted instruction for identification and correction of L1 interference (specifically in both the vowel-stress placement and pitch) and it provides information for better methods of EFL instruction to this group of students.

Keywords: prosodic language system; prosodic correctness; tonal patterns; pitch variation; phonetic interference; correction of prosodic errors

For citation: Al-Sudani M.A.J., Tomberg O.V. The Influence of L1 Tonal Patterns on English Word Stress: Phonetic Interference in Arabic-Speaking EFL Learners. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 63–72. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.63-72>

The origins and development of language are a subject not entirely understood, particularly how sound relates to written symbols and the mispronunciation of terms. Languages also exhibit heterogeneous features. Therefore, linguists recommend familiarizing yourself with intonation, striving to pronounce words correctly, and being flexible [1], [2].

Word stress in English is also important, as words with different stress patterns may convey different meanings or lead to differences in sentence grammar, which can be problematic for L2 learners whose L1 is stress and prosodically different from English. Arabic-speaking learners of English as a Foreign Language (EFL), in particular, find English word stress hard to master, as Arabic phonetic interference be-

comes an obstacle. In contrast to English, where the stress pattern is fixed, Arabic has a much freer stress assignment, that often correlates with morphological or syntactic properties, rather than lexical distinction [3], [4]. This phonological contrast triggers Arabic speakers to carry over L1 prosodic features such as pitch patterns in to English and lead to wrongly placed stress, nonnative sounded rhythm and limited intelligibility [5].

The following paper explores the impact of Arabic L1 tonal and prosodic features on the production of English word stress in order to redress this oversight, through a literature review, comparisons and case studies. This study attempts to bridge this gap by gaining insights into the contribution of L1-specific Arabic phonetic features to lexical stress placement in Arabic L1 learners and providing suggestions for successful EFL pedagogy based on theoretical findings in order to enhance the teaching and learning of second-language pronunciation.

- To what extent in your opinion do Arabic tonal patterns influence the production of English word stress in EFL learners?
- How can knowledge of L1 tonal influences help teach English word stress?
- Which particular systematic features of Arabic phonetics are most responsible for stress errors in English?

The significance of this research is that highlighting the unique characteristics of Arabic that lead to stress errors could help the instructor to direct her focus towards the most problematic areas when it comes to pronunciation. Since it points out interference issues, it can help with targeted pronunciation instruction. When researchers understand the potential problem related to the mother tongue interference of the students that they are teaching, the techniques of teaching could be improved considering this problem, due to which, the efficiency of EFL pronunciation can be made more effective and productive.

Key theories such as language transfer or phonetic interference help us understand how L1 characteristics affect our acquisition of an L2, with a special focus on phonological patterns. Language transfer is the term used in second language acquisi-

tion (SLA) to reflect the effect that the native language exerts over the production and perception of a second language. This is especially prominent in those aspects of language that have similar or different structures in the two languages, such as phonology, syntax or morphology [6, p. 72]. This phonetic interference is a kind of language transfer, and it accentuates elements of L1 speech and affects L2 pronunciation and prosody (stress placement, intonation, and rhythm).

Phonological Interference from L1-L2 Stress Patterns in L1 Acquisition Correct placement of stress, and for that matter, ability to reproduce stress have been viewed as key components through which stress is an important element of L2 pronunciation, and English language learners, for one, who place stress incorrectly may lead to misunderstanding or, worse still, a breakdown in communication [7, p. 384]. Zhumabayeva et al. [8] support this, finding that prosodic differences in multilingual settings, including stress and intonation, result in persistent L2 pronunciation errors, particularly for learners from non-stress-timed languages.

English, in contrast to Arabic, uses word stress and a lot of it to distinguish word meanings and grammatical categories (record noun vs. record verb). Arabic speakers face a major challenge to ESL prosody because they continue to apply their L1 fixed stress system to words in English, each of which may have multiple syllables, in a way that is radically different than how English prosody works.

Arabic has a prosodic system that is quite different from that of English, which may be a contributory factor to its learners' difficulties in the acquisition of stress. In Arabic, on the other hand, stress is less rigidly tied to word structure but rather shifts with syllable weight and morphology, meaning that in Arabic some syllables don't have stress [3, p. 123]. Thus, for Arabic speakers fixed stress might be unusual, in the sense that in English the stress placement in words has been shown to be a crucial factor in distinguishing meanings, even in minimal pairs (e.g., “permit” vs “permit”). On the part of English, fixed stress necessitates that learners emphasize syllables and place stress, a challenging task for learners whose L1 is not following fixed stress patterns [5, p. 6].

There are several features that sets Arabic phonology apart from other languages, English and Chinese for example, particularly in terms of stress and tone. Arabic phonology is an interesting aspect of the language as its morphology is based around a consonantal root system, where words are typically built upon a triconsonantal root that denotes the essential and general semantic content of the word [3, p. 47]. The Arabic language, for example, features a complex system of pharyngealized and emphatic consonants that influence the way words are pronounced and produced, and produces a prosodic structure not found in English [9, p. 67].

Arabic is a non-fixed, stress language as regards stress patterns and the stress on Arabic words does not follow a regular pattern and is more likely to differ based on syllable structure, morphological structure and syntactic function [3, p. 122]. Stress in Arabic often lands on the last or second to last syllable, but its position can change according to the structure of the word or its place in the sentence. Thus, this absence of a fixed stress system is in stark contrast with English, in which stress plays an important role in word identification and semantics. For instance, one example is in Arabic whereby the noun (doctor) *ṭabīb* has a variable stress from syllable to syllable, while in English there is a single fixed stressed syllable when repeated, and that is on the first syllable (DOCTOR).

On the other hand, the pronunciation of words in English is not only unique to its own natives, but is also quite different from that of the Arabic language. In other words, Word stress is lexical and morphological in English. For instance, the stress can distinguish nouns from verbs in English: 'record (noun) vs. re'cord (verb). Lastly, stress is also of vital importance in sentence prosody, where adjustment of stress on certain words assists with highlighting important information and getting a natural rhythm. One of the difficulties of English is that unpredictability of word stress; there are no rules that will generalize to all multisyllabic words. Stress in English can be on the first, second or penultimate syllables but (and there are always the exceptions in English) which makes it difficult to learn the rising stress patterns for non-native speakers [4, p. 44].

Phonetic transfer is a key idea in second language acquisition (SLA), addressing the extent to which the phonetic systems of learners' first language (L1) interfere with the production of sounds and prosodic structures in a second language (L2). A transfer of L1 phonetic features, including the length of vowels, pitch, and stress, has a notable involvement in errors in pronunciation made by L2 learners. Many Arabic-speaking learners of English exhibit transfer of mother tongue (L1) phonetic features resulting in mispronounced words that hinder intelligibility and communication. Arabic has some features of its phonological system, including, for example consonantal roots, vowel length, or specific pitch contours¹, and these features have been found to be of great importance in the developmental processes of acquisition regarding English pronunciation.

Arabic features a unique vowel length system, whereby vowels are classified as either short or long, and the length of the vowel can change the definition of a word. In Arabic vowel length is a phonemic feature with lexical implications though it is not similar to vowel length in English — which is more a function of stress and syllable structure [10, p. 112]. Sometimes this difference becomes a difficulty for Arabic-speaking learners of English due to the use of their L1 vowel length system, as a result, a common mistake in pronunciation occurs, predominantly in the case of unstressed syllables. In a case study by Flege [11] on the transfer of L1 vowel length, for example, the Arabic speaker produced English vowels similar to his L1 system, with long vowels being over-articulated or vowels being shortened inappropriately [11, p. 245]. Shortened vowels in unstressed syllables of English are particularly problematic for English learners. According to the study of Bassetti and Backley [12], Arabic speakers lengthened vowels in English syllables of a word especially if they coincided with weak syllables. Arabic also has contrast between long and short vowels, so the overgeneralisation of vowel length from Arabic to English disrupted the flow of the English language, leading to confusion because this is not a feature of English [12, p. 358]. Vowel length transfer interference may cause the mispronuncia-

tions of English words while also affecting the natural cadence of spoken English, thus influencing both the collegiate intelligibility and fluency of the learners.

So far, phonetic analysis studies have reported important findings on the role of L1 phonological features in the realization of word stress in English. Al-Bulushi [5] investigated the English word stress production of Omani Arabic–English bilingual speakers. The analysis unequivocally demonstrated that L1 interference manifested, especially in the production of multisyllabic words, where Arabic learners applied the stress-placement rules of their first language. Arabic syllables are either light (CVC) or heavy (CVC or CVCC) and the stress falls on either the first or penultimate syllable of a word, except in some morphological contexts. Unlike the fixed stress of the English language (as in noun-verb pairs 'permit' vs. 'permit'), Arabic is much more flexible with the location of stress placement in a word. Al-Bulushi [5] who found that Arabic speakers have difficulty placing stress in the appropriate positions of English words, especially longer words which take stress away from the beginning syllables. Words such as “photograph” (pho'tograph) and “photographer” (pho'tog'rapher), for example, had stress incorrectly on the first syllable, a perplexing echo of the Arabic stress pattern. The study stresses that the phonetic challenge Arabic-speaking learners encounter in acquiring English word stress patterns is reflective of the successful operation of L1 transfer [5, p. 6]. This phonetic interference becomes especially problematic in English because of the language's dependence on stress to mark meaning and grammatical contrasts.

Supporters of this argument often point to theories of Universal Grammar (UG) [13] that claim that some linguistic structures, such as stress placement, are characterized across all languages. UG stipulates that when learners are exposed to the L2, they will retain the correct placement of stress according to the universal principles, despite the different system operating in their L1 with regard to stress or prosody. So, learners with L1 from tonal as well as non-tonal languages should have the same challenges while acquiring English word stress (ESW).

The issue of spelling transfer in word stress, in particular for Arabic language learners, is not an easy problem for teachers to adapt to. The real problem here is that the stress patterns in English are relatively complex and prosody is often neglected or given limited attention in many EFL curriculum. These features make it difficult to help learners solve specific L1 interference problems.

In this study it was shown that due to tonal and prosodic features of L1, Arabic learners of English struggle with the acquisition of English word stress. Arabic does not emphasize fixed stress placement as English does, and it has a relatively predictable but more flexible pattern of stress placement that generally does not convey meaning or grammatical category the way fixed stress patterns do in English. The prosodic system of Arabic, with tonal variations and no fixed stress assignment, directly hinders Arabic-speaking learners from mastering English stress patterns. Misplaced stress, level stress, and the transfer of prosody from Arabic to English are some of the causes of difficulties experienced by Arabic-speaking learners in acquiring word stress in English. As we have discussed throughout this paper, tonal features such as pitch variation and flexible stress placement in Arabic have a considerable impact on how Arabic speakers interact with stress in English. These features carry over into the learners' pronunciation of English, resulting in errors of stress placement and rhythm, and diminished intelligibility.

The empirical studies discussed in this paper furnish strong empirical evidence to argue that the interference of the L1 (e.g. Arabic) is central to the acquisition of English word stress. Citing this particular influence, some key studies [5], [11] reported deviations in stress patterns and tonal features in Arabic learning. These studies concluded that Arabic speakers tend to misplace stress in multisyllabic words of English when they are stress-timed; they would commonly place stress on the first syllable, which represents the prosodic properties of their language, Arabic (i.e. stress in Arabic is often not fixed and is conditioned by its morphological structure). These findings are further supported by Vannestål [14] and Flege and Liu [15] who concluded that Arabic speakers bring pitch and rhythm patterns from Arabic to English,

leading to a misplacement of stress patterns and negatively impacting their pronunciation. It appears from these studies that the distinctive characteristics of the Arabic phonological system such as tones, and also its flexibility in placing stress, interfere greatly with acquiring English stress; hence, errors are expected, predictable and recurrent with Arabic speakers.

Based on the findings, it can be concluded that the tonal and stress features of Arabic influence how Arabic speakers acquire word stress in English, which means that tone affects the perception of word stress among Arabic speakers, and word stress among these learners is poorly generalised or transferred. The reviewed practical studies also give solid evidence of systematic errors such as misplaced stress and the transfer of pitch and rhythm patterns from Arabic with inappropriate adjustments. These results underscore the necessity of tackling L1 interference in EFL word stress teaching. Focusing on these errors will provide teachers with insight on what issues Arabic speakers face in learning how to stress in English, thus allowing teachers to refine their techniques to make learning English stress patterns more achievable and enhance Arabic speaking learner's pronunciation and their ability to communicate.

References

1. Gich O.N. Asymmetry of the English-speaking and Russian-speaking Language Teaching Discourse: Reasons and Consequences. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4): 490–500. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.6.4.490-500>
2. Markovsky A.V. Current Problems of Linguistics and Culture of Communication. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4):53–546. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.4.535-546>
3. Ryding K. C. *Arabic: A linguistic introduction*. Cambridge University Press; 2005.
4. Kelly G. *How to teach pronunciation*. Longman; 2000.
5. Al-Bulushi S. Phonological interference in the speech of Omani EFL learners. *Asian Social Science*. 2013; 9(16):1–10. <https://doi.org/10.5539/ass.v9n16p1>
6. Odlin T. *Language transfer: Cross-linguistic influence in language learning*. Cambridge University Press; 1989.
7. Derwing T. M., & Munro M. J. Second language accent and pronunciation teaching: A research-based approach. *TESOL Quarterly*. 2005; 39(3):379–397. <https://doi.org/10.2307/3588486>
8. Zhumabayeva A., Sarsenbayeva G., Yessenova K., & Ismailova F. The Impact of Coaching on Development of Transversal Skills: An Exploratory Study of Teacher Candidates in Kazakhstani Primary Education. *Journal of Curriculum Studies Research*. 2024; 6(2): 121–135.
9. Ladefoged P. *A course in phonetics* (4th ed.). Harcourt College Publishers; 2001.
10. Ryder M. Vowel length and vowel quality in Arabic. *Journal of the International Phonetic Association*. 2004; 34(2): 111–123. <https://doi.org/10.1017/S0025100304001682>

11. Flege J.E. *Second language speech learning: Theory, findings, and problems*. In W. Strange (Ed.), *Speech perception and linguistic experience: Theoretical and methodological issues*. York Press. 1995; 233–277.
12. Bassetti B. & Backley P. Vowel length in the speech of Arabic speakers of English. *Journal of Phonetics*. 2004; 32(3): 355–372. <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2004.02.002>
13. Chomsky N. *New horizons in the study of language and mind*. Cambridge University Press. 2000.
14. Vannestål M. Word stress production in Arabic-speaking learners of English: An experimental study. *Journal of Second Language Pronunciation*. 2016; 2(3), 227–245. <https://doi.org/10.1075/jslp.2.3.02van>
15. Flege J.E. & Liu S. The effect of experience on adults acquisition of a second language. *Studies in Second Language Acquisition*. 2001; 23, 527–552.

Авторы публикации

Аль-Судани Мохаммед Амер Джасим –
Аспирант
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
Email: mohammedamer9555@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-2512-9819>

Томберг Ольга Витальевна –
Доктор филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
Email: olgatomberg@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4979-1782>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.08.2025
Одобрена после рецензирования: 15.11.2025
Принята к публикации: 27.12.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Al-Sudani Mohammed Amer Jasim –
PhD student
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia
Email: mohammedamer9555@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-2512-9819>

Tomberg Olga Vitalievna –
Doctor of Philology, Docent
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russia
Email: olgatomberg@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4979-1782>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 28.08.2025
Approved after peer reviewing: 15.11.2025
Accepted for publication: 27.12.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'42+81'373

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.73-82>

**ИТАЛЬЯНСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУТЕВОДИТЕЛЯ
“EXPERIENCE FLORENCE”)**

Н.Н. Бобырева

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан,
Россия*

Nathalienb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4680-7902>

Аннотация. Целью статьи является раскрытие роли итальянских вкраплений в англоязычном туристическом дискурсе. Исследование осуществлено на материале текста книги Л. Артузи “Experience Florence”, представляющей собой путеводитель по Флоренции. Актуальность исследования обусловлена устойчивым общественным интересом к межкультурной коммуникации в сфере туризма и научно-лингвистическим интересом к языковой организации текстов, обслуживающих туристическую отрасль. На современном этапе в лингвистической науке сохраняется потребность исследования межъязыкового взаимодействия, а также изучению средств придания тексту оригинальности, аутентичности, и достоверности. Подчеркивается важность функционирования итальянских имен собственных, включения цитат на итальянском языке и других вкраплений для описания городских достопримечательностей, создания атмосферы, обеспечения доступности для потенциального реципиента текста. В качестве ключевых методов исследования выступили методы семантического и контекстуального анализа, дескриптивный метод. Описывается функционирование антропонимов и урбанонимов, включая наименования улиц, музеев, площадей, мостов и др. Анализируется включение итальянских цитат, надписей на памятниках и т.п. Итальянские имена собственные позиционированы как смыслообразующие элементы текста. Представлены примеры из исследуемого текста, иллюстрирующие функционирование италоязычных элементов, использующихся для сообщения понятий, значимых с точки зрения информационной и коммуникативной функций путеводителя как жанра туристического дискурса.

Ключевые слова: туристический дискурс; имя собственное; атропоним; урбаноним; цитата; вкрапление

Для цитирования: Бобырева Н.Н. Итальянские вкрапления в англоязычном туристическом дискурсе (на материале путеводителя “Experience Florence”). *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 73–82. (In Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.73-82>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.73-82>

ITALIAN INSERTIONS IN THE ENGLISH TOURISM DISCOURSE (BASED ON THE GUIDEBOOK “EXPERIENCE FLORENCE”)

N.N. Bobyreva

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic Tatarstan, Russia

Nathalienb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4680-7902>

Abstract. The aim of the article is to reveal the role of Italian insertions in the English-language tourism discourse. The study was based on the text of the book by L. Artusi “Experience Florence”, which is a guide to Florence. The relevance of the study is due to the stable social interest in intercultural communication in the field of tourism and linguistic interest in the language organization of texts serving the tourism industry. At the present stage, linguistics still needs to study interlingual interaction, as well as the means of giving originality, authenticity, and reliability to the text. The importance of the functioning of Italian proper names, the use of quotations in Italian and other insertions to describe city attractions, create the atmosphere, and ensure accessibility for a potential recipient of the text is emphasized. The key research methods were those of semantic and contextual analysis, and the descriptive method. The article describes the functioning of anthroponyms and urbanonyms, including names of streets, museums, squares, bridges, etc. The inclusion of Italian quotations, inscriptions on monuments, etc. is analyzed. Italian proper names are positioned as meaning-forming elements of the text. Examples from the text under study are presented, which illustrates the functioning of Italian-language elements used to convey concepts that are significant from the point of view of the informational and communicative functions of the guidebook as a genre of tourism discourse.

Keywords: tourism discourse; proper name; anthroponym; urbanonym; quotation; insertion

For citation: Bobyreva N.N. Italian insertions in the English tourism discourse (based on the guidebook “Experience Florence”. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 73–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.73-82>

Туризм является одной из самых развивающихся и востребованных отраслей в современном мире. Коммуникация в сфере туризма связана с когнитивной деятельностью общества и характеризуется взаимодействием языков и культур. Основной целью туристического дискурса выступает создание положительного образа объекта, представление аттрактивной для реципиента информации [1]. В работе Т.Н. Хомутовой, М.Г. Денисенко описывается интегральная метамодель туристического дискурса как рассредоточенный объект, включающий когнитивный, языковой, культурный и социальный секторы, единицы которых актуализуются в процессе коммуникации [2]. Туристическому дискурсу свойственно наличие рекламных стратегий, лингвокогнитивных приемов, тематически маркированной лексики и средств выразительности [3]. Пу-

теводители как один из жанров туристического дискурса характеризуются своей языковой и прагматической спецификой, а на структуру описания объектов влияет язык, на котором представлена информация, языковая личность автора и принятые стандарты [4]. Коммуникативные задачи, стоящие перед автором путеводителя, влияют на языковую организацию создаваемого текста, его графический образ, выбор лексических средств и стилистических приемов.

Специфика объекта описания также неизбежно отражается в лексическом наполнении дискурса. Тексты туристической сферы характеризуются интердискурсивностью, прежде всего включением описаний предметов искусства (архитектуры, живописи). В туристическом дискурсе происходит вербализация искусства, интерпретирующая мысль автора, а также различные символы и образы [5]. Представляется информация об истории репрезентуемого объекта, экстерьере и внутреннем убранстве зданий, особенностях городского ландшафта. Коммуникативной целью автора книги выступает приглашение читателя погрузиться в атмосферу города, привлечение потенциальных туристов.

Анализируемый текст – путеводитель "Experience Florence" (2007) на английском языке под авторством Лучано Артузи, сочетающий представление городского искусства, истории и анекдотов, объемом 184 страницы [6]. Флоренция традиционно является одним из туристических центров Италии, богатым на достопримечательности, объекты культуры и искусства. Путеводитель снабжен цветными фотографиями, картами города, что обеспечивает поликодовость дискурса. Особое внимание уделяется графическому образу текста – оформлению курсивом или жирным шрифтом особо значимых с коммуникативной точки зрения элементов текста, посредством чего автор заостряет внимание читателя на определенных словах и фразах. В частности, к таким единицам относятся италоязычные вкрапления, т.е. использование итальянских языковых единиц с сохранением фонетических и грамматических признаков, указывающих на их иносистемный характер [7]. Вкрапления являются универсальными с точки зрения стилистической функциональности – они используются в текстах раз-

личных стилей, например художественных текстах, текстах интернет-пространства и др. [8; 9]. Текст туристической сферы является инструментом продвижения локальной культуры и языка [10]. Это предполагает обращение к языковым средствам, передающим национальный колорит, культурное своеобразие, определенные ассоциации.

Потенциальными реципиентами англоязычных текстов сферы туризма выступает очень широкий круг людей, принадлежащих разным этнокультурам, имеющих разный социокультурный опыт, уровень образования и владения иностранными языками. Для снятия возможных лингвистических затруднений у читателя в текст включаются пояснения относительно итальянских наименований. Приведем следующее предложение в качестве иллюстративного примера: 1) *In the fourteenth century it was known as the “New” Piazza di Santa Maria Novella to distinguish it from the “old” or **vecchia** piazza which is today’s Piazza dell’Unità Italiana* [6]. В данном контексте читатель воспринимает слова *new* и *novella*, *old* и *vecchia* как межъязыковые эквиваленты благодаря корректной подаче информации. Представим следующий пример: *The Italian word for lullaby is **ninna-nanna**, hence the Florentines called this painting of the Virgin looking like all mothers who sing their infants to sleep, “La Ninna”. <...> the street name was changed from Via di San Pier Scheraggio – for the church – to **Via della Ninna*** [6]. В данном фрагменте автор раскрывает историю и происхождение названия улицы, апеллируя к итальянскому языку и реалиям, что не только информирует читателя, но и облегчает восприятие текста. Рассмотрим следующий контекст: *In the Middle Ages it was the fulcrum for the city’s division into **quartieri** or districts, as well as the symbol of the market’s abundance of foods* [6]. В данном предложении итальянское слово *quartieri* соотносится с английским эквивалентом *districts*, что вводится в текст посредством союза *or*. Представление оригинального варианта названия и его англоязычного аналога – это попытка придать тексту элемент аутентичности, при этом делая его максимально понятным. В некоторых контекстах автор дает более подробные объяснения относительно грамма-

тических, фонетических, этимологических характеристик итальянских номинаций: 1) *Curiously enough, ever since the beginning Florentines have called it **Santa Trinita**, and not **Santissima Trinità**, i.e. **The Most Holly Trinity** as would be liturgically and grammatically more correct – with the accent on the last syllable* [6]. 2) *The punishment was called **Acculata** or **Acculattata** from the verb **acculattare** meaning to lift up and then set down with a bump* [6]. Оптимальное сочетание лингвистической и энциклопедической информации помогает автору знакомить читателя с экстралингвистическими понятиями и этимологией наименований.

Итальянские вкрапления также имеют функцию соблюдения подлинности, придания точности описанию. Например: 1) *Originally the corners were decorated with motifs (known as **fiamme** or **gatonate**) like those on the bell tower of the Badia and of the church of San Pier Maggiore that has since been demolished* [6]. 2) *There was a rotating cylinder with an opening facing the small window; it was here that unknown hands would place the fouldings (**innocenti** or **noncentini** or **gettatelli** are the Florentine words for fouldings)* [6]. 3) *Above, in an acute-angle tympanum, there is a low-relief carving of the cylindrical vessel with a handle – called **staio** or **moggio** used to measure grain, and feed*. Подобного рода языковые единицы выделяются графически и пунктуационно, что акцентирует их иноязычное происхождение и усиливает номинативную функцию в контексте. Они выражают специфическую информацию об описываемых архитектурных объектах, способствуют подробной характеристике деталей.

Особым лексическим пластом в ткани туристического текста выступают имена собственные. Ономастическое пространство туристического дискурса формируется из функционирующих в нем онимов различных типов. Содержание путеводителей предопределяет высокую частотность урбанонимов. Урбанонимическая картина мира отражает своеобразие восприятия и осмысления действительности, проявляет специфические черты ментальности народа [11]. К таковым относятся наименования улиц, площадей, мостов и других городских объектов на итальянском языке с графическим оформлением курсивом

или жирным шрифтом: 1) *Now we have reached **Piazza della Signoria**, that offers a wealth of fine monuments* [6]. 2) *Across the street is the **Palazzo Panciatichi**, (seat of the Tuscan Regional Council)* [6]. В некоторых случаях англоязычный вариант дублирует оригинальное название объекта: 1) *Above the fourteen tabernacles with the statues of the protector saints are medallions of the insignias or thirteen guilds and the **Tribunale di Mercatanzia** (The Merchant's Court)* [6]. 2) *The palazzo of the same name houses the **Museo della Casa Fiorentina Antica** (Museum of the Antique Florentine Home)* [6]. В данных контекстах автор отдает приоритет итальянскому наименованию; оно является первичным, о чем свидетельствует его графическое выделение, английский эквивалент при этом следует в скобках как вторичный. Итальянские лексемы *piazza*, *palazzo*, *galleria*, *museo*, *ponte*, *via*, *mercato*, *casa*, *loggia*, *porta*, *archivio* и др. в наименованиях типа *Ponte Vecchio*, *Piazza Santa Felicita*, *Palazzo Antinori*, *Casa dei Monellini*, *Loggia del Grano*, *Porta della Mandorla*, *Via dei Lamberti*, *Accademia di Belle Arti* подчеркивают уникальность объектов, их историчность, связь с национальной культурой. Именно оригинальное название в сочетании и сопроводительными иллюстрациями формируют ассоциации с конкретным городским объектом или местом в сознании реципиента туристического текста.

Имена итальянских правителей, архитекторов, ученых, поэтов и др., функционирующие в дискурсе, выступают маркерами как национальной, так и общечеловеческой культуры, важными с точки зрения межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Прецедентные антропонимы служат источником дополнительных концептуальных знаний, развивают имеющийся когнитивный потенциал [12]. В исследуемом тексте зафиксировано использование, например, таких антропонимов, как *Dante Alighieri*, *Leon Battista Alberti*, *Leonardo da Vinci*, *Michelangelo*, *Niccolò Machiavelli*, *Francesco da San Gallo*, *Benvenuto Cellini*, *Baccio Bandinelli*, *Vincenzo Danti*, *Bartolomeo Ammannati*, *Giambologna*, *Cosimo I de' Medici*, *Francesco I de' Medici* и др. Антропонимы находятся в сильной позиции в контекстах, повествующих об исторически и культурно значимых фак-

тах, событиях, сопутствующих обстоятельствах: 1) *On this street that goes slightly uphill, in the lobby of number 2, there is an epigraph commemorating the fact that **Leonardo da Vinci** once lived on the site, in an old building that belonged to the Merchant's Guild* [6]. 2) *Work on the complex was carried on by **Giulio Parigi** in 1620 and twenty years later by his son, **Alfonso** who completed the palace by extending the façade so that it looked the way we see it today* [6]. Имена собственные, связанные с личностями, получившими широкую известность, отражают жизненный опыт национального и глобального сообществ. Они сопряжены с реалиями, относящимися к национальной культуре и мировому наследию, что существенно для содержательной стороны текстов туристической сферы.

В туристическом дискурсе также фиксируются иноязычные включения на уровне предложений. К таковым, например, относятся надписи на архитектурных объектах. В тексте путеводителя они представлены прописными буквами, за ними следует английский перевод: 1) *DOPO QUATTRO SECOLI FU COLLOCATA QUESTA MEMORIA. This memorial was placed after four centuries* [6]. 2) *IL 4 NOVEMBRE 1966 L'ACQUA D'ARNO ARRIVO' A QUESTA ALTEZZA. On 4 November 1966 the waters of the Arno reached this height* [6]. Надписи, связанные с историческими фактами, флорентийскими реалиями, дают представление об атмосфере города, обогащают культурный фон текста.

Особым типом италоязычных включений является приведение цитат. Цитата характеризуется семантической емкостью и экспрессивностью. Обращение к цитатам на языке первоисточника придают тексту такую характеристику, как документальность. Например, в одном из контекстов представлены слова Микеланджело, которые он произнес, увидев статую Святого Марка: *Se tale era la sembianza del Santo da vivo, gli si poteva credere a tutto ciò che aveva scritto, tanto mostra aria da galantuomo!* [6]. В книге приведен перевод на английский язык: *If that was how the Saint looked when he was alive, one could believe everything he wrote, he seems like such a fine man!* [6]. В качестве цитаты на итальянском языке также приведены слова Карла V о красоте колокольни Джотто: *E' degno di es-*

sere coperto e mostrato di rado. Оригинальная фраза сопровождается англоязычным переводом: *It should be covered and only shown on special occasions* [6]. Прием цитации подчеркивает достоверность информации, апеллируя к авторитетности цитируемых личностей, а также выполняет оценочную и экспрессивную функции.

Таким образом, иноязычные вкрапления (в данном случае итальянские) выполняют в англоязычном туристическом дискурсе текстообразующие функции и обусловлены прагматически. Они используются для подкрепления и обогащения смыслового плана текста. К подобным включениям относятся архитектурные термины, урбанонимы, наименования уникальных объектов, антропонимы, надписи на архитектурных памятниках, цитаты и др. С одной стороны, их функционирование в тексте обеспечивает информативность, достоверность, точность. С другой стороны, их использование имеет стилистические функции, поскольку включения на иностранном языке придают тексту аутентичность, аттрактивность, экспрессию, образность. Наличие иноязычных лексем в англоязычном туристическом дискурсе повышает его познавательную эффективность как в языковом, так и в энциклопедическом плане. С лингвокультурологической точки зрения, вкрапления выполняют функцию отсылок к прецедентным феноменам. Возможные сложности восприятия итальянских вкраплений читателем снимаются благодаря пояснениям и комментариям автора и представленному переводу.

Список литературы

1. Кириллова Ю.Н. Специфика функционирования метафоры в туристическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022; 1 (164): 265–270.
2. Хомутова Т.Н., Денисенко М.Г. Туристический дискурс: интегральный подход. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2021; 18 (4): 81–84.
3. Семушина Е.Ю., Дзивицкая М.В. Стилистические особенности репрезентации категории аттрактивности в туристическом дискурсе (на материале английского, русского и итальянского языков). *Казанская наука*. 2024; 4: 409–411.
4. Инь Ц. Структура описания достопримечательностей в русско- и китайскоязычном туристическом дискурсе (на примере описания Великой Китайской стены).

Вестник Челябинского государственного университета. 2021; 9 (455). Филологические науки. Вып. 126: 200–205.

5. Оломская Н.Н., Бажан А.С. Искусствоведческий дискурс: специфика и классификация. *Казанский лингвистический журнал.* 2022; 5 (3): 346–359.

6. Artusi L. *Experience Florence. A unique tour of the city's art, history and anecdotes.* Florence: Comune di Firenze, Assessorato al Turismo; 2007.

7. Жеребило Т.В. *Словарь лингвистических терминов.* Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим»; 2010.

8. Голубкова Е.Е., Канашина С.В. Романские вкрапления в дискурсивном пространстве интернет-мемов. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.* 2022; 13 (868): 24–28.

9. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в текстах художественного стиля А.А. Ахматовой. *Известия Воронежского государственного педагогического университета.* 2022; 1 (294): 195–199.

10. Абрамова Е.И. Иноязычные вкрапления и экзотическая лексика в текстах туристических сайтов: форма и функционирование. *Современные лингвистические и методико-дидактические исследования.* 2020; 2 (46): 148–159.

11. Дорофеев М.Л. Урбанонимы Беларуси и Франции, отражающие физико-географические особенности местности. *Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина.* 2024; 1 (63): 143–148.

12. Золотарев М.В., Привалова И.В. Развитие когнитивного потенциала прецедентного антропонима. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.* 2020; 19 (2): 159–170.

References

1. Kirillova Yu.N. Specifics of the functioning of the metaphor in the texts of the tourist advertisement (based on the German and Russian languages). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University.* 2022; 1 (164): 265–270. (In Russ.)

2. Khomutova T.N., Denisenko M.G. Tourism Discourse: an Integral Approach. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2021; 18 (4): 81–84. (in Russ.)

3. Semushina E.Y., Dzivitskaa M.V. Stylistic peculiarities of representation of the category of attractiveness in the tourist discourse (based on English, Russian and Italian). *Kazan Science.* 2024; 4: 409–411. (in Russ.)

4. Yin Z. The structure of sights description in the Russian and Chinese discourses (on the example of the description of the Great Wall of China). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2021; 9 (455). *Philology Sciences.* Iss. 126: 200–205. (In Russ.)

5. Olomskaya N.N., Bazhan A.S. Art Criticism Discourse Specificity and Classification. *Kazan Linguistic Journal.* 2022; 5 (3): 346–359. (In Russ.)

6. Artusi L. *Experience Florence. A unique tour of the city's art, history and anecdotes.* Florence: Comune di Firenze, Assessorato al Turismo; 2007.

7. Zherebilo T.V. Dictionary of linguistic terms. 5th edition. Nazran: LLC "Piligrim"; 2010. (In Russ.)

8. Golubkova E.E., Kanashina S.V. Romanic Insertions in English Internet Memes. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities.* 2022; 13 (868): 24–28. (In Russ.)

9. Oleynikova, O.N. Foreign language inclusions in the artistic style texts of A. A. Akhmatova. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University.* 2022; 1 (294): 195–199. (In Russ.)

10. Abramova E.I. Foreign elements and exotic lexis in the tourist website texts: forms and functions. *Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches.* 2020; 2 (46): 148–159. (In Russ.)

11. Darafeyenka M.L. Urbanonyms of Belarus and France, reflecting the physical and geographical features of the areas. *Vestnik of Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin.* 2024; 1 (63): 143–148. (In Russ.)

12. Zolotarev M.V., Privalova I.V. Cognitive potential development of precedent anthroponym. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 2020; 19 (2): 159–170. (In Russ.)

Авторы публикации

Бобырева Наталья Николаевна –
доктор филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: Nathalienb.@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4680-7902>

Authors of the publication

Bobyreva Natalia Nikolaevna –
Doctor of Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: Nathalienb.@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4680-7902>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 07.04.2025
Одобрена после рецензирования: 25.10.2025
Принята к публикации: 27.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 07.04.2025
Approved after peer reviewing: 25.10.2025
Accepted for publication: 27.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК (81'373 + 81'88 + 004.9)

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.83-93>

**НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУР-
НОГО КОНЦЕПТА В НЕЙРОТЕКСТАХ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С
НАРОДНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРОЙ)**

А.А. Долганина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
Dolganinaaa@gmail.com, orcid.org/0000-0003-4059-1063*

Аннотация. Масленица как один из ключевых лингвокультурных концептов является показательным материалом для выявления особенностей концептуализации в текстах, сгенерированных нейросетью (искусственным интеллектом). Цель данного исследования – выявление компонентов лингвокультурного концепта «Масленица» в нейротекстах. Рассматривается культурно-ценностная (идентификация, единение, семья, доброта, прощение), образно-символическая (блины, чучело, народные гуляния, тройка, катания с гор) и когнитивная сферы лингвоконцепта (праздник, веселье, традиция, память, смена сезона и цикличность жизни, ритуал, социальное взаимодействие) в сопоставлении с реализацией концепта в народной речи на материале диалектного корпуса НКРЯ, Томского диалектного корпуса и записях старожилов Западного Забайкалья. Выявляются характерные признаки и интерпретации, отличающиеся от традиционного дискурса праздника, отмечается устойчивость концептуального ядра праздника. В нейротекстах на каждом из уровней структуры концепта наблюдается расширение семантики (блины – символ труда и любви; сжигание чучела – взаимоподдержка) и фактические искажения (блин – <побрякушка-солнце>, чучело – <кукла-матрешка>), возникающие на основе стереотипов большой языковой модели. Сделан вывод о возможности концептуального моделирования на основе нейротекстов как своеобразного среза языковой картины мира, но с учетом искажений требуется усиление критического отношения к любым компонентам текста.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, масленица, праздник, нейротекст, большие языковые модели, искусственный интеллект

Для цитирования: Долганина А.А. Не все коту масленица: репрезентация лингвокультурного концепта в нейротекстах (в сопоставлении с народной речевой культурой). *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 83–93. (In Eng.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.83-93>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.83-93>

REPRESENTATION OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL CONCEPT OF MASLENITSA IN NEUROTTEXTS: A CONTRASTIVE STUDY WITH LANGUAGE IN TRADITIONAL CULTURAL CONTEXTS

A.A. Dolganina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Dolganinaaaa@gmail.com, orcid.org/0000-0003-4059-1063

Abstract. The representation of the linguistic concept of Maslenitsa in AI-generated texts is examined through its value, figurative, and cognitive dimensions. Maslenitsa, as a significant linguistic and cultural construct, serves as an effective instrument for elucidating the characteristics of concept formation in texts produced by neural networks. The objective of this study is to analyze the various components of the linguistic and cultural concept of "Maslenitsa" within neural-generated texts. This article examines the cultural and valued aspects (such as identification, unity, family, kindness), the figurative and symbolic elements (including blins, scarecrows, folk festivals, troikas, and sleigh rides), and the cognitive dimensions (comprising holiday, enjoyment, tradition, memory, seasonal changes, cyclical nature of life and social interactions) associated with the concept. A comparative analysis is conducted between its manifestations in folk speech and the data derived from the Russian National Corpus, the Tomsk dialect corpus, and recordings of Western Transbaikalia. The article further discusses characteristics and interpretations that diverge from conventional understandings of the holiday, while emphasizing the continuity of its core concepts amid the processes of desacralization and derivation of the Maslenitsa tradition. It investigates the semantic expansion surrounding the concept, exemplified by the symbolism attributed to blins as representations of labor and love, as well as the burning of effigies signifying mutual support. The study additionally uncovers significant distortions in the interpretation of traditional symbols, such as the perception of blins as "sun pobryakushka" and scarecrows as "matryoshka," which stem from stereotypes embedded in LLM at various levels of conceptual structure.

Keywords: Linguistic and Cultural Concept; Maslenitsa; Carnival; LLM; Neurotext; AI

For citation: Dolganina A.A. Representation of the Linguistic and Cultural Concept of Maslenitsa in Neurotexts: a Contrastive Study with Language in Traditional Cultural Contexts. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 83–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.83-93>

Введение

Тексты о Масленице значимы для трансляции национальных смыслов, в них выражается один из специфических для русской идентичности лингвокультурных концептов [1, 2]. В системе народного календаря Масленица начинает отмечаться за 56 дней до Пасхи, «древнейший, имеющий языческие корни, истинно народный праздник проводов зимы и встречи весны» [2, с. 229]. Исследования концептуализации действительности как одно из актуальных лингвистических направлений сегодня получает новый поворот: развитие технологий искусственного интеллекта создают иллюзию порождения текста практически

любой тематики и назначения [3]. Нейротексты (тексты, сгенерированные нейросетью) [3, с.117] требуют внимательного изучения с точки зрения концептуального наполнения, поскольку являются отражением коллективного бессознательного, так как создаются на основе Большой языковой модели (БЯМ), но без опоры на внеязыковую действительность.

Цель данного исследования – выявление компонентов лингвокультурного концепта «Масленица» в нейротекстах на фоне традиционных представлений, репрезентированных в народной речевой культуре.

Методология

Методика моделирования концепта опирается на ряд работ [4,5,6,7,8]. Вслед за В.И. Карасиком [4] и З.И. Дербишевой [5] в структуре концепта выделяется культурно-ценностная, образно-символическая и понятийная сферы (слои), при этом «элементы разных слоёв способны перемещаться на разные уровни и пересекаться» [6, с.5]. В качестве материала исследования было сгенерировано 50 нейротекстов (7760 слов) с использованием ChatGPT на базе GPT-4 от OpenAI. Для контрастивного фона привлекались контексты рассказов о Масленице в народно-речевой культуре по материалам диалектного корпуса НКРЯ [9], Томского диалектного корпуса [10], опубликованных записей старожилов Западного Забайкалья [2].

Результаты и обсуждение

1) Культурно-ценностная сфера

«Концепт, являющийся единицей культуры, базируется на ценностной составляющей, наличие которой в значительной мере отличает его от других ментальных единиц, вербализованных посредством языка» [8, с.43]. Ценностная составляющая лингвокультурного концепта, вслед за Г.Г. Слышкиным, рассматривается как тот его компонент, который может быть разделен на два аспекта: актуальность и оценочность [7]. Актуальность масленицы как традиционного праздника в нейротекстах подчеркивается: *«Этот обряд не только*

укрепляет семейные и дружеские связи, но и способствует социальному единению, что особенно актуально в наш век».

В аксиологическом аспекте в нейротекстах имеется прямое указание на ценности, транслируемые праздником: *«Масленица – это и про блины, и про веселье, и про доброту!»*. Среди ценностей эксплицируется значимость семейных традиций: *«вся семья за одним столом, за разговором и смехом!»*. Особое место в ценностной структуре концепта Масленица ожидаемо занимает семантика «прощения», связанная с Прощеным воскресеньем: *«Важным моментом празднования является Прощёное воскресенье»*, *«Вспомним, что этот праздник символизирует прощение и renewal¹»*. В ряде нейротекстов генерируются обыденное понимание прощения, лишённое религиозно-обрядового значения, свойственного традиционному народно-речевому дискурсу: *«Угощайтесь, смейтесь и прощайте друг друга!»*; *«Говорим друг другу добрые слова, обнимаем, да прощаемся с обидами»* (ср. традиционную этикетную формулу: «Бог простит и я прощаю»).

Традиционный масленичный дискурс несет в себе богатство народной речевой культуры, но в нейротекстах она находит весьма скромное отражение. Например, пласт фольклорных текстов не выражен, имеются отдельные отсылки к ним, но они минимальны и стереотипны: *«Широкая Масленица, пришла с блинами...» вот так пели!»*. В нейротекстах не задействован паремиологический фонд языка. Даже при том, что промпт содержит контекстное указание на поговорку (промпт: «Напиши текст от лица кота, ему не все масленица...»), в сгенерированном тексте реализуется прямой смысл образа: *«Мяу! Привет, дорогие люди! Это я, ваш пушистый друг, кот Мурзик. Сегодня я хочу рассказать вам о самой чудесной неделе в году – Масленице!»*. В то же время в записях диалектной речи паремия встречается: *А ведь нарошничать, подра'знить,*

¹ Для сгенерированных текстов характерно появление слов из иностранных языков: renewal - обновление. Это косвенное указание на то, что генерация производится на базе английского языка, либо большие языковые данные, загруженные в алгоритмы нейросети носят смешанный характер.

отошла кому масленица, внима'ня не обраиша'т. (село Майково, Томская область, 1975, Майкова А.П.) [10].

2) Образно-символическая сфера

Образная-символическая сфера масленицы – наиболее яркий и узнаваемый пласт праздника, поэтому моделирование его в нейротекстах в целом релевантно традиционным представлениям. Масленица ассоциируется с блинами, сжиганием чучела, народными гуляниями, катанием на лошадях и с гор.

Блины

«Блины – это не просто блюдо, а символ праздника» – это образ, который есть в каждом из полученных нейротекстов и соединяется с его номинацией и другими знаковыми признаками концепта – катанием на санях, застольем, прощеным воскресеньем, гостями, весельем. В центре образных ассоциаций находится связь блинов и солнца. Солярная символика блинов в некоторых культурологических исследованиях опровергается [2, с. 230], но транслируется как в народно-речевой культуре, так и активно репрезентируется в нейротекстах: *«Их круглая форма и золотистый цвет ассоциируются с солнцем, символизируя тёплые солнечные дни»*. При этом нейросеть генерирует и несуществующие номинации, которые грамматически не согласованы в контексте: *«Это не просто еда, а настоящие побрякушка-солнца, которые приносят счастье!»*.

Блины «в условиях масленицы – это символ единения, объединения всех сидящих за столом (например, русский обычай «пойти к теще на блины») [2, с. 143]. Этот признак присутствует в нейротекстах, любопытно, что с акцентом на совместном приготовлении блинов: *«вы собираетесь за столом с родными и друзьями, делитесь теплом и улыбками, готовите вместе ароматные блины – каждый из которых стал символом труда и любви, вложенных в этот процесс»*. Расширительное значение образа показывает размывание семантики, неточность значений говорит о необходимости критически относиться к любым семантизациям, поскольку они опираются не на внеязыковую действительность

и традиции, а на обобщенную контекстную близость абстрактных понятий: *«Блины символизируют тепло и прощение»*. Таким образом, нейротексты не являются достаточно надежным методическим материалом для образовательных и исследовательских задач, хотя система образов близка к семантике традиционного концепта, она может искажаться.

Чучело

Второй ключевой образ масленицы – ритуальное чучело и его обрядовое сжигание, приуроченное к последнему дню празднований, отражается в ряде нейротекстов (в 16 из 30). Образ чучела также широко представлен лексемой «кукла» (7), он включает материал, из которого он состоит, а также образ включен в сценарий ритуала, часто с указанием на время: *«чучело Масленицы, которое создаётся из соломы и тканей, а затем сжигается»*. В целом описание ритуального сожжения масленичного чучела релевантно его отражению в диалектной народной речевой культуре: *«Ну, это как бы провожают зиму, сжигают вот это всё, что... убирают негатив, встречают весну, радуются. Зима ушла – пришла весна. Ну, такой заряд, такой позитив бывает»* (зап. от Маркеевой Н.В., 1957 г.р.) [2, с.230].

Однако не все описания чучела в нейротекстах органичны и точны с фактической и дискурсивной точки зрения. В тексте, сгенерированном от лица носителя традиционной речевой культуры, наблюдается типичный случай «галлюцинации» системы генерации текста. *«На прощанье зимы, завершаем мы праздник. Бывает, делаем из соломы куклу – матрёшку»*. Традиционное масленичное чучело и матрешка находятся в едином ассоциативном поле культурно-специфических реалий, однако такое сочетание очевидно ошибочно для носителей русской культуры.

Масленичное чучело связано с образами огня, костра, дыма. В нейротекстах встречаются фрагменты, в которых через костер прыгали и водили вокруг него хороводы, что согласуются с реальным масленичным канонам. Эти образы становятся объектами описания, т.е. ритуал в нейротекстах моделирует-

ся зримо: *«огонь – это главный герой сегодняшнего действия. Он не просто уничтожает, он трансформирует. Я чувствую, как пламя приближается, как его языки лижут мои соломенные ноги»*. Для традиционной культуры эти смыслы, как правило, не выражаются вербально, а дым и огонь не интерпретируются как символы самими носителями диалектной культуры: *“Чтобы больше народу приходило. Увидят этот костер, и все на этот костер все идут. Ой, пойдёмте, костер разожгли!»* (зап. от Тихоновой А.Н., 1937 г.р.) [2, с.232].

Народные гуляния

Один из значительных образов праздника наряду с семейным застольем с блинами – народные гуляния, однако представлены они в текстах в осовремененном виде: ярмарка, спортивные игры, танцы и песни. Если в традиционной культуре в основе народных гуляний были катания на тройках, а также лошадям отводилось центральное место: *«Если углубляться в семантику обряда, то в масленичном катании важная роль принадлежала коню»* [2, с.231], это отражается в рассказах о Масленице носителями народной речевой культуры: *«Вот когда масленица – укра'сют всё, кони в лентах, в цветах. Кони краси'вы, все как на подбор»* (с. Парабель, Томская область, 1985) [10].

В нейротекстах образ лошадей в контексте Масленицы изначально не встречается, что обусловлено учетом современных реалий при обучении генеративных нейросетей. Образ лошадей был проявлен только при повторной генерации, когда задавался контекст с примерами (промпт: *«Ты житель русской сибирской деревни расскажи о масленичных обрядах в деревне. Ориентируясь на образцы речи»* – появляется образ тройки (*«А на улицах, как только с среды, так **тройки** появляются. Наряжают лошадей, **девки ленты** повяжут, **бубенцы наколотят**»*). Сравним исходный пример в диалектном дискурсе, на который очевидно ориентировались алгоритмы нейросети: *«Ой, катались, а как же, катались! Эту, тройку-то запрягут. Всю её разукрасят, **девки-то** **молоды**, **всю её разукрасят**. Вся в этих, в **бубенцах**, в **лентах**»* (зап. от Бросевой В.Д., 1930 г.р.) [2, с.232].

3) Когнитивно-понятийная сфера

Среди смысловых интерпретаций ключевой является интерпретация о циклической смене сезона и дихотомии нового и старого: *«Это значит, что мы прощаемся с зимним холодом и встречаем весну»*. Это соответствует семантике народного праздника: «масленичный обрядовый комплекс маркирует переходный период, заканчивающий зиму <...> Масленица завершала зимний свадебный период, <...> предшествовала Великому посту» [2, с.12]. Хотя в нейротекстах не встречается связь со свадебным обрядом, но репрезентирована конечная граница праздника – начало Великого поста, причем как в соответствии с типичными представлениями (*Да уж, мы, пока Масленица, так радость полная, а потом уже пост, всё по-другому*).

Ключевое место в семантике масленицы как праздника выделяется слот «радость». Это согласуется с традиционным весельем «широких» гуляний на масленицу. Е.Л. Тихонова отмечает: «Все народные календарные праздники оптимистичны по своей сути. Но особенно этим оптимизмом заряжена русская Масленица» [2, с. 229], нейротексты реализуют этот компонент концепта. Лейтмотивом рассказов о Масленице в народно-речевой культуре является слово «веселье», например: *«Масленица была раньше весёлый праздник. Собирались на вечёрки, пели, плясали»* (Томская область, 1969, Гладкова Н.) [10]. Примечательно, что лексемы «веселье» и «радость» в нейротекстах образуют плеоназмы (*«объединяют людей в едином веселье, наполняя атмосферу праздника атмосферой радости и гармонии»*).

Понятийное ядро

Понятийное ядро концепта, выраженное в нейротекстах, близко к структуре как концепта «праздник» в целом [1], так и традиционному представлению о Масленице и определяется следующими семантическими полями:

номинация: Масленица (155²), праздник (71), традиция (45), прощенный (16), веселье (27), ритуал (12), обряд (12), ;

еда и атрибуты праздника: блин (118)/блинчик (15), лакомство (8) стол (26), готовить (18) кататься (8), чучело (16), кукла (7);

время: весна (35), зима (31), воскресенье (17), четверг (5), неделя (23);

социальное взаимодействие: собираться (29), семья (24), народный (10), дружба (16).

Соответствие в понятийном ядре традиционному концепту Масленица свидетельствует об экспликации наиболее устойчивой части лингвокультурного концепта.

Вывод. Нейросети генерируют тексты, насыщенные типичными чертами концепта, однако при анализе каждый компонент нейротекста демонстрирует отклонения от реальной традиции. Это проявляется в искажении фактических номинаций и интерпретационных смыслов: расплывчатость семантики, мелкие, но значимые изменения в точности высказываний, а также несоответствия дискурсивной речевой ситуации – все это указывает на имитационный характер текста. Эти особенности могут служить критерием для дифференциации нейротекста от текста или дискурса, созданного человеком. Тем не менее, концепт Масленица в нейротекстах отражается многогранно, моделируется с учетом характерной образности и интерпретации, что отражает основные структурные уровни лингвокультурного концепта и, таким образом, соответствуют его базовой структуре. Нейротексты предлагают своеобразный срез языковой картины мира, что подчеркивает их потенциал в методических и аналитических задачах, но с непременным усилением критического анализа.

Список литературы

1. Леонова А.С. Национально-культурный компонент лингвистического концепта «Праздник». *Вестник БГУ*. 2022; 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnyy-komponent-lingvisticheskogo-kontsepta-prazdnik> [дата обращения: 22.04.2025].
2. Тихонова Е.Л. Масленичный комплекс в русской традиционной культуре старожилов Западного Забайкалья. *Вестник БГУ*. 2014; 10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maslenichnyy-kompleks-v-russkoy-traditsionnoy-kulture-starozhilov-zapadnogo-zabaykalya> [дата обращения: 03.05.2025].

² В скобках указано количество вхождений лексем в корпус нейротекстов.

3. Карпова А.М. Электронный художественный текст как объект лингвистического исследования: проблема определения и типологии. *Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание*. 2025; 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-hudozhestvennyy-tekst-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya-problema-opredeleniya-i-tipologii> [дата обращения: 01.07.2025]
4. Карасик В.И. Культурные концепты: проблема ценностей. *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград, 1996; 3–16.
5. Дербишева З.К. *Основы лингвокогнитивного сравнения языков*. М.: Флинта; 2020.
6. Борисенко Т. В. Организация структуры концептуальной категории // *Казанский лингвистический журнал*. 2022; 5 (4): 523–534. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-strukturny-kontseptualnoy-kategorii> [дата обращения: 01.07.2025]
7. Слышкин Г.Г. *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Волгоград: Перемена; 2004.
8. Яхин М.А., Сакаева Л.Р. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики в трудах отечественных и зарубежных языковедов. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 2(4): 38–47.
9. Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А. и другие. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, 2024; 2: 7–34.
10. Томский диалектный корпус. Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. 2016–2023. URL: <http://losl.tsu.ru/> [дата обращения 20.12.2024].

References

1. Leonova A.S. National-cultural component of the linguistic concept “Holiday”. *Bulletin BSU*. 2022; 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnyy-komponent-lingvisticheskogo-kontsepta-prazdnik> [accessed: 22.04.2025]. (In Russ.)
2. Tikhonova E.L. Shrovetide complex in the Russian traditional culture of the old-timers of the Western Transbaikalia. *Bulletin BSU*. 2014. 10-1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/maslenichnyy-kompleks-v-russkoy-traditsionnoy-kulture-starozhilov-zapadnogo-zabaykalya> [accessed: 03.05.2025]. (In Russ.)
3. Karpova A.M. Electronic literary text as an object of linguistic research: the problem of definition and typology. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*. 2025; 1 (21): 111–121. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-hudozhestvennyy-tekst-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya-problema-opredeleniya-i-tipologii> [accessed: 01.07.2025]
4. Karasik V.I. Kul'turnye kontsepty: problema tsennostey. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty*. Volgograd, 1996: 3-16. (in Russ.)
5. Derbishieva Z.K. *Fundamentals of linguistic and cognitive comparison of languages*. М.: Flinta, 2020. (In Russ.)
6. Borisenko T.V. Organization of the conceptual category structure. *Kazan linguistic journal*. 2022; 5 (4):523–534. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-strukturny-kontseptualnoy-kategorii> [accessed: 01.07.2025].(In Russ.)
7. Slyushkin G.G. *Linguistic and cultural concepts and meta-concepts*. Volgograd: Peremena, 2004. (In Russ.)
8. Yahin M.A., Sakaeva L.R.. Concept as a basic feature of cognitive linguistics in the works of domestic and foreign linguists. *Kazan linguistic journal*. 2019; 2 (4): 38–47.
9. Savchuk S.O., Arkhangel'skiy T.A., Bonch-Osmolovskaya A.A., Donina O.V. and others. Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy yazykovedeniya*. 2024; 2: 7–34. (In Russ.)
10. Tomsk dialect corpus. TSU Laboratory of General and Siberian Lexicography..2016–2023. Available from: <http://losl.tsu.ru/> [accessed 20.12.2024].

Авторы публикации

Долганина Анна Алексеевна –
Доцент
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия
Email: dolganinaaaa@gmail.com

Authors of the publication

Dolganina Anna Alekseevna –
Associate Professor
National Research
Tomsk State University
Tomsk, Russia
Email: dolganinaaaa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4059-1063>

<https://orcid.org/0000-0003-4059-1063>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26.06.2025

Одобрена после рецензирования: 25.11.2025

Принята к публикации: 27.12.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 26.06.2025

Approved after peer reviewing: 25.11.2025

Accepted for publication: 27.12.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'33

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.94-105>

**ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ КРИТЕРИЯ «КАЧЕСТВО» В
АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ОЦЕНКИ**

Л.Э. Мамедова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
lmemc@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6809-7819>

Аннотация. Данное исследование посвящено рассмотрению процесса вербальной интенсификации оценки при терминологизации одного из ключевых критериев аксиологического пространства – «качество» в академическом институциональном дискурсе. В ней рассматриваются основные жанры, используемые в научной коммуникации, такие как отзывы на диссертации и научные рецензии, акцентирующие внимание на их роли в оценке научных работ. В статье обсуждаются как индивидуальные, так и институциональные аспекты, связанные с оценкой научных исследований. На основе анализа микроконтекстов различных документов, нацеленных на конвенционализацию объективной оценки, определяется прагматический потенциал терминологизации в процессе создания единых критериев и скалярной стандартизации в академическом дискурсе оценки деятельности ученого. Эмпирическим материалом послужили три оценивающих документа, используемые для экспертной оценки качества научных исследований, а именно: отзыв научного руководителя на диссертацию и рецензия на магистерскую диссертацию на русском и обзор на статью на английском языке. Автор приходит к выводу об облигаторности семантико-интенсифицируемой привязки эвалюативных и эстимативных элементов и дополнительной конвенционализации эпизодико-субъективных компонентов оценки качества на аргументативных основаниях в рамках создания четкой системы определений, индикаторов и метрик, отражающих многоуровневое поле качества в различных академических текстах оценки. Результаты работы подчеркивают важность внедрения стандартных критериев качества, что может улучшить общие показатели научной работы.

Ключевые слова: качество; оценка; объективность; институциональность; академический дискурс; терминологизация; критерий; стандартизация; отзывы; рецензия

Для цитирования: Мамедова Л.Э. Терминологизация критерия «качество» в академическом дискурсе оценки. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 94–105. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.94-105>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.94-105>

**TERMINOLOGIZATION OF THE CRITERION OF «QUALITY» IN THE
ACADEMIC DISCOURSE OF ASSESSMENT**

L.E. Mamedova

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
lmemc@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6809-7819>

Abstract. This study focuses on the process of verbal intensification of evaluation in the terminologization of one of the key criteria of the axiological space – “quality” – in academic insti-

tutional discourse. The article discusses both individual and institutional aspects related to the evaluation of scientific research. Based on the analysis of micro-contexts of various documents aimed at the conventionalization of objective evaluation, the pragmatic potential of terminologization is determined in the process of creating unified criteria and scalar standardization in the academic discourse of assessing the scientist's activity. The empirical material was provided by three evaluation documents used for expert assessment of the quality of scientific research, namely: the review of the thesis and the review of the master's thesis in Russian and the review of the article in English. The author concludes that the obligatory semantic-intensified binding of evaluative and estimative elements and the additional conventionalization of episodic-subjective components of quality assessment on the basis of argumentation are necessary in order to create a clear system of definitions, indicators, and metrics that reflect the multilevel field of quality in various academic assessment texts. The results of the work emphasize the importance of implementing standard quality criteria, which can improve the overall performance of scientific work.

Key words: quality; evaluation; objectivity; institutionality; academic discourse; terminologization; criterion; standardization; review; review

For citation: Mamedova L.E. Terminologization of the Criterion of «Quality» in the Academic Discourse of Assessment. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 94–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.94-105>

Введение

Академический дискурс представляет собой специфическую область научной коммуникации по передаче и распространении знаний. Дискурс оценки играет ключевую роль в формировании и стандартизации академических практик. В.И. Карасик разделяет дискурсивные практики на институциональные и персональные. Институциональный дискурс характеризуется клишированностью и структурированностью высказываний, формируемых «в соответствии с нормами данного социума» [1, с. 318].

В академическом дискурсе реализуются специфические функции. Одной из главных является оценочно-критическая, которая репрезентирована в отзывах о диссертации, так как им присуща как институциональная направленность, так и индивидуальные элементы, что является характерным для имплементации субъективной оценки в конвенционализированное поле [2, с. 263]. Этот жанр иллюстрирует отношение автора к исследовательской работе. Другим жанром в описываемой области является научная рецензия, целевая направленность которой концентрируется на критическом анализе и оценке рецензируемого труда, в информировании о его содержании.

Трансляция и интимизация оценочных компонентов в институциональном дискурсе в рамках контаминированных аргументативных стратегий осуществляется в синергетическом взаимодействии информационных информем, которые несут в себе эвалюативные элементы общеразделенной значимости, и конситуативных прагмем, направленных на прагматизацию эстимативных элементов оценки [4, с. 105]. Для прескрипции, информирования, осведомления используется первая группа формантов, для воздействия и регуляции поведения реципиента фокус концентрируется на второй [3, с. 231].

Текст академической оценки представляет собой сложный перформатив, что позволяет выявить наиболее распространенные типы речевых актов. С перформативом «оценивание» можно столкнуться в большинстве рецензий, путем поиска высказываний, содержащих прямую или косвенную форму постулирования или даже гипостазирования аксиологического компонента. В их роли выступают конструкции, которые эксплицируют или имплементируют оценочные суждения [5, с. 33]. Речевой акт «выражение мнения» имеет много общего с «оцениванием», однако носит более субъективный характер благодаря употреблению метатекстовых средств [там же].

Критерий «качества» можно считать центральным элементом дискурса оценки как образовательной, так и научной сфер деятельности. Актуализация эстимативных или эвалюативных элементов в метаконцептуальном пространстве качества того или иного произведения обеспечивается не только семантическим конвенционализированными формами, которые закрепляются и транслируются при каждом акте оценивания, но и эпизодическими ситуативными и субъективными критериальными признаками [6], которые должны быть аргументативно представлены в рассматриваемом типе дискурса. В виду того, что понятие «качество» не является статичным, оно требует тщательной терминологизации и уточнения пресуппозиций. Терминологизация этого критерия является процессом стандартизации и институционализации, формируя иерархи-

ческую систему дефиниций, дескрипторов, индикаторов и метрик, адекватно отражающих поле качества в различных академических контекстах.

Материалы и методы

В качестве эмпирического материала рассматриваются три документа, использующиеся для экспертной оценки качества научных исследований, а именно: отзыв научного руководителя на диссертацию, обзор научной статьи и рецензия на магистерскую диссертацию. Главным методом выступает структурный и прагмааксиологический анализ вербализаторов оценки и их соответствия конвенционализированным структурам и градуализации эстимативных и эвалюативных компонентов.

Результаты и дискуссия

Остановимся на одном из наиболее распространенных и репрезентативных жанров оценочного академического дискурса – «отзыв». Аксиогенные компоненты представляют собой область структуризации дискурсивного пространства описания. Отзыв композиторно и топикально представляет собой вторичный жанр, основанный на оригинальном научном труде текстом. Структура оценки, согласно многочисленным исследованиям, содержит три обязательных маркера: субъект оценки, объект оценки и оценочный предикат [7, с. 12-13]. Моно- или полиадресантность авторства эвалюативного текста в данном случае не играет роли, однако, степень эстимативных компонентов, нуждающихся в последующей конвенционализации обратно пропорциональна росту числа авторов отзыва. Следует отдельно выделить автоэстиматизацию, при которой наибольшую значимость приобретает гетероэстиматизация и эвалюативность, где субъектом оценки чаще всего выступают рецензент, оппонент или руководитель [8, с. 122]. Объект структурирования аксиосферы – первичный текст, не просто транслирующий результаты, но и предоставляющий общие тактико-топикальные векторы оценки. Категория оценки как результат оценочной деятельности лежит в основе отзыва, демонстрируя отношение продуцента к определенному информационному объекту.

Отзыв демонстрирует как объективность, так и формирует общее впечатление о научной зрелости соискателя, подтверждает то, что исследование выполнено на должном уровне, решает заявленные цели и соответствует специальности. Ведущая цель – фиксация компетенций самостоятельного проведения научного анализа, аргументации. Информационная, аналитическая и коммуникативная задачи доминируют: сведения о новых исследованиях, оценочный анализ, создание коммуникативного пространства [9, с. 76].

С одной стороны, отзыв оценивает качество диссертации, с другой – выполняет роль официального допуска к защите. Составитель отзыва, подписывая документ, подтверждает научную состоятельность автора и берёт на себя часть эпистемической ответственности за достоверность данных.

Отзыв подчеркивает актуальность исследования, научный руководитель указывает на важность избранной темы:

Подготовленное к защите ..., представляет законченную научную работу, посвященную ... Актуальность указанных проблем обусловлена необходимостью государственного регулирования процессов формирования рабочей силы определенного качества ... [10].

Отзыв имеет логичную и четко выраженную структуру. Вначале дается тема и актуальность работы, а завершается отзыв заключением о соответствии требованиям к кандидатским диссертациям (см. документ).

За период подготовки диссертации ... зарекомендовала себя исследователем с высоким уровнем самоорганизации, способной самостоятельно определять нерешенные научные проблемы, формулировать цели, ставить задачи и успешно их реализовывать ... [10].

Отмечается высокий уровень способностей автора, что подчеркивает профессионализм и дает положительный фон для дальнейшей оценки работы. Создание общего пространства оценки как маркируемой положительной области конкретного научного руда в рамках личностной оценки метонимизируемо-

го автора происходит при интенциональной интенсификации эпизодической области оценивания на основании эмпирической верификации [11].

Акцентируется внимание на методах исследования, что свидетельствует о высоком уровне методологической проработки диссертации:

...соискателем был выбран процессный подход, который обусловил представление качества рабочей силы ... [10].

Следует также отметить, что при написании отзыва употребляется научная терминология, выражающая оценку и клишированные выражения:

*1. В соответствии с разработанным алгоритмом осуществлена **аналитическая оценка достигнутого уровня** качества рабочей силы <...> результаты позволили выявить **значительную дифференциацию** исследуемых показателей...*

*2. ...выводы и рекомендации подкреплены большим объемом **эмпирического материала**, представляющего **основу развернутой аналитической оценки** качества рабочей силы на уровне субъекта Российской Федерации [10].*

Рассмотрим и заключительный отрывок: *Таким образом, диссертация представляет собой законченную научно-квалификационную работу, которая соответствует требованиям... Личные качества соискателя, его компетенции в предметной области, а также полученные результаты исследования являются основанием... достойной присуждения ученой степени кандидата экономических наук по специальности... [10].*

Отзыв завершается рекомендацией о присуждении ученой степени, что говорит о высоком уровне удовлетворенности рецензента работой, что может также сказаться на итоговом решении аттестационной комиссии.

Отзыв на диссертацию можно считать высококачественным, содержащим все ключевые элементы, релевантные для адекватной оценки работы.

Оценить качественность отзыва на диссертацию можно по ряду критериев:

- 1) четко выраженная структура;
- 2) фиксация актуальности темы исследования, ее значимости;

- 3) информация о методах, указание конкретных результатов, на основе систематического подхода;
- 4) ссылки на эмпирические данные и примеры из практики, что придает дополнительную убедительность выводам и рекомендациям;
- 5) академический язык, используемая лексика и шаблоны обеспечивают ясность изложения, элиминация эмоциональной окраски;
- 6) формулировка итоговых рекомендаций.

Таким образом, отзыв является не формальностью, а становится частью системы академического контроля и репутационной ответственности научного руководителя. Жанр отзыва с учетом наличия всех вышеупомянутых критериев, а именно: структура и логика, актуальность, описание методов и результатов, подтверждение выводов, язык и стиль, объективность и заключение представляет собой классический формат конвергенции эвалюативных и эстимативных компонентов. Одним из наиболее действенных приемов эстиматизации является прогнозируемая прямая экспликация конкретных аспектов [12], которые конвенционализированы в качестве обязательных критериальных показателей.

Основная цель «научной рецензии» заключается в оценке соответствия требованиям, установленным как конкретным источником, так и общим стандартом, предъявляемым к научным публикациям [1, с. 125].

В рецензии на магистерскую диссертацию составитель обосновывает актуальность темы, что показывает, что работа находится в контексте актуальных научных дебатов: *С момента принятия ... не прекращаются дискуссии относительно целесообразности закрепления в тексте УПК РФ института особого порядка судебного разбирательства* [13].

Рецензия четко структурирована, выделяются такие аспекты, как объект, предмет и цели исследования: *... четко определен объект, предмет и цели исследования, изучен большой объем юридической литературы...* [13].

Упоминание о научной новизне подчеркивает ценность работы для образовательного процесса: *В работе ... имеется элемент научной новизны, определяющий необходимость дальнейших теоретических изысканий ...* [13].

Рецензия также указывает и на дискуссионные моменты, например, в следующем отрывке: *...необходимо выделить следующие замечания: 1. Дополнительного пояснения требует вопрос о необходимости в ч. 4 ст. 316 УПК РФ закрепления обязанности разъяснять ... 2. Достаточно спорной представляется позиция автора о том, что в результате применения рассматриваемой процедуры несовершеннолетние ...* [13].

Базовым приемом терминологизации оценочных качественных характеристик является переход обыденной метаязыковой оценки в область эвалюативности. Так, лексема *достоинства* приобретает реминисцентный статус общего перечня критериальных признаков, которым должна соответствовать научная работа. Возможен также «переход терминов из одной предметной области в другую, в рамках чего они приобретают дополнительные компоненты значения, в границах конкретных профессиональных сфер» [14, с. 125].

Заключение рецензента акцентирует внимание на самостоятельности исследования и его значимости: *... является самостоятельным исследованием, имеет теоретическую и практическую значимость, соответствует требованиям ФГОС ВО, а ее автор ... – заслуживает присвоения степени “магистр”* [13].

Рецензию можно считать качественной в структурном аспекте. Терминологизация критерия «качество» прослеживается в использовании терминов и выражений, помогающих обозначить параметры оценки диссертации: *«актуальность темы исследования», «научная новизна», «апробация результатов исследования», «спорные позиции автора»* и др.

Рецензия представляет собой детальную письменную оценку конкретного исследования, автором которой выступает квалифицированный специалист, обладающий релевантными знаниями для проведения профессиональной оценки.

Особые конститутивные признаки концепта «рецензия» заключаются в сочетании фактуального описания объекта и его оценочной характеристики [1, с. 128].

Обзор постулирует логичную структуру статьи: введение в топикальное пространство, обзор методов и экзemplификация, но композиторика могла быть улучшена за счет структуризации для облегчения навигации по тексту.

Что касается ясности изложения, то для читателей, не знакомых с концепцией, некоторые моменты могут показаться неясными, например: *Coca-Cola manipulates Coca-Cola that have dominated the market for years (Oldford)* [15] – повторяющаяся фраза выглядит как ошибка, однако, это дополнительно подкрепляет проблематизацию объекта в коммуникативной фиксации.

Для аргументации автор ссылается на известные компании, но конкретные примеры манипулятивных стратегий не дает. Для повышения научной верификации автор обзора дает рекомендации по улучшению ясности изложения, структуры и экзemplификации. Терминологизация критерия «качество» в presupпозиции раскрывается экономическими терминами «manipulation», «ethical marketing», «targeted targeting», «omnipresence» и др. Использование терминов и понятий помогает лучше понять, как оценивать данную область. Терминологизация «качества» помогает установить стандарты и критерии, формирующие объективную оценку как для продуцентов, так и для реципиентов.

Заключение

В контексте академического дискурса оценки терминологизация критерия «качество» позволяет зафиксировать значимость данного процесса для научной коммуникации. Академический дискурс выполняет ключевую роль в стандартизации и институциональном закреплении оценочных практик, что обеспечивает прозрачность и объективность в научной среде.

Полижанровость академического дискурса оценки служит в качестве расширения области варьирования эстимативных и эвалюативных компонентов. Терминологизация критерия «качество» включает в себя внедрение системы определений, индикаторов и метрик, способных отражать многоуровневое поле

качества в различных академических текстах, что способствует не только лучшему пониманию критериев оценки, но и формированию общих стандартов. Кроме того, следует отметить необходимость именно вербальной терминологической семантико-интенсифицируемой привязки эвалюативных и эстимативных элементов, а также дополнительной конвенционализации эпизодическо-субъективных компонентов оценки качества на аргументативных основаниях. —

Список литературы

1. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис; 2004.
2. Петренко Ю. А. Отзыв как жанр академического дискурса и его основные характеристики (на примере отзывов на диссертации и авторефераты диссертаций). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020; 13 (1–1): 262–267.
3. Николаев А.М. Научная рецензия как специфический жанр научного дискурса. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2014; 3: 228–235.
4. Киселева Л.А. *Вопросы теории речевого воздействия*. Л.: ЛГУ, 1978.
5. Синдеева Т.И. *Некоторые особенности композиционно-речевой организации жанра «научная рецензия»*. *Функциональные стили и преподавание иностранных языков*. М.: Наука; 1982. С. 27–42.
6. Бредихин С.Н., Махова И.Н. Имплементация эпизодических компонентов в содержательное пространство метаконцептов. *Научная мысль Кавказа*. 2022; 3(111): 138–143.
7. Вольф Е. М. *Функциональная семантика оценки*. М.: Наука; 1985.
8. Хуыз И.П., Петренко Ю.А. Дискурсивные категории оценки и диалогичности в академическом дискурсе. *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. 2021; 3 (112): 120–129.
9. Арутюнова Н.Д. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука; 1988.
10. Отзыв научного руководителя на диссертацию Суворовой Екатерины Юрьевны на тему: «Совершенствование оценки качества рабочей силы на уровне субъекта Российской Федерации», представленную на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (экономика труда). URL: <https://vcot.info/uploads/dissovet/dissertations/20210528112319/60df03602a9f1715422281.pdf> [дата обращения: 24.11.2025].
11. Бредихина Ю.И. Контаминационные механизмы формирования общего иллюкативного пространства. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023; 3: 18–28.
12. Bredikhin S.N., Serebryakov A.A. The explicitness of the deep structure of meaning in prognostic strategies. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2019; 58: 2549–2557. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.294>.
13. Рецензия на магистерскую диссертация студента 3 курса заочной формы обучения Сметанникова Артема Геннадьевича на тему «Особые порядки судебного разбирательства по уголовно процессуальному кодексу Российской Федерации». URL: https://spbu.ru/sites/default/files/rec_smetannikov_pristanskov.pdf [дата обращения: 25.11.2025].
14. Сакаева Л.Р., Базарова Л.В., Тахтарова С.С. Особенности метафорических терминов сферы нозологии в современном английском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2025; 8 (1): 123–132.

15. Marketing means manipulating customers into purchasing something they do not need. URL: <https://essayshark.com/blog/how-to-write-an-article-review/#toc-heading-0> [дата обращения: 25.11.2025].

References

1. Karasik V.I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow: Gnozis; 2004. (In Russ.)
2. Petrenko Yu. A. Review as a Genre of Academic Discourse and its Main Characteristics (Based on Reviews of Dissertations and Abstracts of Dissertations). *Philological Sciences. Theory and Practice*. 2020; 13 (1–1): 262–267. (In Russ.)
3. Nikolaev A.M. Scientific Review as a Specific Genre of Scientific Discourse. *Izvestiya TULSU. Humanities*. 2014; 3: 228–235. (In Russ.)
4. Kiseleva L.A. *Issues in the Theory of Speech Influence*. Leningrad: Leningrad State University; 1978. (In Russ.)
5. Sindeeva T.I. *Some Features of the Composition and Speech Organization of the Genre "Scientific Review". Functional Styles and Teaching of Foreign Languages*. Moscow: Nauka. 1982; 27–42. (In Russ.)
6. Bredikhin S.N., Makhova I.N. Episodic components implementation into the meta-concept content space. *Scientific Thought of Caucasus*. 2022; 3(111): 138–143. (In Russ.)
7. Wolf E.M. *Functional Semantics of Evaluation*. Moscow: Nauka; 1985. (In Russ.)
8. Khutyz I.P., Petrenko Yu.A. Discursive Categories of Evaluation and Dialogicity in Academic Discourse. *Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2021; 3 (112): 120–129. (In Russ.)
9. Arutyunova N.D. *Types of Language Meanings. Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka; 1988. (In Russ.)
10. Review of the scientific supervisor on the dissertation thesis of Ekaterina Yurievna Suvorova on the topic: "Improving the Assessment of Labor Quality at the Level of a Subject of the Russian Federation", submitted for the degree of Candidate of Economic Sciences in the specialty 08.00.05 – Economics and Management of the National Economy (Labor Economics). Available from: <https://vcot.info/uploads/dissovet/dissertations/20210528112319/60df03602a9f1715422281.pdf> [accessed 24.11.2025]. (In Russ.)
11. Bredikhina Yu. I. Contamination Mechanisms of a Common Illocutionary Space Forming. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2023; 3: 18–28. (In Russ.)
12. Bredikhin S.N., Serebryakov A.A. The explicitness of the deep structure of meaning in prognostic strategies. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2019; 58: 2549–2557. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.02.294>. (In Eng.)
13. Review of the master's thesis by Artem Gennadiyevich Smetannikov, a 3rd-year part-time student, on the topic "Special Procedures for Trial under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation." Available from: https://spbu.ru/sites/default/files/rec_smetannikov_pristanskov.pdf [accessed 25.11.2025]. (In Russ.)
14. Sakaeva L.R., Bazarova L.V., Tahtarova S.S. Metaphorical Terms in English in the Language of Nosology. *Kazan Linguistic Journal*. 2025; 8(1): 123–132. (In Russ.)
15. Marketing means manipulating customers into purchasing something they do not need. Available from: <https://essayshark.com/blog/how-to-write-an-article-review/#toc-heading-0> [accessed 25.11.2025]. (In Eng.)

Автор публикации

Мамедова Лейла Эльшадовна –
Ассистент департамента лингвистики
Северо-Кавказский федеральный университет

Author of the publication

Mamedova Leyla Elshadovna –
Assistant of the Department of Linguistics
North-Caucasus Federal University

Ставрополь, Россия
Email: lmemc@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0005-6809-7819>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Одобрена после рецензирования: 25.02.2026

Принята к публикации: 01.03.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Stavropol, Russia
Email: lmemc@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0005-6809-7819>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.02.2026

Approved after peer reviewing: 25.02.2026

Accepted for publication: 01.03.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'37

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.106-115>

**НОЗОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ: МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ И
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

Л.Р. Сакаева¹, Л.В. Базарова²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан,
Россия*

¹liliyasakaeva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3867-1489>

²bazarova_lv@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>

Аннотация. В статье проанализированы структурные и семантические особенности нозологических терминов в английском и русском языках. Охарактеризованы модели построения терминологических единиц, определены типы патологических болезненных состояний человека, для которых применяются нозологические термины. В результате исследования выявлены общие черты и закономерности в формировании нозологических терминов как в английском, так и в русском языках: наблюдается доминирование терминов-словосочетаний, а также двухкомпонентных терминов-словосочетаний. Структурные различия между нозологическими терминами в английском и русском языках заключаются в том, что для английских терминов характерно использование сочетания двух существительных, тогда как для русских – преобладание комбинации прилагательного и существительного, что объясняется грамматическими особенностями этих языков. В ходе исследования семантики нозологических терминов в английском и русском языках было обнаружено сходство в закономерностях, отражающих их значение. Основное внимание уделяется номинациям заболеваний и синдромов, а также сравнению неметафорических терминов с метафорическими.

Ключевые слова: термин; нозология; нозологический термин; терминосистема; номинация заболеваний и синдромов; структура; семантика нозологического термина

Для цитирования: Сакаева Л.Р., Базарова Л.В. Нозологические термины: механизмы создания и семантические особенности. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 106–115. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.106-115>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.106-115>

**NOSOLOGICAL TERMS : FORMATION MECHANISMS AND SEMANTIC
FEATURES**

L.R. Sakaeva¹, L.V. Bazarova²

Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹liliyasakaeva@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3867-1489>

²bazarova_lv@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>

Abstract. The article analyzes structural and semantic features of nosological terms in English and Russian. The models for constructing terminological units are characterized and the types of pathological conditions in humans for which nosological terms are used are identified. The study revealed similarities and patterns in the construction of nosological terms in English and Russian: a predominance of phrase terms and of two-component phrase terms. The structural difference between nosological terms in English and Russian is that English terms typically combine two nouns,

while Russian terms combine an adjective and a noun, which is related to the grammatical norms of the languages. The analysis of the semantics of nosological terms in English and Russian revealed similarities in the patterns of meaning they express: disease and syndrome nominations play a key role non-metaphorical terms versus metaphorical ones.

Keywords: term; nosology; nosological term; terminology system; structural; semantic features of nosological terms

For citation: Sakaeva L.R., Bazarova L.V. Nosological Terms: Formation Mechanisms and Semantic Features. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 106–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.106-115>

Нозологические термины представляют собой терминосистему в составе медицинской терминологии, в рамках которой они объединяются по объекту номинации – болезни, синдрому, патологическому состоянию.

Термин как единица языка напрямую связан с номинацией феноменов, объектов, процессов, связанных с конкретной предметной областью [1], что делает термины элементами научной картины мира в целом и структурно-семантической системы терминов конкретной предметной области [2]. С точки зрения А.Н. Баранова, важность изучения терминов в рамках современной лингвистики выражается в наличии разных подходов к изучению этого феномена. Нет какого-либо единого принципа трактования феномена термина в лингвистических исследованиях [3].

Сегодня для изучения терминов актуален и вопрос повышения количества терминов-словосочетаний, которые применяются для того, чтобы выразить смысловые оттенки в структуре профессиональной терминологии, уточнить смысловое наполнение отдельных терминологических единиц. При этом термины-словосочетания направлены именно на дифференциацию понятий в рамках более узкой предметной области [4].

В лингвистике и профессиональной коммуникации предъявляются требования к форме термина, что выражается в том, что терминологическая единица должна соответствовать грамматическим и лексическим нормам языка. У терминов также должен присутствовать словообразовательный потенциал для дальнейшего расширения терминологического аппарата конкретной предметной области. Термины также должны отличаться мотивированностью [5].

Прагматические требования к терминам подразумевают, что терминологические единицы должны быть принятыми и употребляемыми в рамках конкретной отрасли знания, что обеспечивает качество коммуникации и корректность передачи смысла за счет использования терминологических единиц [6].

Кроме того, термины отличаются спецификой семантического наполнения и лингвистики. Семантические границы терминологических единиц не должны быть расплывчатыми, для них важна точность в передаваемом значении [4].

Следование и соблюдение признаков и свойств терминологических единиц в рамках конкретной предметной области положено в основу изучения терминологий в целом, с учетом семантики и структуры терминов, в контексте их семантической и логической взаимосвязанности. Кроме того, выделенные признаки терминов позволяют осуществлять классификации единиц этого типа по разным критериям [2].

Системность терминов подразумевает, что они способны формировать терминосистемы в границах более широких терминологий. В то время как терминология – это несистематизированная полная совокупность терминов определенной отрасли знания, терминосистема является более сжатым, более узким перечнем терминов, который охватывает определенную проблему в парадигме отраслевой терминологии (например, существует терминология хирургии, в которой выделяются терминосистемы оперативных действий хирурга, патологических состояний здоровья человека и прочие) [7]. В терминосистеме более наглядно представлены особенности человеческого мышления и сознания, воплощаемые в том числе и в номинации различных феноменов, определении взаимосвязей между терминологическими номинациями [8].

В этой связи, исследовательскую ценность представляет изучение структурных и семантических особенностей нозологических терминов в английском и русском языках. Для исследовательских целей в рамках данной работы были выбраны 200 нозологических терминов (по 100 на английском и русском язы-

ках) в МКБ-11. Они были классифицированы по структурным моделям и семантическим особенностям, определены их характерные особенности в сопоставительном аспекте.

В первую очередь, следует рассмотреть особенности нозологических терминов в английском языке. С точки зрения структуры, они могут быть разделены на слова и словосочетания.

Примеры терминов-слов: psoriasis, eczema, alopecia, depression, migraine, tuberculosis, hypertension, hemophilia, phenylketonuria, hyperthyroidism и др. [9].

Примеры терминов-словосочетаний: anxiety disorder, ulcerative colitis, Crohn's disease, chronic obstructive pulmonary disease, rheumatoid arthritis, amyotrophic lateral sclerosis, multiple sclerosis, Niemann-Pick disease, cystic fibrosis, Hodgkin's disease, myasthenia gravis, major depressive disorder, Klinefelter syndrome и др. [9].

При более детальном рассмотрении особенностей структуры терминов-словосочетаний было выявлено, что они могут быть распределены по количеству компонентов на двухкомпонентные [10] (Down syndrome, myasthenia gravis, Huntington's disease, multiple sclerosis), трехкомпонентные (disorders of lipid absorption, mitral valve rupture, acute rheumatic fever) и многокомпонентные (nerve root and plexus compressions, chronic obstructive pulmonary disease) нозологические термины [9].

Еще одна классификация – по синтаксической модели построения нозологического термина-словосочетания на основе двухкомпонентных терминов. Выявлены примеры следующих моделей: сочетание двух существительных (cat-scratch disease, accessory rib, varicose veins), сочетание прилагательного и существительного (inflammatory syndrome, cystic fibrosis, atrial fibrillation), отдельного внимания заслуживает группа терминов, в составе которых представлены эпонимы (Gilbert syndrome, Tay Sachs disease, Ehlers Danlos syndrome) [9].

Семантический анализ нозологических терминов в английском языке подразумевает разделение по следующим группам: названия заболеваний и

синдромов (mumps, typhoid fever, diphtheria, pulmonary embolism, myocardial infarction, metabolic syndrome, epilepsy, post traumatic stress disorder), названия симптомов (fluid overload, impaired glucose tolerance) [9].

Кроме того, при семантическом анализе нозологических терминов выявлены и метафорические терминологические единицы, которые характеризуются большей прозрачностью семантики и применением метафорического переноса при формировании, например: carbuncle (бородавка, язва), cauliflower ear (деформированная ушная раковина), whooping cough (коклюш), impaired glucose tolerance (нарушение толерантности к глюкозе), restless legs syndrome (синдром беспокойных ног) и др. [9].

Следует обратиться к структурно-семантическим особенностям нозологических терминов на русском языке. В первую очередь, рассмотрим их структуру.

Выделены примеры терминов-слов: краснуха, холера, малярия, атеросклероз, целиакия и др. [11]. Также выделены примеры терминов-словосочетаний: ветряная оспа, варикозное расширение вен, тромбоз глубоких вен, язвенная болезнь желудка, синдром раздражённого кишечника, рассеянный склероз, боковой амиотрофический склероз и др. [11].

При изучении структуры терминов-словосочетаний выявлены примеры двухкомпонентных (язвенный колит, цирроз печени, желчнокаменная болезнь, болезнь Аддисона, серповидноклеточная анемия), трехкомпонентных (тромбоэмболия лёгочной артерии, язвенная болезнь желудка, гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь), многокомпонентных (хроническая обструктивная болезнь лёгких) терминов-словосочетаний [11].

Кроме того, выявлены следующие модели создания терминов-словосочетаний терминосферы нозологии (на материале двухкомпонентных терминов): сочетание двух существительных (воспаление лёгких, стенокардия напряжения), сочетание прилагательного и существительного (брюшной тиф, сердечная недостаточность, метаболический синдром, атопический дерматит),

сочетание эпонима и существительного (болезнь Лайма, синдром Кушинга, болезнь Альцгеймера) [11].

При обращении к семантическому анализу нозологических терминов на русском языке выявлены следующие группы: наименования болезней, патологических состояний и синдромов (обсессивно компульсивное расстройство, нарколепсия, остеоартрит, мышечная дистрофия, лимфома, опухоль головного мозга, болезнь Ниманна Пика), наименования симптомов, и воплощающих (бессонница, бактериемия, судороги, онемение, атаксия, амнезия, пульсация сосудов шеи) [11].

При проведении анализа были выявлены и метафорические нозологические термины в русском языке: поза гладиатора, заячья губа, утиная походка, килевая грудная клетка, мраморная кожа, адамово яблоко, лягушачий живот и др. [11].

Необходимо произвести сопоставительный анализ, определив особенности формирования и семантики нозологических терминов в английском и русском языках. В Таблице 1 представлено соотношение по распространенности терминов-слов и терминов-словосочетаний в нозологической терминосистеме.

Таблица 1

Тип термина	Английский язык	Русский язык
Термин-слово	37	35
Термин-словосочетание	63	65

Прослеживается наличие схожих тенденций, с преобладанием терминов-словосочетаний, что свидетельствует о разработанности и развитости медицинской нозологической терминологии в обоих языках [12].

В Таблице 2 представлено распределение терминов-словосочетаний по количеству компонентов.

Таблица 2

Тип термина	Английский язык	Русский язык
Двухкомпонентный термин	40	35
Трехкомпонентный термин	20	26
Многокомпонентный термин	3	4

При схожести выявленных тенденций прослеживается значительная роль трехкомпонентных терминов в терминологии нозологии на русском языке.

В Таблице 3 представлены результаты соотнесения двухкомпонентных нозологических терминов по использованной модели построения.

Таблица 3

Модель построения термина	Английский язык	Русский язык
Сочетание двух существительных	21	13
Сочетание прилагательного и существительного	11	16
Сочетание эпонима и существительного	8	6

Прослеживается преобладание случаев сочетания двух существительных при построении нозологических терминов в английском языке, в то время как в русском языке основной моделью является сочетание прилагательного и существительного.

В Таблице 4 представлено распределение терминов нозологии по выражаемой семантике в английском и русском языках.

Таблица 4

Семантический тип термина	Английский язык	Русский язык
Наименование болезни	74	79
Наименование симптома	26	21

Выявлена схожесть тенденций в семантике нозологических терминов, что отражает тот факт, что ключевую роль в нозологической сфере играет именно обозначение патологических состояний и заболеваний человека [12].

В Таблице 5 приведено соотношение метафорических и неметафорических терминов в сфере нозологии в английском и русском языках.

Таблица 5

Семантический тип термина	Английский язык	Русский язык
Метафорические термины	41	34
Неметафорические термины	59	66

Прослеживается схожая для обоих языков тенденция в преобладании не-метафорических терминов [13] в сфере нозологии, несмотря на то, что метафорические термины значимы в терминологии на английском и русском языках (41 и 34 единицы, соответственно).

Проведенное исследование показало, что механизмы формирования нозологических терминов в английском и русском языках подчиняются грамматическим нормам русского языка, а их смысловое наполнение связано напрямую с рассматриваемой предметной областью. Выявлены следующие сходства и закономерности в построении нозологических терминов в английском и русском языках: преобладание терминов-словосочетаний, преобладание двухкомпонентных терминов-словосочетаний. Структурное отличие между нозологическими терминами на английском и русском языках проявляется в том, что для англоязычных терминов в первую очередь характерно сочетание двух существительных, для русскоязычных – сочетание прилагательного и существительного, что связано с грамматическими нормами языков. При анализе семантики нозологических терминов в английском и русском языках выявлено сходство в закономерностях выражаемого ими значения: ключевую роль играют номинации заболеваний и синдромов, а также неметафорические термины в сопоставлении с метафорическими.

Список литературы

1. Хакиева З.У. *Термин. Терминосистема. Терминология: структура, семантика и динамика развития*. Грозный: Чеченский гос. ун-т; 2015.
2. Стожок Е.В. Термин, понятие и значение. *ОНВ*. 2011;1(95):95–102.
3. Баранов А.Н. *Введение в прикладную лингвистику*. М.: Эдиториал; 2001.
4. Матвеева Е.Е. *Лингвокультурологические особенности формирования лингвистической терминологии: на материале английских и русских терминов фонетики*. Москва; 2012.
5. Кухно И.Ю. Коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты изучения термина. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2016;(2):17–24.
6. Гринев-Гриневич С.В. *Введение в терминоведение*. М.: МГУ; 1993.
7. Шевченко Е.Б. Специфика системности отраслевой терминологии (на материале английской терминологии «Технология обработки металлов давлением»). *Известия ВГПУ*. 2015;5(100):49–56.
8. Лейчик В.М. *Терминоведение. Предмет, методы, структура*. М.: Ком Книга; 2006.

9. ICD-11. URL: <https://icd.who.int/browse/2025-01/mms/en> [дата обращения: 14.01.2026].
10. Yahin M.A., Sakaeva L.R., Mikhailovna B.O. The comparative analysis of anthropocentric phraseological units in Russian, English and Tatar languages. *The Social Sciences*. 2016;11(16);4048–4052.
11. МКБ-11. URL: <https://icd.who.int/browse/2025-01/mms/ru> [дата обращения: 14.12.2025].
12. Сакаева Л.Р., Тахтарова С.С., Базарова Л.В., Яхин М.А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках. *Казанский лингвистический журнал.* 2022;5(3);360–368.
13. Яхин М.А., Сакаева Л.Р. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики в трудах отечественных и зарубежных языковедов. *Казанский лингвистический журнал.* 2019;2(4);38–47.

References

1. Khakieva Z.U. *Term. Thermal system. Terminology: structure, semantics and dynamics of development*. Grozny: Chechen state un-t; 2015. (In Russ.)
2. Stozhok E.V. Term, concept and meaning. *ONV*. 2011;1(95):95–102. (In Russ.)
3. Baranov A.N. *Introduction to applied linguistics*. M.: Editorial; 2001. (In Russ.)
4. Matveeva E.E. *Linguoculturological features of the formation of linguistic terminology: based on the material of English and Russian terms of phonetics*. Moscow; 2012. (In Russ.)
5. Kuhno I.Yu. Communicative-pragmatic and cognitive aspects of the study of the term. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*. 2016;(2):17–24. (In Russ.)
6. Grinev-Grinevich S.V. *Introduction to terminology*. Moskva; 1993. (In Russ.)
7. Shevchenko E.B. The specifics of the consistency of industry terminology (based on the material of the English terminology "Technology of metal forming"). *News of VGPU*. 2015;5(100):49–56. (In Russ.)
8. Leichik V.M. *Terminology. Subject, methods, structure*. M.: KomKniga; 2006. (In Russ.)
9. ICD-11. Available from: <https://icd.who.int/browse/2025-01/mms/en> [access date: 14.01.2026]. (In Engl.)
10. Yahin M.A., Sakaeva L.R., Mikhailovna B.O. The comparative analysis of anthropocentric phraseological units in Russian, English and Tatar languages. *The Social Sciences*. 2016;11(16);4048–4052. (In Engl.)
11. MCD-11. Available from: <https://icd.who.int/browse/2025-01/mms/ru> [accessed: 14.12.2025]. (In Russ.)
12. Sakaeva L.R., Takhtarova S.S., Bazarova L.V., Yakhin M.A. Logical and conceptual classification of the terminology of the field of "medicine" in English, Russian and Turkish. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(3);360–368. (In Russ.)
13. Yakhin M.A., Sakaeva L.R. Concept as a basic concept of cognitive linguistics in the works of domestic and foreign linguists. *Kazan Linguistic Journal*. 2019;2(4);38–47. (In Russ.)

Авторы публикации

Сакаева Лилия Радиковна –
доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: liliyasakaeva@rambler.ru
<http://orcid.org/0000-0002-3867-1489>

Базарова Лилия Вязировна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет

Authors of the publication

Sakaeva Liliya Radikovna –
PhD in philology, Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: liliyasakaeva@rambler.ru
<http://orcid.org/0000-0002-3867-1489>

Bazarova Liliya Vyazirovna –
PhD in philology, Associate professor
Kazan Federal University

*Набережные Челны,
Республика Татарстан, Россия
Email: bazarova_lv@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>*

***Раскрытие информации о конфликте
интересов***

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

*Поступила в редакцию: 01.03.2026
Одобрена после рецензирования: 10.03.2026
Принята к публикации: 20.03.2026*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

*Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan,
Russia
Email: bazarova_lv@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1029-0673>*

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

*Submitted: 01.03.2026
Approved after peer reviewing: 10.03.2026
Accepted for publication: 20.03.2026*

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81-26

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.116-126>

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОГО
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОВТОРА В КОНТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Е.Ю. Семушина¹, А.А. Абдрахманова²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹*Epospelova12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7453-5695>*

²*AliyAAbdrahmanova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9453-8981>*

Аннотация. Современный язык характеризуется быстрыми изменениями в лексике, структуре и функционировании языковых единиц, в частности, появлением многочисленных контекстуальных трансформаций. **Актуальность** исследования заключается в необходимости определения к каким изменениям в лингвистическом и прагматическом плане приводят те или иные способы трансформации ФЕ, а также необходимостью отграничения ошибочных способов употребления от окказиональных. **Новизна** исследования заключается в систематизации типов фразеологического повтора в английском и русском языках с учетом количества повторяемых компонентов, функций и расположения повтора в тексте. **Цель** исследования – выявление способов формирования и особенностей функционирования окказионального фразеологического повтора в английском и русском языках. Материалом исследования являются фразеологические единицы, подвергшиеся окказиональному изменению в виде фразеологического повтора, отобранные из современной художественной литературы. **Методы** исследования включают метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, сопоставительный метод, методы фразеологической идентификации и фразеологического описания. В работе рассмотрены три вида фразеологического повтора (полный, частичный и синонимичный), выявлено превалирование частичного повтора в дистанционной форме, использование компонента ФЕ в прямом значении при повторе, создание расширенной метафоры в сочетании с субституцией в обоих языках, наличие синтаксического параллелизма в английском языке, препозитивное расположение повторяющегося компонента в русском языке, постпозитивное в английском.

Ключевые слова: контекстуальная трансформация; фразеологическая единица; фразеологический повтор; расширенная метафора; компонент

Для цитирования: Семушина Е.Ю., Абдрахманова А.А. Особенности формирования окказионального фразеологического повтора в контексте (на материале английского и русского языков). *Казанский лингвистический журнал.* 2026;9(1): 116–126. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.116-126>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.116-126>

FORMATION OF OCCASIONAL PHRASEOLOGICAL REPETITION IN THE CONTEXT (BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN)

E.Y. Semushina¹, A.A. Abdrakhmanova²

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹*Epospelova12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7453-5695>*

²*AliyAAbdrahmanova@kpfu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9453-8981>*

Abstract. The modern language is characterized by rapid changes in the vocabulary, structure and functioning of linguistic units, in particular, the emergence of numerous contextual transformations. The novelty of the research lies in the systematization of the types of occasional phraseological repetition in English and Russian, taking into account the number of repeated components, functions and the location of repetition in the text. The purpose of the study is to identify the ways of formation and functioning of occasional phraseological repetition in English and Russian. The research material consists of phraseological units that have undergone occasional changes in the form of phraseological repetition taken from contemporary literature. The research methods include the contextual analysis method, the continuous sampling method, the comparative method, the methods of phraseological identification and phraseological description. The paper examines three types of phraseological repetition (full, partial and synonymous), reveals the prevalence of partial repetition in the remote form, the use of the repeated component in the direct meaning, creation of an extended metaphor in combination with substitution in both languages, the presence of syntactic parallelism in English, the prepositive arrangement of the repeating component in Russian, the postpositive one in English.

Keywords: contextual transformation; phraseological unit; phraseological repetition; extended metaphor; the component

For citation: Semushina E.Yu., Abdrakhmanova A.A. Formation of Occasional Phraseological Repetition in Context (based on English and Russian). *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 116–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.116-126>

Современный язык характеризуется быстрыми изменениями, появлением как новых лингвистических единиц и конструкций, так и многочисленными трансформациями уже устоявшихся, которые носят творческий характер и используются для привлечения внимания собеседника к определенному элементу текста или значения. Одним из ярких способов привлечения внимания читателя являются контекстуальные трансформации устойчивых выражений и фразеологических единиц (далее ФЕ). Основное отличие контекстуальных трансформаций фразеологических единиц от ошибочного их использования заключается том, что при окказиональных трансформациях автор производит изменения преднамеренно, согласно определенным правилам [1]. Е.Ф. Арсентьева отмечает, что «именно исследование поведения фразеологизмов в реальном тексте

позволяет по-настоящему оценить когнитивный потенциал ФЕ...» [2: 36]. При этом, именно внутренняя форма ФЕ, ее структура и семантика, определяют способность единицы к трансформации в контексте.

Актуальность исследования фразеологического повтора как способа окказиональной трансформации ФЕ заключается в том, что, во-первых, необходимо отграничивать преднамеренные трансформации от неправильного употребления ФЕ в речи, во-вторых, необходимо определить к каким изменениям в лингвистическом и прагматическом плане приводят те или иные способы изменения ФЕ, в частности, фразеологический повтор, который особенно важен в политической речи для воздействия на аудиторию и фиксирования информации. **Новизна** исследования заключается в систематизации типов фразеологического повтора в английском и русском языках с учетом количества повторяемых компонентов, функций и расположения повтора в тексте.

Цель исследования – выявление способов формирования и особенностей функционирования окказионального фразеологического повтора в английском и русском языках. Материалом исследования являются фразеологические единицы, подвергшиеся окказиональному изменению в виде фразеологического повтора, отобранные из произведений русской и английской литературы XX и XXI веков. **Методы** исследования включают метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, сопоставительный метод, методы фразеологической идентификации и фразеологического описания.

Традиционно считается, что повтор – фигура речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций и выполняет несколько функций: текстообразующую, аттрактивную, ритмизирующую, экспрессивную, а также функцию интенсификации содержания [3]. Особое внимание текстообразующей функции повтора уделяет Ф.Ш. Абдукаримова, которая утверждает, что повтор является важным средством связи, характеризующееся структурной соотнесенностью и синтаксической связностью. Кроме того, именно благодаря повторам, автору не только удастся достичь

лучшего запоминания определенного элемента информации в тексте, но и усилить экспрессивную составляющую высказывания [4].

Л.В. Гриченко выделяет следующие классификации повторов:

- 1) звуковой, морфемный, морфологический, синтаксический и лексический;
- 2) дистантный и контактный;
- 3) полный и частичный [3].

Чечиков М.А. также утверждает, что, повтор может иметь место на разных уровнях языка: фонологическом; морфологическом, семантическом и синтаксическом [5]. Канонической считается классификация повторов как стилистических средств выразительности, разработанных И.Р. Гальпериным: анафора, эпифора, анадислосис, антитеза, синонимичный повтор и др [6].

Фразеологический повтор может быть представлен в двух видах – повтор в рамках базовой фразеологической единицы и повтор как окказиональная трансформация ФЕ, которая заключается в преднамеренном повторении всей ФЕ или ее части. Молчкова Л.В. выделяет следующие типы повторов в рамках узуальных ФЕ, которые соответствуют классификациям традиционных повторов в лексикологии и стилистике: фонетические (сегментные и суперсегментные), морфемные, морфологические, лексические, синтаксические и образные [7].

По мнению А.Р. Каюмовой, окказиональный фразеологический повтор, в свою очередь, имеет много общего с обычным лексическим повтором с точки зрения функциональности, прагматики и структуры [8]. При этом, Е.Ф. Арсентьева считает, что основной характеристикой фразеологического повтора является то, что он оказывает, в первую очередь, эмоциональное и экспрессивное влияние на собеседника [2, 8].

При анализе практического материала, были выделены следующие виды повторов:

- 1) Полный повтор (точный).

Данный вид повтора представлен и в контактном, и дистанционном варианте в обоих языках. В нашем исследовании, контактный вид повтора – использование повтора в рамках одного предложения в непосредственной близости (не более 2-3 слов) или в виде аналипхозиса, дистантный – в рамках нескольких предложений. Примером дистантного повтора является повтор ФЕ *up your sleeve* (иметь что-то в рукаве):

- *Have you got something more **up your sleeve**? - Well, it might soon be **up your sleeve**. With the help of IMU equipment* [9, с.70].

Аналогичный вариант развития прагматического потенциала ФЕ представлен в следующем русском примере, где имеет место полный повтор ФЕ *спустя рукава*:

*Если бы он работал **спустя рукава**, то так и остался бы секретарем, как его предшественники, - но работать **спустя рукава** Сталин не умел* [10, с.107].

Контактный вариант полного повтора был выявлен только в английском языке, причем необходимо отметить, что данный вид повтора несет гораздо более сильный экспрессивный заряд, чем дистантный, так как ФЕ еще свежа в памяти читателя. ФЕ *to move mountains* (гору с мета сдвинуть) участвует в образовании повтора в следующем примере:

*I said it might be difficult. But if I have to **move mountains**, then I'll **move mountains*** [11, с.151].

В обоих исследуемых языках повтор активно используется для образования другого окказионального явления - расширенной метафоры, которая считается комплексным случаем трансформации ФЕ. В следующем примере ФЕ *to fall apart* (развалиться на части) сначала подвергается полному повтору, а затем образует расширенную метафору при помощи актуализатора *all kinds of pieces*, который усиливает экспрессивную сторону высказывания:

*I'm not going to be hysterical. I'm not going **to fall apart**. I **fell apart** in Toronto. **All kinds of pieces**. Not again* [12, с.311].

В примере русского языка ФЕ *двойное дно* также участвует в образовании расширенной метафоры при помощи полного повтора и развернутого актуализатора:

У меня сразу же возникло впечатление, что это человек с двойным дном, - сказал он. - Только с таким двойным дном, которое всегда пусто, - решил уточнить я. – И отзвук этой пустоты раздался за всем, что он говорит и делает. [13, с.132].

В русском языке необходимо отметить использование полного повтора в сочетании со вставкой – ФЕ *переступить черту* подвергается вставке компонента *невидимую* и полному дистантному повтору ФЕ, в итоге образуя расширенную метафору при помощи актуализатора *смерть*:

Или же ты постоянно озабочен – переступил ли ты невидимую черту, за которой начинается бестактность и невежливость, или же тебе на это наплевать. А еще можно переступить черту, за которой явственно так, четко просматривается смерть [14, с.82].

2) Повтор части фразеологической единицы (частичный повтор)

Необходимо отметить, что при повторе одного компонента ФЕ в английском языке распространен препозитивный повтор, в то время как в русском языке чаще используется постпозитивный, при этом в обоих языках одинаково распространены и контактный вариант повтора, и дистантный.

В следующем примере английского языка используется контактный препозитивный вид частичного повтора ФЕ *to give a green light*, когда компонент *green light* используется в тексте до полного варианта ФЕ:

What, did they – A green light. They gave us a green light [15, с.389].

В следующем примере русского языка ФЕ компонент *душа* ФЕ *поговорим по душам* используется в постпозиции к исходной ФЕ:

Не бойся, мы убивать его не станем ... Только поговорим по душам. Должна ведь и у Некрича душа быть ... Или нет, как ты считаешь? [16, с.149]

Необходимо отметить, что распространенным видом частичного повтора в обоих языках является использование повторяющегося компонента в прямом значении, что способствует образованию игры слов. Например, глагольный компонент ФЕ *to watch one's back* (*быть начеку*) используется в прямом значении *смотреть*.

*And if such a thing wasn't so plainly ridiculous, she would have said they knew she was standing there **watching** them. That they were **watching her back*** [17, с.84].

В следующем примере русского языка компонент седины ФЕ *седина в бороду-бес в ребро* используется в своем прямом значении, что усиливает экспрессивный компонент значения ФЕ, подчеркивая возраст героини:

*Правду болтает народ: **седина в голову – бес в ребро**. Кстати, **седину** она стала тщательнее подкрашивать* [18, с.53].

Интересно отметить, что окказиональный постпозитивный контактный частичный повтор в английском языке может строиться по принципу синтаксического параллелизма. Возможность использования синтаксического параллелизма при построении пословиц английского языка отмечалось в работах Гриченко Л.В. [3]. ФЕ *broken heart* подвергается повтору компонента *broken* образованием синтаксически параллельной конструкции *broken lives*:

*Yeah. That's what he wants. **Broken hearts, broken lives*** [19, с.298].

При анализе практического материала очевидно, что использование частичного повтора в обоих языках характерно для комплексных случаев трансформации ФЕ, а именно, как и в случае с полным повтором, при образовании расширенной метафоры.

В следующем примере английского языка компонент *cross* участвует в развертывании метафорического образа ФЕ *to cross the line*:

*I was **crossing the line** animal researchers were not supposed to cross* [20, с.187].

В русском языке актуализация внутренней формы ФЕ *шла в мешке не утаить* происходит при помощи частичного повтора компонента *мешок* и ак-

туализатора *проколется*, который семантически связан с компонентом *шило* базовой ФЕ.

Всякий, кто имеет дело с тайнами, знает одну непреложную истину: шила в мешке не утаить. Особенно, когда мешок через много рук идет. Где-нибудь да проколется, кто-нибудь да сболтнет [21, с.86].

Частичный повтор используется в сочетании с субституцией и вставкой в обоих исследуемых языках, в результате образуя расширенную метафору.

В следующем примере ФЕ *to swear on the Bible* сначала подвергается замене субстантивного компонента на *grave* и повтору именно измененного компонента:

But you have to swear on your own grave you'll never tell anyone. - I swear. - On your own grave. - On my own grave [22, с.98].

Аналогичная ситуация имеет место в русском языке, когда ФЕ *спокоен как удав* сначала подвергается замене компонента *удав* на *полено* с последующим повтором нового компонента для развертывания метафорического образа ФЕ.

Я категорически против курения, как мужского, так и женского, - он все еще был спокоен, как полено. Раскаленное в очаге полено вполне себе спокойно. Просто меняет цвет ... [23, с.171]

В качестве пример использования вставки в сочетании с частичным повтором можно привести окказиональную трансформацию ФЕ *to thrash the life out of smb*, которая подвергается вставке компонентов *him within an inch of his* и последующему повтору компонента *trash* в измененной грамматической форме:

"Who was this man? And where was he? I'm going to find him and thrash him within an inch of his life. - I thought a thousand times in just two seconds ... if my Dad met up with the man in the black suit, I didn't think my Dad would be the one to do the thrashing [24, с.63].

3) Повтора синонима базовой ФЕ, синонима одного из компонентов ФЕ или компонента со схожей семантикой (синонимичный повтор).

В обоих исследуемых языках использование синонима базовой ФЕ или компонента в качестве окказионального повтора приводит *to break one's heart*

образует расширенную метафору путем использования лексемы *crack*, которая семантически близка компоненту *broken*.

“Did you get your heart broken?”

Caroline’s lips curved. “Cracked, a little” [12, с.276].

В русском языке лексема *мало исписанный* используется в качестве частичного синонимичного повтора исходной ФЕ начать с чистого листа, образуя расширенную метафору:

Красная армия начинала все если не с чистого листа, то, по крайней мере, с листа мало исписанного [10, с.371].

Итак, фразеологический повтор является одним из распространённых способов окказиональной трансформации фразеологических единиц, основной функцией которого является усиление экспрессивной составляющей высказывания. В английском и русском языках имеют место три вида повтора: полный, частичный и синонимичный, при очевидном превалировании частичного повтора в обоих исследуемых языках. Также, в качестве общей черты можно выделить превалирование дистантного повтора и образование расширенной метафоры как при полном, так и частичном повторе, повтор компонента ФЕ в прямом значении. При использовании повтора в сочетании с другими способами окказиональной трансформации ФЕ в обоих языках используется субституция с последующим повтором именно нового компонента. В качестве отличительных черт можно выделить отсутствие контактного полного повтора в материале русского языка, наличие синтаксического параллелизма при формировании контактного частичного повтора в английском языке и расположения компонента при частичном повторе – в английском языке препозиционно, в русском – постпозиционно.

Список литературы

1. Семушина Е.Ю. Фразеологическое насыщение контекста (на материале английского и русского языков). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2011; 1(8): 138–141.

2. Арсентьева Е.Ф. Роль контекстуальных преобразований фразеологизмов в создании юмористического эффекта в литературном анекдоте. *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2006; 146 (3): 26–41.
3. Гриченко Л.В. Типы и сочетания повторов в пословицах английского языка. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2017; 4(41): 63–66.
4. Абдукаримова Ф.Ш. Лексический повтор и его отношение к параллелизму. *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки*. 2016; 3(48): 181–185.
5. Чечиков М.А. Специфика повтора как стилистического приема и его лингводидактический потенциал. *Вестник МИТУ-МАСИ*. 2019; 2: 16–21.
6. Galperin I.R. *English Stylistics*. Moscow: URSS. 1977.
7. Молчкова Л.В. Модели повтора во фразеологии. *Актуальные вопросы современной науки*. 2013; 2: 194–202.
8. Каюмова А.Р. Фразеологический повтор и его функциональная значимость (на материале произведений У. Коллинза). *Вестник Чувашского университета*. 2: 134–138.
9. Dibbins D. *Pharaoh*. London: Headline publishing group; 2013.
10. Прудникова Е., Колпакиди А. *Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий*. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»; 2007.
11. Lapena S. *The couple next door*. Uk: Penguin books; 2018.
12. Roberts N. *Carnal Innocence*. Great Britain: Platkus; 1999
13. Драгуновский Д.В. *Третье лицо*. Москва: Издательство АСТ; 2021.
14. Пронин В.А. *Брызги шампанского*. М.: Эксмо; 2022.
15. J. Сое. *What a carve up!* London: Penguin books; 2008.
16. Чижев Е. *Темное прошлое человека будущего*. Москва: Издательство АСТ; 2023.
17. Halliday G.R. *From the shadows*. London. Vintage; 2019
18. Елизарова П. *Черная сирень*. Москва: Эксмо; 2023.
19. Robb J.D. *Golden in Death*. London: Piatkus; 2020.
20. Picoult J. *Leaving time*. UK: Hodder and Stoughton; 2015.
21. Зацаринный С.Г. *Венгерская вода*. Москва: Издательство АСТ; 2023.
22. Mitchell D. *Black Swan Green*. London: Hoddler and Stoughton; 2006.
23. Соломатина Т. *Психоз*. М.: Яуз-пресс: Эксмо; 2010.
24. S. King. *Everything's eventual: 14 dark tales*. New York: Scribner; 2002.

References

1. Semushina E.Y. Phraseological saturation of discourse (based on English and Russian). *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. 2011; 1(8): 138–141. (In Russ.)
2. Arsent'eva E.F. The role of contextual transformations of phraseological units in creating a humorous effect in a literary joke. *Ucheny`e zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006; 146 (3): 26–41. (In Russ.)
3. Grichenko L.V. Types and combinations of repetitions in English proverbs. *Baltiyskij gumanitarny`j zhurnal*. 2017; 4(41): 63–66. (In Russ.)
4. Abdukarimova F.Sh. Lexical repetition and its relation to parallelism. *Ucheny`e zapiski Xudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarny`e nauki*. 2016; 3(48): 181–185. (In Russ.)
5. Chechikov M.A. The specifics of repetition as a stylistic device and its linguistic and didactic potential. *Vestnik MITU-MASI*. 2019; 2: 16–21. (In Russ.)
6. Galperin I.R. *English Stylistics*. Moscow: URSS. 1977.
7. Molchkova L.V. Patterns of repetition in phraseology. *Aktual`ny`e voprosy` sovremennoj nauki*. 2013; 2: 194–202. (In Russ.)
8. Kayumova A.R. Phraseological repetition and its functional significance (based on the works of W. Collins). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2: 134–138. (In Russ.)
9. Dibbins D. *Pharaoh*. London: Headline publishing group; 2013.

10. Prudnikova E., Kolpakidi A. *A double conspiracy. Secrets of Stalin's repressions*. Moscow: ZAO «OLMA Media Grupp»; 2007. (In Russ.)
11. Lapena S. *The couple next door*. Uk: Penguin books; 2018.
12. Roberts N. *Carnal Innocence*. Great Britain: Platkus; 1999.
13. Dragunovskij D.V. *Третье лицо*. Moscow: AST Publishing House; 2021. (In Russ.)
14. Pronin V.A. *Champagne splashes*. Moscow: Eksmo; 2022. (In Russ.)
15. J. Coe. *What a carve up!* London: Penguin books; 2008.
16. Chizhov E. *The dark past of the man of the future*. Moscow: AST Publishing House; 2023. (In Russ.)
17. Halliday G.R. *From the shadows*. London. Vintage; 2019
18. Elizarova P. *Black Lilac*. Moscow: Eksmo; 2023. (In Russ.)
19. Robb J.D. *Golden in Death*. London: Piatkus; 2020.
20. Picoult J. *Leaving time*. UK: Hodder and Stoughton; 2015.
21. Zaczarinny`j S.G. *Hungarian water*. Moscow: AST Publishing House; 2023. (In Russ.)
22. Mitchell D. *Black Swan Green*. London: Hoddler and Stoughton; 2006.
23. Solomatina T. *Psychosis*. Moscow: Eksmo; 2010. (In Russ.)
24. S. King. *Everything's eventual: 14 dark tales*. New York: Scribner; 2002.

Авторы публикации

Семущина Елена Юрьевна –

кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: epospelova12@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7453-5695>

Абдрахманова Алия Альбертовна –

кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: AliyAAbdrahmanova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9453-8981>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Одобрена после рецензирования: 25.02.2026

Принята к публикации: 07.03.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Semushina Elena Yurievna –

PhD. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: epospelova12@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7453-5695>

Abdrakhmanova Aliya Albertovna –

PhD. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: AliyAAbdrahmanova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9453-8981>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.02.2026

Approved after peer reviewing: 25.02.2026

Accepted for publication: 07.03.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.111-26

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.127-139>

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

О.Л. Уткина

*Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского
государственного университета, Орск, Россия
olyaut@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2435-4319>*

Аннотация. Данная работа посвящена анализу статей по искусственному интеллекту (ИИ). Цель исследования – выявление репрезентаций ИИ в британском онлайн-издании газеты the Guardian за 2024 год. Методом сплошной выборки были отобраны 478 статей, касающихся ИИ. Эта тема невероятно популярна и затрагивает различные области жизни. Великобритания, являясь одним из мировых лидеров в области ИИ, большое значение придает развитию и внедрению разработок на основе ИИ. В ходе исследования было выявлено, что все статьи условно можно классифицировать по следующим разделам: социальная сфера, промышленность, технологии, бизнес, правительство, экономика, право, наука, искусство и культура. Публицистический текст, реализуя функцию воздействия, информирования и пропаганды, формирует общественное мнение. Это в полной мере касается вопросов, связанных с разработкой, развитием и внедрением ИИ в различные отрасли жизни. Представленная в британском издании оценка приложений на основе ИИ отличается противоречивостью. Положительные, на первый взгляд, перспективы применения инновационных технологий, имеют негативные последствия. Изучение газетных статей позволило получить объективную картину о возможностях и роли ИИ в современном британском обществе и во всем мире в целом.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); технологии; социальная сфера; публицистический текст; общественное мнение

Для цитирования: Уткина О.Л. Репрезентация искусственного интеллекта в публицистическом тексте. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 127–139. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.127-139>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.127-139>

**THE REPRESENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN A
PUBLICISTIC TEXT**

O.L. Utkina

*Orsk Humanities and Technology Institute branch of
Orenburg State University, Orsk, Russia
olyaut@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2435-4319>*

Abstract. The research work is devoted to the analysis of the articles on Artificial Intelligence (AI). The aim of work is the identification of AI representations in British online edition of the Guardian in 2024. 478 articles were selected by the method of continuous sampling. This topic is extremely popular and affects different aspects of live. Great Britain is one of the world leaders in the field of AI and pays much attention to the development and integration of projects based on AI. The research showed that all the articles may be conditionally classified into the following categories.

ries: social sphere, industry, technology, business, government, economy, law, science, art and culture. A publicistic text realizes the function of influence, of providing information and propaganda, shapes public opinion. It is fully referred to questions connected with engineering, development and implementation of AI in various sectors of economy. Assessment of applications based on AI is very controversial. The perspectives of use of innovative technologies that, at first glance, may seem positive, have negative effect. The study of newspaper articles allows to get an objective view of possibilities and roles of AI in a modern British society and in the whole world.

Keywords: Artificial Intelligence (AI); technologies; social sphere; publicistic text; public opinion

For citation: Utkina O.L. The Representation of Artificial Intelligence in a Publicistic Text. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 127–139. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.127-139>

В последние несколько лет большое внимание в средствах массовой информации уделяется искусственному интеллекту, развитие которого представлено как переломный момент в эволюции производства. Искусственный интеллект (ИИ) – это область науки, связанная с изготовлением компьютеров и устройств, которые могут размышлять, учиться и осуществлять действия, присущие человеческому разуму или даже обрабатывать данные, объемы которых превосходят аналитические способности человека.

ИИ стал предметом широкого обсуждения в СМИ с того момента, как в 2020 году китайская компания разработала 3D версию ведущего новостей. Хотя понятие «искусственный интеллект» относится к 1950 году, когда британский математик Алан Тьюринг попытался определить термин «машинный интеллект» и заложил основу философии ИИ. Машины умеют учиться и развиваться, но вопрос об их умении думать остается актуальным до сих пор. Они состязаются с человеком во многих интеллектуальных сферах, например, в игре в шахматы, и постепенно проникают во все области: финансы, медицинскую помощь, безопасность, образование, воздушное пространство, автоматическое пилотирование, розничную торговлю и другие. Все эти сферы применения ИИ широко освещаются СМИ.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом СМИ к освещению возможностей ИИ. Представляется важным также то, какое значение придают британские издания описанию достижений в области развития ИИ

в 2024 году, когда данная тема развивалась так активно, что буквально в каждом выпуске выходили по несколько статей, посвященных ИИ.

Как справедливо отметила Е.Н. Бабыкина, публицистический дискурс «в зависимости от коммуникативных задач, социокультурной среды, пространственно-временного континуума реализует функции воздействия, пропаганды, информативную, развлекательную, дидактическую» [1, с. 30]. Будучи источником информации, СМИ являются активными участниками социального дискурса и продвигают мысль о том, что ИИ имеет решающее значение во многих отраслях, подчеркивают ценность и значимость разработок в данном направлении. В результате, компании по всему миру серьезно финансируют исследования и развитие ИИ, а правительство Британии за последние годы сделало ИИ главной политической инициативой. Среди всех злободневных новостей, касающихся промышленности, технологии, правительства и образования ИИ стал неотъемлемой частью. Вместе с тем мало представлено систематизированного анализа того, как британские СМИ освещают развитие приложений на базе ИИ. Многие верят, что развитие технологий ИИ уже радикально изменило жизнь. Качественное освещение СМИ необходимо для общественного обсуждения того, являются ли эти изменения положительными или влекут негативные последствия. В данной работе анализируются репортажи по ИИ за 2024 год в онлайн-издании the Guardian в количестве 478 штук.

Методы исследования: метод сплошной выборки, анализ, синтез, описание, сравнение, классификация, статистический метод.

Газеты – то пространство, где формируется общественное мнение. От того, как технологические исследования и точки зрения экспертов транслируются обществу, зависит вектор социального настроения. Так, в газете the Guardian актуализировали такие разделы, как социальная сфера (135 штук), промышленность, технологии и бизнес (156 штук), политика, правительство, экономика и право (91 статья), наука (36 статей), искусство и культура (60 статей). В каждом из этих разделов можно условно выделить подразделы. Социальная сфера охва-

тывает проблемы общества (107 статей), здравоохранение (7 статей), образование (19 статей). Темы статей, касающиеся общественных вопросов, можно обобщить следующим образом: они касаются трудоустройства, проблем бездомных, национальных различий, торговли, социального обслуживания, охраны животных, безопасности личных данных, проблем, связанных с общением и одиночеством. Среди положительной тенденции отмечено, например, привлечение ИИ для обнаружения мест стоянки бездомных, что облегчает работу социальных служб по контролю [The Guardian, 25.03.2024]. ИИ используется при организации социально значимых мероприятий и конференций [The Guardian, 23.03.2024], помогает покупателям в выборе и определении товаров [The Guardian, 14.03.2024], заменяет человека в «скучных» сферах производства, где требуется монотонная, сосредоточенная, лишенная творчества и активности деятельность [The Guardian, 09.03.2024]. Новейшие технологии используются для отслеживания численности ежей [The Guardian, 25.03.2024]. Однако большая часть статей говорит о негативном влиянии ИИ на социальную среду, называя изменения, вызванные им, «эпохальными» и «неотвратимыми» [The Guardian, 27.03.2024]. Обеспокоенность прежде всего вызывает потеря британцами рабочих мест. В зоне риска оказываются женщины, молодые начинающие неопытные рабочие, занятые в низкооплачиваемом секторе экономики. Некоторые административные должности также подвергнутся замене «по наихудшему сценарию». ИИ, таким образом, провоцирует «апокалипсис рабочих мест». Другой проблемой является отбор претендентов на рабочие места: система ИИ отсеивает соискателей «по своему усмотрению» «в довольно грубой манере», а общение с роботом вызывает дискомфорт [The Guardian, 06.03.2024; 17.10.2024]. Работник, в свою очередь, тоже обращается к ресурсам системы ИИ и генерирует резюме, что лишает смысла сам процесс знакомства с работодателем и работников в процессе устройства на работу.

ИИ также уличают в расизме. Например, в статье “As AI Tools get smarter, they are growing more covertly racist” говорится о дискриминации тех, кто гово-

рит на африканском варианте американского языка и отмечается, что чем умнее становятся инструменты ИИ, тем больше расизма в нем проявляется [The Guardian, 16.03.2024]. В частности, темнокожих людей, говорящих на афроамериканском языке, не берут на работу.

Отдельно освещается дилемма, связанная с взаимоотношениями между цифровым собеседником и человеком. Неоднозначно решается вопрос одиночества людей разных возрастных категорий и задаются вопросы о том, можно ли считать взаимодействия с роботом, наделенным ИИ, общением и может ли оно заменить полноценно общение между людьми [2]. С одной стороны, цифровой собеседник делает жизнь разнообразнее, но с другой, внимание уделяется случаям, когда виртуальная связь разрушает взаимоотношения в семье [The Guardian, 23.05.2024].

В здравоохранении ИИ активно внедряется для управления терапевтическими клиниками: цифровой физиотерапевт диагностирует и назначает лечение. Это нововведение представлено в ряде статей как положительная тенденция для экономии времени персонала и решает вопрос нехватки специалистов [The Guardian, 09.04.2024]. В то же время авторы статей задают вопрос о безопасности такого лечения, целесообразности получения диплома врача [The Guardian, 30.11.2024], указывают на то, что служба здравоохранения Великобритании не готова внедрить ИИ до обновления всей технологической системы [The Guardian, 15.09.2024].

В образовании ИИ помогает изменить образовательные сервисы, снизить нагрузку на учителей. Однако большая часть статей освещает мошенничества, связанные с использованием ИИ в университетах: списывания студентами контрольных при помощи ChatGPT [The Guardian, 26.06.2024; 30.07.2024; 31.07.2024], связанное с этим обесценивание дипломов [The Guardian, 01.09.2024]. Выход видится в неотвратимых наказаниях за использование ИИ на экзаменах [The Guardian, 24.08.2024; 08.10.2024; 16.10.2024] и возврату к «древним методам» проведения экзаменов [The Guardian, 24.11.2024].

В области промышленности и технологии на первое место выходят статьи, касающиеся внедрения новейших разработок в таких отраслях, как военная и пищевая промышленность, спорт, атомные станции, развлечения. Много внимания уделяется вопросам развития ИИ [The Guardian, 10.03.2024], созданию роботов-гуманоидов. Статья “AI could be extraordinary force for good” затрагивает вопросы развития беспилотной техники, ее преимуществе и пользе только при учете одного принципа – человечности [The Guardian, 08.03.2024]. Политикам стоит включать передовые разработки в план действий, руководствуясь этим принципом. В то же время расширение применения оружия с ИИ представлено как достижение [The Guardian, 14.07.2024]. В области пищевой промышленности ИИ тоже стал незаменимым помощником. Статья “Scientists turn to AI to make beer taste” рассказывает о выдающейся разработке, основанной на возможностях ИИ, при помощи которой можно спрогнозировать вкус напитка и улучшить его на этапе производства [The Guardian, 26.03.2024]. ИИ оказался незаменим в промышленности быстрого питания для автоматизации процесса [The Guardian, 17.07.2024]. ИИ меняет подход к тушению пожаров и спасению жизней [The Guardian, 15.08.2024]. В целом, статьи транслируют положительное отношение к развитию разработок, связанных с ИИ. Вместе с тем, есть ряд тем, которые идут в разрез с общепринятой тенденцией. Это касается генерирования изображений. С одной стороны, при помощи приложений ИИ можно создавать различные изображения – это безусловное техническое достижение. С другой стороны, многие статьи указывают на проблему безопасности подобных изображений [The Guardian, 06.03.2024]. Например, Гугл, создавая изображения различных исторических личностей, «акцентирует внимание на их цвете кожи», оскорбляя национальные чувства [The Guardian, 08.03.2024]. Среди выдающихся новинок в 2024 году называют телефон с усовершенствованным ИИ [The Guardian, 09.09.2024], робот для сортировки белья [The Guardian, 15.11.2024], робот-питомец [The Guardian, 02.11.2024], первый сад с ИИ, где цветы могут «говорить» [The Guardian, 25.10.2024], первый член парламен-

та, созданный ИИ [The Guardian, 09.09.2024], первый музей с использованием ИИ [The Guardian, 25.09.2024]. Много внимания уделяется обучению ИИ на основе фильмов, телепередач, произведений литературы, музыки, изобразительного искусства. ИИ обучили разгадывать кроссворды, что до этого считалось для него сложным [The Guardian, 04.11.2024].

В тесной взаимосвязи с техническим прогрессом выступает бизнес, поэтому много статей посвящено судебному процессу, в котором был задействован Э.Маск и компания Open AI, которая выпускает программы, дающие возможность разрабатывать системы ИИ [The Guardian, 12.03.2024]. Статьи намекают на то, что исследования в области ИИ активно поддерживаются крупными бизнесменами, но от общественного мнения скрываются сведения о нем [The Guardian, 10.03.2024]. Секретные данные по ИИ воруют инженеры и передают китайским фирмам [The Guardian, 06.03.2024]. В целом бизнес и развитие технологий с использованием ИИ постоянно находятся во взаимодействии, ассоциативно ИИ можно связать с такими компаниями как Microsoft, Open AI, Google, Apple, Nvidia и некоторыми другими. Каждая из компаний вносит ощутимый вклад в разработку новых программ и продвигает их на рынок. Кроме того, ИИ используется бизнес-пользователями и инвесторами для увеличения продаж [The Guardian, 05.11.2024].

Развитие технологии применения ИИ тесно связано с таким разделом, как искусство и культура, который можно, с одной стороны, подразделить на музыку, изобразительное искусство, театр, кино, хореография. Большинство статей раскрывают негативное влияние ИИ: незаконное копирование произведений искусства, создание генерированных текстов песен, романов, картин, видео. Деятели искусства, известные музыканты, актеры, писатели и художники объединяются против разрешения обучать модели ИИ на примерах оригинальных произведений. Положительным является возможность ИИ определять подлинность произведений искусства [The Guardian, 11.12.2024]. С другой стороны, создаются романы и фильмы об ИИ. Писатели и сценаристы пытаются загля-

нуть в будущее и предугадать дальнейшую судьбу человечества под властью ИИ [The Guardian, 19.07.2024; 16.09.2024; 14.11.2024; 05.12.2024; 16.12.2024]. Стоит отметить, что творческая фантазия писателей не предсказывает радостной перспективы, создавая произведения в жанре ужасов [The Guardian, 06.07.2024; 30.08.2024]. Сенсацией стала статья “First artwork painted by humanoid robot to sell at auction”, рассказывающая о продаже на аукционе первой картины, нарисованной роботом-гуманоидом [3].

В науке ИИ завоевал достойное место и это, пожалуй, единственный раздел, где применение ИИ имеет только положительные стороны. Возможности ИИ применяются в таких сегментах науки, как лингвистика (разрабатываются новые алгоритмы перевода, ИИ научился расшифровывать сарказм), археология (ИИ используется для обнаружения неизвестных геоглифов, для расшифровки древних свитков), палеонтология (ИИ озвучивает вымерших животных), химия (ИИ учат различать ароматы, используют в исследованиях для обнаружения антибиотиков), биохимия (ИИ предсказал структуру белков на основе химической последовательности, расшифровал новые буллы, которые можно использовать в создании вакцин), математика (Google Deep Mind решает задачи повышенного уровня сложности, Google представляет квантовый вычислительный чип), биология (распознавание змей и лечение их укусов), психология (ИИ изучает эмоции животных), метеорология (ИИ изучает климатические изменения, прогнозирует наводнения и погоду). Самые выдающиеся достижения отмечены в медицине, где ИИ применяют для диагностики рака, профилактики инфаркта, сердечных нарушений, болезни Паркинсона, определения переломов костей, предотвращения смертности новорожденных, раннее выявление аутизма у детей, оказания помощи страдающим СДВГ, определения побочных эффектов у пациентов, получающих химиотерапию или радиотерапию. Кроме того, система на основе ИИ анализирует кровь пациентов, оценивает риск заражения бактериями через воду [The Guardian, 21.07.2024]. Однако ряд статей указывает на то, что роль ИИ в лечении онкологии очень переоценена, по срав-

нению с традиционными методами, ошибочно разрекламированы лекарства с ИИ [The Guardian, 08.07.2024]. В области лингвистики ИИ практикующие переводчики убеждены, что из-за ограниченности лингвистической модели ИИ не под силу работать с художественной литературой [The Guardian, 07.08.2024], хотя он и составляет им серьезную конкуренцию.

В разделе политика, правительство, экономика и право больше всего статей в 2024 году посвящено выборам президента США (26 статей). Внимание читателей привлекается к теме постоянных дипфейков, четботов (виртуальных собеседников), отвечающих на предвыборные вопросы, обсуждаются проблемы «злоупотребления ИИ» [The Guardian, 15.03.2024; 16.07.2024; 02.08.2024], возможности его использования для влияния на группы избирателей, предлагается усилить контроль за развитием ИИ [The Guardian, 19.03.2024].

В тесной связи с политическими дипфейками идут статьи, касающиеся защиты музыкантов, художников и писателей от «угрозы ИИ», при помощи которого осуществляется незаконное копирование произведений и нарушается интеллектуальная собственность (13 статей). Компании Google, Amazon «грабят культуру для обучения ИИ» [4]. Наибольшее количество статей рассказывает о нарушениях, связанных с использованием приложений для создания дипфейковых порно с участием детей (12 статей). Кроме того, статьи освещают правонарушения, связанные с клонированием голосов [The Guardian, 19.11.2024], кибератаками [The Guardian, 21.11.2024], с объектами недвижимости [The Guardian, 11.11.2024], использованием ИИ для вымогательства и мошенничества [The Guardian, 24.11.2024], обсуждается необходимость контролировать крупные модели ИИ, ограничить его использование [The Guardian, 01.09.2024].

В плане экономики авторы статей отмечают тот факт, что ИИ расходует большое количество энергии, угрожая экологии (10 статей). Крупные компании вынуждены закупать ядерную энергию для центров обработки данных ИИ [The Guardian, 16.10.2024].

Отдельным разделом стоит выделить этику использования ИИ. Этому пункту отводится особое место, потому что вопросы морали и нравственности пронизывают все ранее перечисленные разделы. Так, применение ИИ сопряжено с обманом, когда ИИ становится для человека псевдодругом, как бы питомцем или возлюбленным [The Guardian, 24.05.2024; 21.09.2024]. Нерешенным остается только вопрос, помогает ли ИИ реально справиться с одиночеством или еще больше отдаляет от общества [5]. The Guardian публикует статьи, рассуждающие на тему степени влияния человека на ИИ. В области политики этической проблемой становится применение ИИ в предвыборной компании, когда вместо кандидатов дает ответы сгенерированный клон или речь политиков создается ИИ, фактически освобождая говорящего от личной ответственности. Научные открытия и бизнес тесно взаимосвязаны, когда речь идет об использовании ИИ в «воскрешении» умерших по цифровым следам (3 статьи). Подобного рода ‘grief tech’ (технология скорби) имеет двойную этическую оценку, противопоставляя радость от «встречи» с покойным близким и горя от невозвратной утраты [6]. Оценка строится на антитезе: в эпоху ИИ цифровая жизнь после смерти – это «благо и проклятие» [The Guardian, 14.06.2024; 26.06.2024]. В искусстве этической проблемой становится возможность ИИ создавать произведения художественной литературы, изобразительного, музыкального творчества. В газете авторы поднимают вопрос о степени оригинальности таких продуктов, роли человека.

Таким образом, репрезентация ИИ в британской газете the Guardian носит двойственный характер. С одной стороны, отмечается, что прогрессивные цифровые технологии несут благо различным сферам жизни общества, с другой, - привлекается внимание к многочисленным нарушениям, ошибкам, связанным с использованием ИИ.

По частотности темы статей можно ранжировать следующим образом: наибольшее количество статей посвящены технологическим разработкам систем на основе ИИ (103 статьи), роли ИИ в социальной сфере (102 статьи), в

политике и области права (91 статья). Также в 2024 году много внимания уделялось значению ИИ для искусства (60 статей) и науки (36 статей).

В представленных статьях достижения в области ИИ называют «прорывом» [7], «следующей промышленной революцией» [2, 8], «бумом» [9, 10], «гонкой вооружений в сфере ИИ» [11], отмечая положительное значение сделанных технологических открытий и повышенный спрос на них (129 статей). В то же время ИИ характеризуют как «мыльный пузырь» [12, 13], «Фукусима» [14], указывая на его отрицательное влияние и небезопасность (195 статей). Негативная оценка связана прежде всего с тем, что ИИ используется для обмана, который затрагивает все области жизни: ИИ зависит от политики, применяется для вымогательства и мошенничества, вытесняет человека из различных отраслей. Такое «двойственное назначение» ИИ ('dual-use technology') [15] заставляет авторов статей постоянно анализировать степень и границы его внедрения.

Список литературы

1. Бабыкина Е.Н. Содержательно-стилевые маркеры публицистического дискурса в сборнике С. Довлатова «Марш одиноких». *Казанский лингвистический журнал*. 2023; 6(1): 26–35.
2. Newton-Rex E. Robots sacked, screenings shut down: a new movement of luddites is rising up against AI. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/27/harm-ai-artificial-intelligence-backlash-human-labour> [дата обращения: 11.06.2025].
3. Turing A. First artwork painted by humanoid robot to sell at auction. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2024/nov/08/alan-turing-portrait-ai-da-robot-painting-sale-price-auction> [дата обращения: 23.06.2025].
4. Burke K. Amazon, Google and Meta are 'pillaging culture, data and creativity' to train AI, Australian inquiry finds. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2024/nov/27/amazon-google-and-meta-are-pillaging-culture-data-and-creativity-to-train-ai-australian-inquiry-finds> [дата обращения: 22.06.2025].
5. Sample I. Could AI help cure 'downward spiral' of human loneliness? *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/may/27/could-ai-help-cure-downward-spiral-of-human-loneliness> [дата обращения: 17.06.2025].
6. Sprenger R., Rinvulcri B., Doran T. Back from the dead: could AI end the grief? *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/news/video/2024/sep/24/back-from-the-dead-could-ai-end-grief-video> [дата обращения: 20.06.2025].
7. Naughton J. My new iPhone symbolises stagnation, not innovation – and a similar fate awaits AI. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/27/my-new-iphone-symbolises-stagnation-not-innovation-and-a-similar-fate-awaits-ai> [дата обращения: 09.06.2025].
8. Naughton J. AI hardware firm Nvidia unveils next-gen products at Taiwan tech expo. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/jun/02/ai-hardware-firm-nvidia-unveils-next-gen-products-at-taiwan-tech-expo> [дата обращения: 15.06.2025].

9. Helmore E. Nvidia reports stratospheric growth as AI boom shows no sign of stopping. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/may/22/nvidia-quarterly-earnings> [дата обращения: 09.06.2025].
10. Makortoff K., Jolly J. Mixed signals on tech stocks amid debate over viability of AI boom. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/business/article/2024/jul/31/mixed-signals-on-tech-stocks-amid-debate-over-viability-of-ai-boom> [дата обращения: 07.06.2025].
11. Robins-Early N. OpenAI tests new search engine called SearchGPT amid AI arms race. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/business/article/2024/jul/25/openai-search-engine-searchgpt> [дата обращения: 05.06.2025].
12. The Guardian view on a tech bubble going pop: AI pays the price for inflated expectations. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/aug/07/the-guardian-view-on-a-tech-bubble-going-pop-ai-pays-the-price-for-inflated-expectations> [дата обращения: 10.06.2025].
13. Naughton J. From boom to bURLt, the AI bubble is only heading in one direction. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/apr/13/from-boom-to-bURLt-the-ai-bubble-is-only-heading-in-one-direction> [дата обращения: 11.06.2025].
14. Sample I. 'An AI Fukushima is inevitable': scientists discuss technology's immense potential and dangers. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/science/2024/nov/22/an-ai-fukushima-is-inevitable-cientists-discuss-technologys-immense-potential-and-dangers> [дата обращения: 12.06.2025].
15. Marcus G. OpenAI's Sam Altman is becoming one of the most powerful people on Earth. We should be very afraid. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/aug/03/open-ai-sam-altman-chatgpt-gary-marcus-taming-silicon-valley> [дата обращения: 07.06.2025].

References

1. Bobykina E.N. Content and style markers of journalistic disourse in the book "March of the lonely" by S. Dovlatov. *Kazan Linguistic Journal*. 2023; 6(1): 26-35. (In Russ.)
2. Newton-Rex E. Robots sacked, screenings shut down: a new movement of luddites is rising up against AI. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/27/harm-ai-artificial-intelligence-backlash-human-labour> [accessed: 11.06.2025].
3. Turing A. First artwork painted by humanoid robot to sell at auction. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2024/nov/08/alan-turing-portrait-ai-da-robot-painting-sale-price-auction> [accessed: 23.06.2025]
4. Burke K. Amazon, Google and Meta are 'pillaging culture, data and creativity' to train AI, Australian inquiry finds. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/technology/2024/nov/27/amazon-google-and-meta-are-pillaging-culture-data-and-creativity-to-train-ai-australian-inquiry-finds> [accessed: 22.06.2025].
5. Sample I. Could AI help cure 'downward spiral' of human loneliness? *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/may/27/could-ai-help-cure-downward-spiral-of-human-loneliness> [accessed: 17.06.2025].
6. Sprenger R., Rinvulcri B., Doran T. Back from the dead: could AI and grief? *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/news/video/2024/sep/24/back-from-the-dead-could-ai-end-grief-video> [accessed: 20.06.2025].
7. Naughton J. My new iPhone symbolises stagnation, not innovation – and a similar fate awaits AI. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/27/my-new-iphone-symbolises-stagnation-not-innovation-and-a-similar-fate-awaits-ai> [accessed: 09.06.2025].
8. Naughton J. AI hardware firm Nvidia unveils next-gen products at Taiwan tech expo. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/jun/02/ai-hardware-firm-nvidia-unveils-next-gen-products-at-taiwan-tech-expo> [accessed: 15.06.2025].

9. Helmore E. Nvidia reports stratospheric growth as AI boom shows no sign of stopping. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/may/22/nvidia-quarterly-earnings> [accessed: 09.06.2025].
10. Makortoff K., Jolly J. Mixed signals on tech stocks amid debate over viability of AI boom. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/business/article/2024/jul/31/mixed-signals-on-tech-stocks-amid-debate-over-viability-of-ai-boom> [accessed: 07.06.2025].
11. Robins-Early N. OpenAI tests new search engine called SearchGPT amid AI arms race. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/business/article/2024/jul/25/openai-search-engine-searchgpt> [accessed: 05.06.2025].
12. The Guardian view on a tech bubble going pop: AI pays the price for inflated expectations. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/commentis-free/article/2024/aug/07/the-guardian-view-on-a-tech-bubble-going-pop-ai-pays-the-price-for-inflated-expectations> [accessed: 10.06.2025].
13. Naughton J. From boom to bURLt, the AI bubble is only heading in one direction. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/apr/13/from-boom-to-bURLt-the-ai-bubble-is-only-heading-in-one-direction> [accessed: 11.06.2025].
14. Sample I. 'An AI Fukushima is inevitable': scientists discuss technology's immense potential and dangers. *The Guardian*. 22.11.2024. Available from: <https://www.theguardian.com/science/2024/nov/22/an-ai-fukushima-is-inevitable-scientists-discuss-technologys-immense-potential-and-dangers> [accessed: 12.06.2025].
15. Marcus G. OpenAI's Sam Altman is becoming one of the most powerful people on Earth. We should be very afraid. *The Guardian*. Available from: <https://www.theguardian.com/technology/article/2024/aug/03/open-ai-sam-altman-chatgpt-gary-marcus-taming-silicon-valley> [accessed: 07.06.2025].

Автор публикации**Author of the publication**

Уткина Ольга Леонидовна –
доцент
Орский гуманитарно-технологический
институт (филиал)
Оренбургский государственный институт
Орск, Россия
Email: olyaut@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2435-4319>

Utkina Olga Leonidovna –
Associate Professor
Orsk Humanities and Technology Institute branch of
Orenburg State University
Orsk, Russia
Email: olyaut@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2435-4319>

Раскрытие информации о конфликте интересов**Conflicts of Interest Disclosure**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье**Article info**

Поступила в редакцию: 02.09.2025
Одобрена после рецензирования: 25.12.2025
Принята к публикации: 27.01.2026

Submitted: 02.09.2025
Approved after peer reviewing: 25.12.2025
Accepted for publication: 27.01.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании**Peer review info**

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.581.11

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.140-149>

**КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ / 高兴» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Ф.Г. Фаткуллина¹, Чжан Сяюй²

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

¹fluzarus@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

²xiaoyuzhang686@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-9412-8314>

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению лингвокультурного содержания эмоционального концепта «радость» и его сопоставительному исследованию в рамках языковой картины мира русского и китайского народов, причем особое внимание уделено фразеологическим единицам.

Будучи универсальным для обеих лингвокультур, данный концепт вместе с тем обладает уникальными этноспецифическими чертами и является концентрированным выражением национальной культуры и одновременно служит ключевым инструментом её познания. Эмоции, являясь неотъемлемой частью человеческой жизни, не просто переживаются, но и осмысливаются, что находит своё непосредственное отражение в языке народа, как и иные культурные феномены. Цель работы – путём кросс-культурного сопоставления выявить эти особенности, что позволяет более рельефно представить этнический менталитет и его идентификационные маркеры.

Исследование показало, что, исходя из неразрывной связи концепта «радость» с его языковой репрезентацией, анализ, опирающийся на лексикографический материал и теорию языковой картины мира, не только способствует дальнейшему обогащению содержания концепта «радость», но и выявляет детерминированные культурой различия в образе жизни и духовном универсуме сопоставляемых народов.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; эмоция; радость; лингвокультура; концептуализация; фразеологизм; универсальное и национально-специфическое

Для цитирования: Фаткуллина Ф.Г., Чжан Сяюй. Концепт радость / 高兴 в русских и китайских лингвокультурах. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(1): 140–149. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.140-149>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.140-149>

**THE CONCEPT JOY / 高兴 IN RUSSIAN AND CHINESE
LINGUOCULTURES**

F.G. Fatkullina, Zhang Xiaoyu

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

¹fluzarus@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

²xiaoyuzhang686@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-9412-8314>

Abstract. This study is dedicated to the linguocultural description and contrastive analysis of the emotive concept “joy” in Russian and Chinese linguistic worldviews, with particular emphasis on phraseological units. Although universal for both linguistic cultures, this concept also possesses

unique ethnospecific features. The concept serves as a concentrated expression of national culture and simultaneously acts as a key tool for its understanding. Emotions, being an integral part of human life, are not only experienced but also comprehended, which finds direct reflection in the language of a people, just like other cultural phenomena. The aim of this work is to reveal these peculiarities through cross-cultural comparison, thereby contributing to a more distinct explication of ethnic mentality and its identity markers. Based on the inextricable link between the concept of joy and its linguistic representation, the analysis, relying on lexicographic material from Russian and Chinese languages, not only enriches our understanding of the content of the concept “joy,” but also reveals culturally determined differences in lifestyle and spiritual universe among the compared peoples.

Keywords: linguistic worldview; concept; emotion; joy; linguoculture; conceptualization; phraseology; universal and national-specific

For citation: Fatkullina F.G., Zhang Xiaoyu. The Concept Joy / 高兴 in Russian and Chinese Linguocultures. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 140–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.140-149>

Актуальность проведенного исследования обуславливается кардинальной сменой научной парадигмы середины XX века, когда произошел переход от изучения языка как системы к исследованию речи как деятельности и языковой личности. «Языковая картина мира в данном случае определяется как осмысление окружающей действительности человеком, места и статуса человека в этом мире» [1, с. 155, 159]. Особенность языковой картины мира заключается в ее тесной связи с такими процессами, как восприятие, познание и осознание действительности человеком. Фразеологизмы, занимающие значительное место в формировании языковой картины мира, выступают важным источником сведений о национальном мышлении, опыте и культурных кодах. Поэтому актуальной задачей становится выявление национального своеобразия восприятия базовых человеческих эмоций, таких как радость, посредством сопоставительного анализа фразеологизмов русского и китайского языков.

Научная новизна предлагаемой статьи заключается в том, что нами впервые проведено комплексное сопоставительное исследование фразеологизмов, репрезентирующих концепт «радость» в русском и китайском языках; дано обоснование национальной специфичности способов выражения понятия «радость», характерных для русской и китайской лингвокультур и

установлены типичные образы и метафорические схемы, используемые для описания чувства радости в каждом из рассматриваемых языков.

Мы согласны с мнением Красавского Н.А. о том, что «Практически всеми психологами в качестве базисных эмоций действительно называются страх, гнев, печаль и радость» [2, с. 4]. Полученные результаты позволяют расширить представление о способах реализации базовой эмоции «радость» в конкретных языковых сообществах. Выводы исследования способствуют более глубокому пониманию роли фразеологизмов в формировании представлений о базовых эмоциях, раскрывают особенности влияния социокультурных факторов на формирование образа радости в сознании носителей русского и китайского языков. Предложенная методика контрастивного анализа позволяет создавать основу для последующих аналогичных исследований иных базовых эмоций.

Известные российские ученые З.Д. Попова и И.А. Стернин, характеризуют концепт следующим образом: «... это дискретное ментальное образование, ..., представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [3, с. 24]. Согласно мнения исследователя Г.У. Араповой, «Концепт выражает не только совокупность признаков объекта, но и те представления, знания, ассоциации, переживания, которые с ним связаны» [4, с. 591].

Концепт как ключевой элемент национальной языковой культуры неразрывно связан с этнокультурной спецификой и системой ценностей этноса. Познание концепта, представляя собой реконструкцию генезиса и обогащения языковой картины мира, тем самым позволяет прикоснуться к основам этнической идентичности и восстановить культурно-духовные устои нации [5].

Национальные мысли, эмоционально-волевые проявления находят своё активное отражение как в лексикографическом семантическом описании

концептов, так и в семантических признаках значений лексических единиц. Само лексическое значение является результатом человеческого сознания и культурной деятельности, поэтому концептуальный анализ неотделим от исследования словарных дефиниций концептонимов. В «Толковом словаре живого великорусского языка», подготовленном В.И. Далем, приводится такое определение слова *радость*: «1. Внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая. 2. Самое событие или предмет, возбудивший эти душевные чувства. 3. стар. брачный пир, свадьба» [6, с. 3].

Семантическое значение чувства радости в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Ожегов С.И. и Шведовой Н.Ю. толкуется следующим образом: «1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что (тот, кто) вызывает такое чувство. 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство» [7, с. 1490].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова *радость* трактуется так: «1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что доставляет удовольствие, даёт счастье. 3. Ласковое, нежное обращение» [8, с. 1058]. Согласно лексикографическим данным из словарей, семантическое поле лексемы *радость* структурируется вокруг трёх взаимосвязанных осей: *субъективного эмоционального состояния, объективации эмоции и социокультурной ритуализации*. Дополнительный антропоцентрический аспект (ласковое обращение) трансформирует абстрактную эмоцию в инструмент межличностной коммуникации, подчёркивая её социально-консолидирующую функцию. Таким образом, *радость* предстаёт многомерным феноменом: от спонтанного психофизиологического отклика до культурно-опосредованного концепта, объединяющего внутреннее удовлетворение, источник радости и ритуал.

Мы провели анализ словарных определений слова ‘高兴’ (радость), основываясь на "Современном толковом словаре китайского языка",

последовательно рассмотрев толкования компонентов ‘高’, ‘兴’ и ‘高兴’. ‘高’, которые обозначают:

- 1) Большое расстояние снизу вверх; (что-то), находящееся далеко от земли.
2. Высота.
4. Прилагательное: превосходящий общий стандарт или средний уровень.
5. Находящийся на высшей ступени (в иерархии).
6. Вежливое обращение, используемое для обозначения вещей, связанных с собеседником [9, с. 430].

‘兴’: 1. Душевный подъём; интерес [9, с. 1469].

‘高兴’: 1. Радостный и воодушевлённый.

2. Делать что-либо в радостном настроении [9, с. 434].

Словарные определения подчеркивают естественное превращение этого чувства из внутреннего переживания во внешнее действие. Семантическая структура слова побуждает носителей языка непосредственно воплощать радостные эмоции в конкретные действия, рассматривая это как вполне обоснованный мотив. Благодаря этому в практическом употреблении понятие ‘高兴’ чаще выполняет роль побудителя к действию, а не просто служит статичным описанием эмоционального состояния.

Несмотря на то что и русское слово "радость", так и китайское "高兴" включают в себя два основных аспекта, внутреннее эмоциональное переживание и внешний вызывающий его фактор, направления их семантического расширения различаются: первое простирается в сферу социальных ритуалов, проявляя функцию культурного символа, в то время как второе подчеркивает преобразование в конкретные действия, выделяя свою характеристику как мотивации поступков.

Фразеологизм, являясь формой культурного бытия человечества, представляет собой художественный способ объективации и трансляции

культуры, а также инструмент фиксации и наследования его квинтэссенции посредством устойчивых языковых комплексов [10; 11; 12]. Заключённые в них ментальные репрезентации коррелируют с многообразными феноменами действительности, формируя уникальные образы этнического сознания. Фразеологизмы различных народов аккумулируют специфичные культурные идеи, аксиологические установки и концептосферы [13]. Далее представим некоторые примеры лингвокультурологического анализа фразеологизмов в сравниваемых языках, иллюстрирующие универсальные и национально-специфические аспекты репрезентации данного концепта в языковых картинах мира двух народов.

Универсальные характеристики:

1. Соматизация интенсивности аффекта

Рассмотрим выражения *Рад-радёхонек* и ‘喜不自胜’ (неспособность сдержать восторг), которые демонстрируют семасиологическую интенсификацию чувства радости, акцентируя состояние удовольствия. Русское выражение *На радостях* параллельно китайским ‘喜形于色’ (радость, явленная на лице) и ‘喜悦扑舞’ (танец от избытка чувств), репрезентируя универсальный паттерн удовлетворения через мимическую семиотику и кинетические акты, что подтверждает антропологическую константу: непроизвольную телесную реакцию при эмоциональном пике.

2. Интерактивная социализация

Выражение *С радостью* и китайский аналог ‘喜闻乐见’ (желание видеть и слышать) имплицитно конвертируют эмоции в кооперативное намерение, эксплицируя социоинтегративную функцию позитивного аффекта как катализатора коллективного действия.

3. Феномен депривации радости

Русский фразеологизм *Не в радость* концептуализирует экзистенциальный вакуум, тогда как китайский эквивалент ‘喜怒无常’

(дисгармония аффектов) репрезентирует колеблемость/недостаточность позитивного переживания, совместно маркируя хрупкость гедонистического состояния и его потенциальную негативную инверсию в языковом сознании обоих этносов.

4. Культурная специфика

Русский язык акцентирует интрапсихические коллизии (внутренние противоречия): фразеологические выражения *и не рад, и сам не рад* отражают симбиоз радости с принуждением и раскаянием, обнажая парадоксальность аффекта, а конструкция *и рад бы в рай, да грех не пускают* увязывает радость с религиозной сотериологией (теорией спасения), отражая аскетический императив православной этики. Китайский язык фокусируется на социорегулятивной функции эмоций: идиома ‘悦近来远’ (политика, при которой ближние покоряются радостно, а дальние приходят добровольно) сублимирует *радость* в инструмент геополитической консолидации, а ‘赏心悦目’ (восхищение, улаждающее душу и взор) подчёркивает казузацию аффекта внешними эстетическими объектами. Уникальность русской идиомы *С какой радости* заключается в иронизирующей метафоризации чувства радости как мотивационного триггера, имплицитующей недоумение или протест – это семантическая модель, не имеющая аналогов в китайском, где для вопрошания о причинах явления используются нейтральные лексемы ‘为何’ (почему).

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить характерные национальные особенности выражения базовой эмоции «радость / 高兴» в русском и китайском языках через призму фразеологизмов. Нами были установлены определённые аналогии и значимые различия в национально-культурном выражении эмоции радости, проявляющиеся в выборе образов, символов и метафорических схем, используемых в каждой лингвокультуре. Отметим, что полученные результаты обладают высоким потенциалом для

продолжения и расширения дальнейших изысканий в области межкультурной коммуникации и лингвокультурологии. Дальнейшие перспективы связаны с возможным распространением методики контрастивного анализа на другие базовые эмоции и углубленным изучением мотивационно-образной основы фразеологизмов русского и китайского языков.

Список литературы

1. Воробьев В.В., Фаткуллина, Ф.Г., Кужугет Ш.Ю. Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков). Новые исследования Тувы. 2023;4: 153–170. DOI: 10.25178/nit.2023.4.11 / <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1278/1593>
2. Красавский Н.А. Концепт «Радость» в русской лингвокультуре (на материале словарных статей и ассоциативного словаря). Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010;5: 4–7.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки; 2007. 250 с.
4. Арапова Г.У. Концепт, понятие и значение слова. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016;1-4: 591–593.
5. Фаткуллина Ф.Г., Чжу Цянь. Лингвокультурное взаимодействие при переводе (на материале китайской поэмы «Лисао» в переводе А. Ахматовой). Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода. Уфа: УУНиТ; 2024. С. 214–217.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва; 1866: 625 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Академии наук СССР; 1949. 2153 с.
8. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт; 2000. 1536 с.
9. Современный словарь китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство; 2016. 1799 с.
10. Ни Сыюй, Фаткуллина Ф.Г. Переводческий анализ метафор в китайской и русской поэзии (на примере произведений ЛИ ЮЯ). Казанский лингвистический журнал. 2025;8(2):264–272. DOI: 10.26907/2658-3321.2025.8.2.263-272
11. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Fatkulina F.G., Shkilev R.E., Maierhali D. Specifics of advertising text in the green economy as the main unit of marketing communications in Russian and English. Sustainable Cooperation for the Creation of Green Supply Chains Based on Environmental Technologies and Responsible Innovations. Cham; 2024. С. 151–158.
12. Yahin M.A., L.R. Sakaeva, B.O. Mikhailovna. The comparative analysis of anthropocentric phraseological units in Russian, English and Tatar languages. The Social Sciences. 2016;(11): 4048–4052.
13. Яхин М.А., Сакаева Л.Р. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики в трудах отечественных и зарубежных языковедов. Казанский лингвистический журнал. 2019;2(4): 38–47.

References

1. Vorobyov V.V., Fatkulina F.G., Kuzhuget Sh.Yu. Lingvocultural description of the spatial code of culture (based on the Russian and Tuvan languages). New studies of Tuva. 2023;4: 153–170. DOI: 10.25178/nit.2023.4.11 / <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1278/1593>

2. Krasavsky N.A. The concept of "Joy" in Russian linguoculture (based on dictionary entries and an associative dictionary). *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. 2010;5: 4–7.
3. Popova Z.D., Sternin I.A. *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh: Istoki; 2007. 250 p.
4. Arapova G.U. Concept, Notion, and Meaning of a Word. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016;1-4: 591–593.
5. Fatkullina F.G., Zhu Qian. Linguocultural Interaction in Translation (Based on the Chinese Poem "Lisao" Translated by A. Akhmatova). *Intercultural ↔ Intracultural Communication: Theory and Practice of Teaching and Translation*. Ufa: UUNiT; 2024. pp. 214–217.
6. Dahl V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow; 1866: 625 p.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. M.: Academy of Sciences of the USSR; 1949. 2153 p.
8. Kuznetsov S.A. *Large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint; 2000. 1536 p.
9. Modern dictionary of the Chinese language. Beijing: Commercial Publishing House; 2016. 1799 p.
10. Ni Syyu, Fatkullina F.G. Translation analysis of metaphors in Chinese and Russian poetry (based on the works of LI YUYA). *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(2):264–27. DOI: 10.26907/2658-3321.2025.8.2.263-272
11. Sakaeva L.R., Yahin M.A., Fatkullina F.G., Shkilev R.E., Maierhali D. Specifics of advertising text in the green economy as the main unit of marketing communications in Russian and English. *Sustainable Cooperation for the Creation of Green Supply Chains Based on Environmental Technologies and Responsible Innovations*. Cham; 2024. pp. 151–158.
12. Yahin M.A., Sakaeva L.R., Mikhailovna B.O. The comparative analysis of anthropocentric phraseological units in Russian, English and Tatar languages. *The Social Sciences*. 2016;(11): 4048–4052.
13. Yakhin M.A., Sakaeva L.R. Concept as a basic concept of cognitive linguistics in the works of domestic and foreign linguists. *Kazan Linguistic Journal*. 2019;2(4);38–47. (In Russ.)

Автор публикации

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна –
доктор филологических наук, профессор
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия
Email: fluzarus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

Чжан Сяюй –
Аспирант
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Россия.
Email: xiaoyuzhang686@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-9412-8314>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02.03.2026

Author of the publication

Fatkullina Fluza Gabdullinovna –
Doctor of Philology, Professor
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia
Email: fluzarus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8711-2993>

Zhang Xiaoyu –
graduate
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia
Email: xiaoyuzhang686@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-9412-8314>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 02.03.2026

Одобрена после рецензирования: 15.03.2026

Принята к публикации: 23.03.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Approved after peer reviewing: 15.03.2026

Accepted for publication: 23.03.2026

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья

Филологические науки

УДК 81'42:33:316.6(470+571)

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.150-156>

**CARACTÉRISTIQUES LINGUISTIQUES
DU LEXIQUE ÉOTIONNELLEMENT COLORÉ
AU DISCOURS POLITIQUE RUSSE**

E.A. Khorosheva¹, E.V. Savina²

Université d'État N.P.Ogarev de Mordovie, Saransk, Russie

¹Katerina-Skoptsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4898-0605>

²Elena-Savina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5935-3538>

Résumé. L'intérêt pour les événements politiques, pour les hommes d'État et pour leurs conduites langagières est pris de plus en plus d'importance dans la société. Cet article examine des caractéristiques lexicales éotionnellement colorées dans les discours des hommes politiques russes, notamment de S. Lavrov, Ministre des Affaires étrangères, et de V. Shuvaev, ex-ambassadeur en République algérienne démocratique et populaire.

L'importance théorique de cet article est de développer le mécanisme linguistique de l'étude des émotions dans le discours politique russe.

On fait le point sur les catégories de caractère évaluatif, expressif et imagé en tant que les actualisateurs d'émotivité. La catégorie évaluative est réalisée par le lexique avec une connotation positive et négative, des mots d'introduction, euphémismes, dysphémisme. La catégorie expressive est présentée par le lexique du style élevé et celui de la langue parlée, ainsi que par le slang. Dans la catégorie imagée, les moyens figuratifs, plutôt, l'épithète, la métaphore et la métonymie qui prédominent. Il est à noter que la palette des émotions de l'orateur est créée par l'intensité des «portions» des moyens linguistiques mis en œuvre.

Mots clés: discours politique; lexique éotionnellement coloré; catégorie expressive; catégorie imagée; catégorie évaluative

Pour citation: Khorosheva E.A., Savina E.V. Caractéristiques Linguistiques du Lexique Éotionnellement Coloré au Discours Politique Russe. *Revue Linguistique de Kazan*. 2026;9(1): 150–156. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.150-156>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.150-156>

**LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF EMOTIONALLY COLORED
LEXICON IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE**

E.A. Khorosheva¹, E.V. Savina²

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

¹Katerina-Skoptsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4898-0605>

²Elena-Savina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5935-3538>

Abstract. Interest in political events, statesmen, and their linguistic behaviors is gaining increasing significance in society. This article examines emotionally colored lexical characteristics in the speeches of Russian politicians, particularly S. Lavrov, the Minister of Foreign Affairs, and V. Shuvaev, former ambassador to the People's Democratic Republic of Algeria.

The theoretical significance of this article lies in the development of a linguistic mechanism for the study of emotions in Russian political discourse.

The article focuses on evaluative, expressive, and figurative categories as the actualizers of emotivity. The evaluative category is realized through lexicon with positive and negative connotations, introductory words, euphemisms, and dysphemisms. The expressive category is represented by elevated style lexicon and spoken language, as well as slang. The figurative category predominantly includes figurative means, specifically epithets, metaphors, and metonymy. An important idea is that the speaker's palette of emotions is created by the intensity of the "portions" of the implemented linguistic means.

Keywords: Political discourse; emotionally colored lexicon; expressive category; figurative category; evaluative category

For citation: Khorosheva E.A., Savina E.V. Linguistic Characteristics of Emotionally Colored Lexicon in Russian Political Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(1): 150–156. (In French). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2026.9.1.150-156>

La communication fait partie intégrante de la vie humaine, car dans l'interaction on échange d'informations, d'idées et on partage des réflexions. Un processus de communication est directement lié à l'ensemble des particularités mentales (qualités intellectuelles, émotionnelles, culturelles) des participants. De nombreux facteurs sont impliqués dans un caractère distinctif de comportement des communicateurs. Ces facteurs forment la situation communicative qui représente les aspects extralinguistiques de l'activité du sujet. Ils sont coordonnés avec la parole au cours de laquelle le message est créé [1]. Dans les situations communicatives de divers domaines d'activité, une variation de types du discours se réalise [2]. Le discours est un concept multiforme, ce qui signifie un texte dans l'aspect événementiel, sa réalisation par la parole, son incarnation dans la communication en direct, l'attribution de langue aux orateurs [3].

L'intérêt pour les événements politiques, pour les hommes d'État et pour leurs conduites langagières est pris de plus en plus d'importance dans la société. Par conséquent, l'identité linguistique des fonctionnaires, des caractéristiques linguistiques du discours politique attirent l'intérêt non seulement du grand public, mais des scientifiques, y compris, des linguistes et des philologues. Dans cet article, un «discours politique» est un acte de parole qui se prononce par un personnage politique qui possède un caractère public et aide à réaliser des processus de communication d'une sphère socio-politique spécifique.

Il convient de noter qu'un caractère pragmatique du discours politique est important pour un receveur, car le discours n'est pas seulement le texte, mais le contexte social de l'acte de langage qui caractérise des participants à la communication, le processus de production de parole et de sa perception. En faisant appel aux sentiments du public, l'orateur cherche à transmettre son humeur émotionnelle à l'auditoire: colère, sympathie, frustration etc. [4]. Pour manifester ses émotions un rhéteur fixe son attention sur les moyens linguistiques [5].

Pour examiner une composante émotionnelle dans le discours politique de manière complète et objective, on tenterait de considérer les catégories suivantes: évaluative, expressive et imagée d'une composante émotionnelle. On analyse chacune de ces catégories en se basant sur les exemples concrets.

Catégorie évaluative d'une composante émotionnelle

Comme un moyen de communication, la langue est subjective. Donc, ce facteur subjectif, inhérent aux humains, est un noyau des recherches linguistiques modernes. Catégorie émotionnelle et évaluative sont souvent liées et interdépendantes. Toute déclaration représente à la fois l'union du contenu logique, émotionnel et évaluatif. Pour autant, l'émotivité est souvent déterminée à l'aide d'une catégorie évaluative et vice versa [6]. Selon I. Kolbukova, une catégorie évaluative est une manifestation de sa propre attitude envers l'information et son appréciation [7, p. 19]. Parmi le vocabulaire évaluatif, on dégage les éléments de la parole les plus fréquemment utilisés, comme les locutions comparatives, surnoms, métaphores et épithètes. Cependant, il faut distinguer séparément des moyens linguistiques suivants:

1. Euphémisme est une unité lexicale atténuant des expressions qui pourraient être perçues comme impolies.

2. Dysphémisme est une inclusion dans la parole des tournures stylistiquement basses pour exprimer une évaluation négative, pour renforcer l'expressivité de la parole où l'expression neutre pourrait être utilisée.

3. Adverbes aux côtés des adjectifs et épithètes deviennent agents de l'actualisation évaluative. En outre, ils renforcent des qualités positives et négatives du sujet.

Ces moyens linguistiques sont réalisés dans des exemples suivants: «*Опасная нестабильность на Ближнем Востоке также подпитывается отсутствием какого-либо прогресса в урегулировании палестинской проблемы*» [8]. Dans l'exemple ci-dessus l'expression «*палестинская проблема*» acquiert le statut d'un euphémisme, car S. Lavrov, ministre russe des Affaires étrangères, sous-entend le conflit israélo-palestinien. Ce tour de parole peut être attribué à la catégorie évaluative, étant donné une préoccupation de l'homme politique par gravité de la situation. Il choisit une variante lexicale avec plus de tact.

Un extrait suivant nous offre un exemple des dysphémismes: «*Пресечение этого безусловного зла нельзя делать заложником конъюнктурных соображений и блоковых подходов*» [8]. D'après le contexte, la personnalité politique utilise l'expression «*безусловное зло*» pour caractériser la politique occidentale actuelle.

La catégorie évaluative se distingue parfois par l'utilisation des connecteurs «*нет никаких сомнений*», «*безусловно*»: «*Нет никаких сомнений, что этого более чем достаточно*» [8]; «*Вся территория России, которая закреплена и дополнительно может быть закреплена в Конституции нашей страны, безусловно, находится под полной защитой государства*» [8]. Ces exemples présentent l'attitude évaluative de S. Lavrov envers un objet du discours.

Catégorie expressive d'une composante émotionnelle

I. Arnold définit cette catégorie comme une faculté d'une partie du texte ou de sa totalité à transmettre le sens avec l'intensité augmentée [9]. On est d'avis que l'expressivité de la parole est liée aux styles langagiers. En particulier, le lexique du style littéraire et celui du style de la communication quotidienne portent la teinte expressive fortement marqué [10]. Il convient de noter la tendance à l'utilisation pour exprimer une composante émotionnelle des différents moyens lexicaux, tels que la métaphore, métonymie et le slang [11].

Une expressivité accrue de S. Lavrov est observée dans les exemples suivants: «*Идет безудержная накачка киевского режима оружием, открыто поддерживаются националистические батальоны, с ног до головы покрытые...*» [8].

Dans cette énonciation, on retrouve l'utilisation d'un élément lexical du style parlé «*накачка...оружием*» [12, p. 383], renforcé par l'épithète du style élevé «*безудержный*» [12, p. 42]. Cela apporte à l'affirmation une expressivité supplémentaire. L'unité phraséologique de la langue parlée «*с ног до головы*» [12, p. 420] remplace les éléments neutres «*целиком*», «*полностью*», elle est destinée à décrire plus expressivement le déroulement des événements en Ukraine.

«*Свою востребованность подтвердят те структуры, которые способны быть площадками для согласования баланса интересов государств, а не для попыток оправдать чьи-то претензии на гегемонию*» [8]. Le lexique du style élevé «*гегемония*» [12, p. 127] donne aussi la teinte expressive à la proposition de l'homme politique.

«*Вы знаете, сейчас очень модно применять то, что называется „культурой отмены“ (cancel culture)*» [13]. Dans ce cas, l'usage du nouveau terme politique «*культура отмена*» comporte de l'expressivité.

Catégorie imagée d'une composante émotionnelle

L'image peut être appelée comme une réflexion des réalités du monde extérieur à la conscience humaine. En revanche, l'imagerie est abstraite, car ce phénomène est relié à la notion de caractère expressif et évaluatif. A. Shtanov définit les moyens de réalisation de la catégorie imagée comme outils linguistiques d'expression, plutôt, les tropes: métaphore, métonymie, unité phraséologique, locutions comparatives, épiphore etc. [14]. L'article de E. Litvinova et E. Savina nous montre qu'un lexique imagé du discours politique, en particulier, est illustré par épithète, métaphore, métonymie, périphrase. Notamment, le moyen le plus fréquemment utilisé, c'est l'épithète (surtout, l'épithète déterminative et descriptive) [15].

Afin d'examiner cette catégorie, on étudie l'exemple du discours politique russe, notamment: «*...не было другого варианта, кроме как поддержать искреннее волеизъявление крымчан...*» [8]. Dans ce cas, S. Lavrov recourt à l'utilisation

d'épithète descriptive «искренний» pour souligner l'autonomie dans le choix des habitants de Crimée.

«...открыто публиковали на своих сайтах приглашение присоединиться к „священной войне“ против России» [13]. En tant qu'un moyen figuratif, la métaphore offre un riche potentiel imagé. À cet égard, l'expression métaphorique «священная война» signifie l'adhésion des certains pays à la politique des blocs contre la Fédération de Russie.

La métonymie du lexème «друг» remplace le nom de l'État, en particulier, de la République algérienne démocratique et populaire dans l'exemple suivant: «...становится ясно, кто из наших „партнеров“ – действительно друг» [13]. Ce choix des unités linguistiques exprime le désir de souligner le partenariat et la camaraderie de deux pays.

En conclusion, on peut distinguer trois catégories du lexique émotionnellement coloré de discours politique russe. La catégorie évaluative est réalisée par le lexique avec une connotation positive et négative, des mots d'introduction, euphémismes, dysphémisme. La catégorie expressive est présentée par le lexique du style élevé et celui de la langue parlée, ainsi que par le slang. Dans la catégorie imagée, les moyens figuratifs, plutôt, l'épithète, la métaphore et la métonymie qui prédominent.

References

1. Shamilov R.M., Sdobnikov V.V. Communicative Situation and Linguistic Design of Text in Specialized Translation: Content and Meaning Aspect. *Scientific Dialogue*. 2019;1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-situatsiya-i-lingvisticheskoe-otformirovanie-teksta-v-spetsialnom-perevode-soderzhatelno-smyslovoy-aspekt> (accessed: 26.03.2025). (In Russ.)
2. Arkhipkin D.V. Political Discourse as an Object of Linguistic Research. *Current Issues of Philological Science in the 21st Century: Collection of Articles Based on Materials from the III All-Russian Scientific Conference of Young Scientists with International Participation*. Part 1. Yekaterinburg: Ural Federal University. 2013: 15–18.
3. Arutyunova N.D. Discourse. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Chief Editor V.N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1990. Pp. 136–137.
4. Kozlov R.G. On the Expressiveness of Political Discourse. *Philological Sciences*. 2006; 1: 132–136.
5. Kirshinova O.V. The Palette of Positive Emotions and its Expression in Oral Speech. *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1):100–110. Available from: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/495> (accessed: 05.06.2025). (In Russ.)
6. Dmitrieva D.D. The Concept of Emotionality, Expressiveness, and Evaluativeness Categories in Communicative Linguistics. *Regional Herald*. LLC Publisher «Myslitel»; 2018; 6(15): 27–29.
7. Kolbukova I.V. *Principles and Methods of Representing the Expressive Semantics of Words in a Bilingual Dictionary*. Moscow: Russian State Library; 2007. 190 p.

8. Lavrov S.V. *Speech at the Plenary Session of the Foreign Ministers of the «The Group of 20»*. 2023. Available from: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1856634/ (accessed: 26.03.2025). (In Russ.)
9. Arnold I.V. Interpretation of Artistic Text: Types of Presentation and Problems of Expressiveness. *Expressive Means of the English Language: Collection of Scientific Works*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute A.I. Herzen; 1975.
10. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*. Edited by M.N. Kozhina. Moscow: Flinta; 2003. Available from: <https://stylistics.academic.ru/195/> (accessed: 26.03.2023). (In Russ.)
11. Vasilieva E.V. The Role of Expressive Means of Language in Political Discourse. *Innovations. Science. Education*. 2021; 30: 1518–1523.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Azbukovnik; 1997. 944 p.
13. Shuvaev V.V. Congratulations on Diplomatic Worker Day. 2023. Available from: https://algerie.mid.ru/ru/presscentre/news/pozdravlenie_posla_rossii_v_alzhire_v_v_shuvaeva_s_dnem_diplomatic_heskogo_rabotnika/ (accessed: 26.03.2025). (In Russ.)
14. Shtanov A.V. Features of Imagery Implementation in Turkish Political Discourse of Oral Public Speaking. *Vestnik RUDN. International relations. Series: Linguistics*. 2016; 20 (3): 152–163.
15. Litvinova E.A., Savina E.V. Lexical Features of the Implementation of the Emotional Component in Political Discourse (Based on the Speeches of Russian Politicians). *Scientific Review. International Scientific and Practical Journal*. 2018; 3: 9–14.

Авторы публикации

Хорошева Екатерина Андреевна –
доцент
МГУ им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия
Email: Katerina-Skoptsova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4898-0605>

Савина Елена Владимировна –
доцент
МГУ им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия
Email: Elena-Savina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5935-3538>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 04.06.2025
Одобрена после рецензирования: 25.10.2025
Принята к публикации: 27.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Khorosheva Ekaterina Andreevna –
Associate Professor Ph.D. (Curturology)
National Research Mordovia State University
Saransk, Russia
Email: Katerina-Skoptsova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4898-0605>

Savina Elena Vladimirovna –
Associate Professor Ph.D. (Philology)
National Research Mordovia State University
Saransk, Russia
Email: Elena-Savina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5935-3538>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 04.06.2025
Approved after peer reviewing: 25.10.2025
Accepted for publication: 27.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал

Главный редактор – С.С. Тахтарова

Выпускающий редактор – Л.Р. Сакаева

Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова

Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова

Научные редакторы:

Ф.Л. Ратнер (педагогика)

Л.Е. Бушканец (литературоведение)

Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal

International peer-reviewed journal

Chief editor – S.S. Takhtarova

Executive editor – L.R. Sakaeva

Press and editorial manager – D.R. Sabirova

Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova

Scientific editors:

F.L. Ratner (pedagogics)

L.E. Bushkanets (literary studies)

L.R. Sakaeva (linguistics)

Date of publication: 02.04.2026.

Дата выхода в свет: 02.04.2026.

